

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6

1 9 6 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

6

1967

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. С. Яжборовская.</i> Борьба ПНР за укрепление национального фронта в период существования Правительства национального единства	3
<i>Р. П. Гришина.</i> Поворот Коминтерна к политике народного фронта и Болгарская коммунистическая партия	16
<i>Александр Флакер (СФРЮ).</i> Советская литература в Югославии с 1918 по 1934 год	21
<i>Ю. И. Смирнов.</i> Славянская эпическая общность (изменчивость уровней эпики)	27
<i>Л. Н. Виноградова.</i> Место и значение Кольберга в польской фольклористике	40
<i>Е. М. Верецагин.</i> К вопросу об использовании греческой лексики в первых славянских переводах	49

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры и рецензии

<i>В. А. Жебокрицкий, И. М. Кулинич.</i> Вопросы истории зарубежных славян на страницах «Українського історичного журналу»	59
<i>И. М. Беляская, Л. В. Горина, Е. С. Макова.</i> Исторические сборники воронежских славистов	64
<i>Л. Я. Гибянский.</i> Исследования по истории югославского рабочего движения	68
<i>А. И. Недорезов.</i> J. Doležal. Jediná cesta	70
<i>И. Костюшко.</i> Монография о крестьянском движении в Королевстве Польском	72
<i>Ю. К. Бегунов.</i> Юрий Крижанич. Политика	73
<i>Л. М. Мордузович.</i> Новое издание «Политических дум» Ю. Крижанича	75
<i>Л. Б. Валев.</i> История Болгарии глазами прогрессивных французских исследователей	78
<i>С. Гречишников.</i> Памяти Зденека Неудлы	81
<i>Н. Богомолова.</i> Книга о Л. Стаффе	83

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>А. С. Мыльников.</i> «Rukovět' humanistického básnictví v Cechách a na Morave»	84
<i>Е. Н.</i> К оценке творчества Григория Цамблака	85
<i>М. Р. Тульчинский.</i> «Studien zur Geschichte Osteuropas»	85
<i>И. К. Бунина.</i> В. Станков. Имперфектът в съвременния български книжовен език	86
<i>А. Е. Супрун.</i> Новый полабский словарь	90

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1967 г. (продолжение)	93
Содержание иностранных журналов	97

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>П. Р.</i> Заседание Комиссии историков СССР и ЧССР	103
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Международный симпозиум по проблемам славянских этимологических исследований	104
<i>Э. Григорян.</i> Первый симпозиум по славистике в Белоруссии	107
<i>И. Н. Чемпалов.</i> Славистика на кафедре новой и новейшей истории Уральского государственного университета имени А. М. Горького	110
<i>Н. С. Захарьина, Н. З. Сергеева, А. Б. Петров, А. Анатольев, А. Соловьева.</i> Защита диссертаций	111
<i>Р. Н. Иванович (СФРЮ).</i> Исторический институт в Титограде	113
<i>Л. Б. Валев.</i> Памяти К. Д. Дмитрова	114
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1967 г.	116

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), **И. Ф. БЭЛЗА**, **Л. Б. ВАЛЕВ**, **В. Г. КАРАСЕВ**,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), **Д. Ф. МАРКОВ**, **И. С. МИЛЛЕР**,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, **Ю. А. ПИСАРЕВ**, **Г. М. СЛАВИН**, **В. Ф. СТАХЕЕВ** (зам. главного редактора), **Н. И. ТОЛСТОЙ** (зам. главного редактора), **И. М. ШЕПТУНОВ**, **Я. В. ШМЕРАЛЬ**
 Ответственный секретарь **В. В. ЗЕЛЕНИН**

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон Б 1-27-40

И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ

БОРЬБА ППР ЗА УКРЕПЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ФРОНТА В ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

За последние пять лет советская и польская историография обогатилась серией монографических работ по новейшей истории ПНР. В них исследуются основные социально-экономические мероприятия народной власти: аграрная реформа¹ и национализация промышленности², по-новому, более глубоко освещаются вопросы развития народно-демократической революции в Польше, история деятельности отдельных политических партий и в первую очередь Польской рабочей партии³. Интересующая нас проблематика затрагивается также и в коллективном труде «Очерки истории Народной Польши»⁴, хотя вопросам внутреннего развития демократического блока и национального фронта в период существования Правительства национального единства в нем уделено меньше внимания.

Между тем специфика борьбы за массы в период развертывания народно-демократической революции и ее перерастания в социалистическую представляет большой теоретический и практический интерес. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал сложность завоевания мелкобуржуазных масс и особенно крестьянства⁵. Он отмечал, что «это долгий процесс, трудная

¹ W. G ó r a. PPR w walce o podział ziemi obszarnej (1944—1945). Warszawa, 1962. Материалы дискуссии по этой книге см.: «Polska Ludowa», t. III. Warszawa, 1964.

² П. В. Г а л е н к о. Социалистическая национализация промышленности в Польской Народной Республике. М., 1961; J. G o ł e b i o w s k i. Walka PPR o nacjonalizację przemysłu. Warszawa, 1961; е г о ж е. Nacjonalizacja przemysłu w Polsce. Warszawa, 1965.

³ «Zarys historii polskiego ruchu robotniczego. 1944—1947». Warszawa, 1961; «PPR w walce o niepodległość i władzę ludu». Warszawa, 1963; «Kształtowanie się podstaw programowych PPR w latach 1942—1945». Warszawa, 1958; N. K o ł o m e j c z y k. PPR 1944—1945 (Studia nad rozwojem organizacyjnym partii). Warszawa, 1965; J. B o r k o w s k i. Miejsce PSL w obozie reakcji.— «Z pola walki», 1961, № 6; е г о ж е. Kształtowanie się antymikołajczykowskiej opozycji w kierownictwie Polskiego Stronnictwa Ludowego. 1946—1947.— «Polska Ludowa», t. I. Warszawa, 1962; W. G ó r a. Ruch młodzieżowy w latach 1944—1948. Warszawa, 1962; W. G ó r a, R. H a l a b a. Z problemów I zjazdu PPR.— «Z pola walki», 1962, № 2; B. S y z d e k. PPS wobec wyborów do Sejmu Ustawodawczego w 1947.— «Z pola walki», 1964, № 4. Библиография, посвященная деятельности ППР в отдельных районах страны, насчитывает десятки названий. Ряд из них см. в сносках настоящей статьи.

⁴ «Очерки истории Народной Польши». М., 1965.

⁵ «... Действительность показывает, — писал В. И. Ленин, — что лишь в долгой и жестокой борьбе тяжелый опыт колеблющейся мелкой буржуазии приводит ее после сравнения диктатуры пролетариата с диктатурой капиталистов, к выводу, что первая лучше последней». В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 17.

борьба»⁶, указывал на необходимость постоянно работать над укреплением союза рабочего класса и крестьянства, видоизменяя в зависимости от объективных условий его «форму и сущность»⁷, добиваясь союза с беднотой и опоры на нее, нейтрализации середняка (В. И. Ленин всегда подчеркивал важность этой задачи и трудность ее решения⁸), а затем союза с ним⁹. Разумеется, становление и развитие народно-демократического строя в Польше имело ряд специфических черт и, в частности, было связано с иными темпами и путями политического самоопределения масс.

Настоящая статья является попыткой исследования процесса борьбы ППР за массы в рамках демократического блока в период с лета 1945 по январь 1947 г. В этот период несмотря на то, что в правительство входили правые крестьянские лидеры (С. Миколайчик стал заместителем председателя Совета Министров и министром сельского хозяйства и аграрной реформы, а В. Керник — министром общественной администрации), партии демократического блока во главе с ППР сохранили решающие позиции в государственном аппарате, армии и госбезопасности, продолжая политическую линию ПКНО и Временного правительства. Значительно укрепились также международное положение Польши. Присутствие Советской Армии сдерживало силы реакции и создавало благоприятную обстановку для укрепления народно-демократического строя и дальнейшего проведения демократических преобразований. Московское соглашение содействовало выходу из подполья мелкобуржуазных и либерально-буржуазных элементов (40 тыс. человек) — из Батальонов хлопских, Армии Крайовой, СЛ-Рох, Стронництва працы и право-социалистической ВРН. В связи с этим подполье стало слабее. Большинство оставшихся подпольных группировок, кроме наиболее правых, фашиствующих, делало ставку не на развертывание массового террора, а на поддержку легализовавшихся правых сил. Они надеялись, что результаты предстоящих выборов позволят им вернуть Польшу вспять к капитализму. Реакция исходила из того, что правым силам, представленным на легальной политической арене Миколайчиком и его сторонниками, действительно удалось временно повести за собой часть масс и прежде всего крестьянство. В свою очередь ППР стремилась разоблачить реставраторскую сущность планов Миколайчика и изолировать правые силы. В связи с этим партия вела борьбу за сохранение и укрепление демократического блока.

Выход из подполья значительного количества людей создал определенные трудности для партий демократического блока. В ППС, например, влились члены ВРН — сторонники «лондонского курса». Они принесли с собой социал-демократические теории свободной игры политических сил и буржуазной демократии, идеи замедления темпов преобразований в экономике и планы ее восстановления при помощи западных держав, неприязнь и недоверие к СССР. В ППС стали шириться настроения против сотрудничества с ППР, обнаружилось tendency занять изолированную центристскую позицию. Многие деятели ППС стали рассчитывать на сотрудничество с Миколайчиком¹⁰. Осложнилось положение в СЛ.

⁶ В. И. Л е н и н. Указ. соч., т. 36, стр. 406—407. См. также т. 44, стр. 309—310; т. 45, стр. 405—406 и др. В частности, анализируя расстановку сил после Октябрьской революции, В. И. Ленин писал, что «первый год был годом, когда прочной позиции в деревне городской пролетариат еще не имел», ибо «недостаточно принести извне пролетарскую власть и дать ее деревне»; что крестьянство должно прийти к поддержке Советской власти на собственном опыте, а это «составляет главное наше завоевание в течение второго года Советской власти». Там же, т. 39, стр. 299.

⁷ В. И. Л е н и н. Указ. соч., т. 44, стр. 308—309, 329 и др.

⁸ Там же, т. 41, стр. 173—174 и др.

⁹ Там же, т. 44, стр. 329 и др.

¹⁰ См. В. S y z d e k. Ibid., s. 66—67.

В августе 1945 г. Миколайчик оформил создание «Польского стронництва людового» (ПСЛ)¹¹. Благодаря традиционной популярности СЛ-Рох и обещаниям стабилизировать экономику, Миколайчику удалось повести за собой значительную часть крестьянства. Во многих повятах в ПСЛ стали переходить целые организации СЛ, а в Познани, Быдгощи и Вроцлаве в ПСЛ перешло руководство воеводских организаций Стронництва людового, вследствие чего эта партия переживала внутренний кризис¹².

Формально признавая преобразования народной власти, руководство ПСЛ стремилось на деле к пересмотру аграрной реформы, к созданию и поддержке «крепких» крестьянских хозяйств, использующих наемную рабочую силу. Оно пропагандировало «аграристскую» теорию о крестьянстве как «главном хозяине в государстве», отрицало гегемонию рабочего класса, игнорировало принцип сотрудничества демократических партий, ориентировалось на западные державы¹³.

Руководство ПСЛ, где только могло, решительно приступало к пересмотру проведенных народно-демократических преобразований. В этом направлении действовали сам Миколайчик, его сторонники в сельских земельных управлениях, а также министр общественной администрации В. Керник и представители ПСЛ в КРН и на местах. Миколайчиковцы в земельных управлениях старались частично восстановить помещичье землевладение; их чиновники проводили враждебную агитацию, запугивали крестьян «Сибирью», «колхозами», «советизацией». Ставленники Керника в Министерстве общественной администрации также саботировали решения народной власти; содействовали возвращению перешедших во временное государственное управление предприятий бывшим хозяевам; где могли, раздували недовольство трудностями и вместе с подпольем провоцировали стачки. ПСЛ стало центром, вокруг которого происходило объединение всех колеблющихся, оппозиционных и враждебных народной власти сил. В ее низовые организации вступали элементы из подполья¹⁴. Миколайчик рассчитывал на этих союзников справа и постоянно подчеркивал, что правые не представляют серьезной опасности, а борьба с ними не является актуальной задачей¹⁵. В частности, он стремился привлечь на свою сторону правое крыло ППС и обеспечить себе поддержку со стороны некоторых слоев рабочего класса и интеллигенции. С этой целью он поддерживал З. Жулавского в его попытках сколотить новую право-пепеэсовскую партию. Укрепляя при помощи костела свои позиции в массах и заигрывая с правыми элементами демократических партий, Миколайчик стремился вызвать раскол демократического блока и одержать при поддержке подполья победу на выборах.

Анализируя сложившуюся обстановку, пленум ЦК ППР в июле 1945 г. отмечал, что активизация пропаганды буржуазной идеологии со стороны правых сил¹⁶, рост популярности миколайчиковцев, деятельность которых была направлена на пересмотр основных социально-экономических мероприятий народной власти и реставрацию довоенных порядков, под-

¹¹ См. J. Borkowski. O powstaniu PSL i ukształtowaniu się jego naczelnych władz. — «Polska Ludowa», t. III. Warszawa, 1964, s. 57—89.

¹² См., например, АК W PZPR Katowice. Wyzd. Org. 1/IV/1.

¹³ «Program i Statut Polskiego Stronnictwa Ludowego». Warszawa, 1946, s. 11, 18—20 и др.

¹⁴ См. J. Borkowski. Walka polityczna w Polsce w latach 1945—1947. — «Z najnowszych dziejów Polski. 1939—1947». Warszawa, 1961, s. 421.

¹⁵ Ibid., s. 414—415.

¹⁶ В правой печати появились открытые нападки на народно-демократический строй и партии демократического блока.

держивались террором со стороны вооруженного подполья, в связи с чем создавалась реальная угроза народно-демократическому строю.

Чтобы не допустить ликвидации единого фронта рабочего класса и раскола демократического блока, ППР в сентябре 1945 г. поставила перед ППС вопрос о создании предвыборного блока и о выработке единой избирательной платформы. К этому предложению многие деятели отнеслись сдержанно, а некоторые просто отрицательно, предполагая, что «самостоятельное участие в выборах позволит ППС значительно укрепить свои позиции»¹⁷. Чтобы помочь ППС преодолеть засилие правых, по инициативе ППР был проведен ряд совещаний руководителей ППР и ППС, на которых обсуждались основные экономические и политические проблемы, перспективы создания избирательного блока, направление и темпы дальнейших преобразований, в том числе национализации. Выяснилось, что некоторые деятели ППС считали целесообразным национализировать лишь основные отрасли промышленности, а легкую промышленность предлагали передать местному самоуправлению и кооперации.

На совместном совещании руководства обеих партий 28 сентября 1945 г. были подвергнуты критике существовавшие в ППС неправильные представления о ненужности борьбы за крестьянство, о якобы стабильном соотношении сил в деревне, которое остается лишь измерить с помощью выборов и создать новое правительство. Выступая на совещании, В. Гомулка указывал, что причина разногласий, возникших между ППС и ППР, — в непонимании ППС роли рабочего класса как гегемона в народно-демократической революции, в неверной оценке значения борьбы за крестьянство и роли ПСЛ. В ходе выяснения политического значения борьбы за массы обсуждался также вопрос о СЛ и СД, с которыми руководители ППС не считали целесообразным блокироваться, сомневаясь в прочности их базы и размерах влияния. Это совещание имело принципиальное значение для сближения ППР и ППС, для их объединения на платформе укрепления народно-демократической власти и выработки единой тактики в рамках демократического блока.

Пленум ЦК ППР в октябре 1945 г. снова уделил внимание анализу положения в демократическом блоке и ППС; в последней под давлением правых элементов вновь усилились колебания (в частности, появилось стремление выступить на выборах в фабзавкомы с отдельными списками), а это могло привести к дальнейшему ослаблению сотрудничества между двумя рабочими партиями и к возможности блока ППС и ПСЛ. Пленум отметил, что в связи с экономическими трудностями и активностью реакции усилились настроения недовольства внутри рабочего класса. В создавшейся обстановке необходимо было укрепить сотрудничество ППР — ППС и помочь последней преодолеть тенденцию к сползанию вправо. Отмечая стремление ПСЛ проникнуть в демократический блок, В. Гомулка указывал на пленуме, что эта партия стремится не к сотрудничеству, а к сплочению всех правых сил блока. Пленум принял решение не допускать создания новых правых партий¹⁸. В этих условиях сосредоточение всех легализующихся правых элементов в ПСЛ, указывал В. Гомулка, приведет к выходу из нее демократических элементов. В целях выявления подлинного лица ПСЛ Гомулка предложил вынудить эту партию участвовать в кампаниях по сдаче крестьянством обязательных поставок в существовавшей тогда форме, заставить проявить ее отношение к антиправительственным декларациям клира, к террору банд, а также разоблачать

¹⁷ AZHP, 295/III—3. См. также В. S y z d e k. Ibid., s. 67.

¹⁸ Президиум Крайовой Рады Народовой запретил деятельность сколоченной Жулавским новой правой социал-демократической партии.

факты приема в ее ряды фашиствующих элементов, проявления ее враждебности к СССР и т. п.

В октябре — ноябре 1945 г. сотрудничество ППР с ППС стало налаживаться, особенно после создания так называемых «комиссий сотрудничества» — постоянных действующих органов, куда входили представители обеих партий. Первым позитивным результатом этого сотрудничества были совместные выборы в фабзавкомы по общим спискам от ППР и ППС.

В октябре проводились совместные заседания воеводских комитетов обеих партий в Кельцах, Варшаве, Лодзи, Щецине, Люблине, Белостоке и Кракове, а также совместные собрания актива воеводских, городских и повятовых организаций и т. д. ППС постепенно признавала правильность стратегической линии ППР. Так, в решении Главного совета этой партии от 4 ноября 1945 г. указывалось: «Если мы хотим строить демократию и социализм, то никакие распри с Польской рабочей партией неуместны. ППС, ППР и радикальные людовцы являются основой народной власти в Польше. Из них складывается наш прочный блок, и никакая конъюнктура не может его ликвидировать...»¹⁹.

В целях укрепления демократического блока ППР стремилась наладить постоянную работу согласительных комиссий, обеспечивавших единство действий по всем важнейшим вопросам в масштабе воеводств, повятов и городов²⁰. ППР направила свои усилия также на то, чтобы поднять рабочий класс при помощи профсоюзов и фабзавкомов на борьбу против массового бесконтрольного возвращения предприятий капиталистам. В то же время специальная инструкция ЦК ППР (август 1945 г.) предостерегала от полной ликвидации мелких частных предприятий, что было бы экономически необоснованно и политически вредно, поскольку эта мера, воспринятая как посягательство на частную собственность вообще, отпугнула бы от народно-демократической власти мелкобуржуазные слои, крестьянство и определенную часть интеллигенции. В результате правильного проведения кампании по ограничению размаха реприватизации оформившееся осенью 1945 г. движение рабочего класса за национализацию крупной и средней промышленности и банков было поддержано ремесленниками, значительной частью мелкой буржуазии и демократической интеллигенции²¹. Эту меру поддержали все партии демократического блока. Ноябрьское заседание Главного совета ППС приняло резолюцию о предоставлении (совместно с ППР) на утверждение Крайовой Рады Народовой закона о национализации промышленности, банков и транспорта. Таким образом, была создана политическая база для проведения национализации.

Чрезвычайно важной и трудной была задача отвоевать у Миколайчика крестьянские массы. Для этого нужно было противопоставить действиям реакции и демагогии Миколайчика конкретные и энергичные меры, направленные на защиту трудового крестьянства. В августе 1945 г. правительство приняло специальный декрет, ускоряющий юридическое закрепление пореформенных наделов.

Стараясь сплотить демократические силы деревни вокруг народной власти, секретариат ЦК ППР 8 августа 1945 г. принял решение о всесторонней поддержке СЛ, в частности путем выдвижения деятелей этой партии на государственные посты и в самоуправление. При идеологической и политической поддержке ППР партия СЛ приняла декларацию 5 сентября

¹⁹ См. B. S y z d e k. Ibid., s. 69—70.

²⁰ См. «PPR na Górnym Śląsku i w Zagłębiu Dąbrowskim». Katowice, 1962, s. 219, 238.

²¹ См. J. G o ł ę b i o w s k i. Nacjonalizacja przemysłu..., s. 274.

1945 г., в основу которой легли требования об упрочении народной власти и о последовательной реализации аграрной реформы. В декларации решительно критиковалась позиция ПСЛ, подчеркивалось, что крестьянство — союзник рабочего класса, защищалась идея сохранения и укрепления демократического блока²². С выходом из СЛ председателя Баньчика и его сторонников, стремившихся к компромиссу с Миколайчиком и вскоре вступивших в ПСЛ, закончился процесс очищения СЛ от промиколайчиковских элементов. В конце 1945 г. начался обратный переход крестьянства из ПСЛ в СЛ в Познанском, Люблинском, Лодзинском и Келецком воеводствах.

В этих условиях I съезд Польской рабочей партии, состоявшийся 6—13 декабря 1945 г., обобщил опыт становления и развития народно-демократического строя, уточнил стратегию и тактику партии в период подготовки намечавшихся выборов²³. Выступивший на съезде В. Гомулка подчеркнул, что можно завоевать на сторону народной власти и привлечь в ряды демократического блока левые силы лагеря Миколайчика²⁴. Съезд высказался против стремления части членов ППР ускорить проведение преобразований административным путем и обязал партию продолжать курс на укрепление демократического блока²⁵. Он призвал «противодействовать всем попыткам искривления политической линии партии и в особенности преодолевать остатки сектантства, которые тормозят политическую работу партии на отдельных участках и затрудняют завоевание самых широких слоев народа»²⁶.

Реализуя решения I съезда, ППР добилась в начале января 1946 г. принятия закона о национализации промышленности, банков и транспорта²⁷. Это мероприятие содействовало росту авторитета ППР внутри демократического блока и усилению ее руководящей роли. В ходе борьбы вокруг национализации усилился процесс поляризации сил в ППС. В то время как левые все более сближались с ППР, ВРН-овские элементы усилили свою раскольническую деятельность, стремясь сколотить блок с ПСЛ и подпольем²⁸.

На февральском пленуме ЦК ППР, посвященном подготовке к предстоящим выборам, В. Гомулка отмечал, что все укрепляющийся союз ПСЛ — подполье в случае раскола демократического блока имел бы серьезные шансы на победу²⁹.

Пленум принял решение предложить всем демократическим партиям во избежание дробления сил выступить с единой платформой и с единым

²² См. «Deklaracja ideowo-polityczna Stronnictwa Ludowego». Warszawa, 1945.

²³ См. W. G ó r a, R. H a l a b a. Ibid.

²⁴ W. G o m u ł k a. Artykuły i przemówienia, t. I. Warszawa, 1962, s. 514.

²⁵ См. W. G ó r a, R. H a l a b a. Ibid., s. 19. На этом этапе, как отмечает В. Гура, «подчеркивались те программные лозунги, которые облегчали завоевание широких крестьянских масс. Поэтому, между прочим, выдвигались и акцентировались не социалистические требования, а общенациональные и демократические». Крестьянские массы, отмечает он, «до понимания необходимости дальнейших перемен отнюдь еще не дозрели». «Polska Ludowa», t. III, s. 96.

²⁶ «PPR. Rezolucje, odezwy, instrukcje i okólniki KC VIII 1944 — XII 1945». Warszawa, 1959, s. 208—209.

²⁷ См. J. G o ł ę b i o w s k i. Nacjonalizacja przemysłu...

²⁸ В отчете Силезско-Домбровского воеводского комитета ППР за январь 1946 г. в рубрике, посвященной ППС, например, отмечалось: «... На некоторых участках есть проявления сотрудничества с ПСЛ (Ополе, Забже)». В отчете за февраль отмечались факты срыва сотрудничества с ППР со стороны ВРН-овских элементов в Сосновце, Бендзине, Ополе, Заверце; при этом в Ополе секретарь организации ППС установил контакт с ПСЛ (AKW PZPR Katowice. Wyzd. Org. 1/VI/2). Тенденции правых элементов ППС к блоку с ПСЛ проявлялись и в Кракове (AZHP 295/IX—172) и в ряде других мест.

²⁹ «Z pola walki», 1964, № 2, s. 9.

избирательным списком, предварительно определив принцип распределения мандатов³⁰. Такое предложение предполагалось направить и руководству ПСЛ, дабы пресечь его политическое лавирование.

Неоднократные обращения в феврале 1946 г. к руководству ПСЛ, предпринятые по инициативе ППР и при активном участии ППС, не привели к его переходу на позиции лояльного сотрудничества, но заставили приоткрыть карты. Формально руководство ПСЛ не отказывалось участвовать в избирательном блоке демократических партий, но при этом выдвинуло требование предоставить ПСЛ 75% мандатов вместо предлагавшихся демократическим блоком 20%. Кроме того, ПСЛ потребовало ликвидации ряда министерств (безопасности, продовольствия, пропаганды и информации), которые были оплотом демократического блока, и некоторых ведущих государственных постов. Отвергнув условия демократических партий, ПСЛ совершило очевидный выбор в пользу союза с буржуазно-помещичьей реакцией.

Такая позиция руководства ПСЛ оказалась неожиданной и непонятной для многих деятелей ППС, рассчитывавших на блок шести партий. Подлинный смысл требований Миколайчика и их направленность против народной власти прямо и четко были определены 27 февраля на совместном совещании актива варшавских организаций ППР и ППС. Деятели ППР, и в первую очередь В. Гомулка, подчеркнули особую важность сотрудничества ППР — ППС и значение избирательного блока четырех партий для объединения всех демократических сил. «Единый фронт, — говорил В. Гомулка, — великое завоевание, которое многие из нас еще, быть может, недооценивают. Не страшны для нас никакие оппозиции, если рабочий класс монолитен... Единый фронт — гарантия создания прочного блока четырех, гарантия создания мощного рабоче-крестьянского союза»³¹.

На совещаниях, которые состоялись в других воеводствах, председатель ЦИК ППС Э. Осубка-Моравский, генеральный секретарь партии Ю. Циранкевич и другие левые руководители ППС решительно осудили раскольническую линию ПСЛ и поддержали идею создания единого избирательного блока³².

ППР выступила с предложением провести массовую кампанию по разъяснению значения единого избирательного блока. По инициативе ППР среди населения были проведены по этому вопросу собрания и митинги, на которых позиция ПСЛ была оценена как позиция сползания на путь гражданской войны и создания из Польши «антисоветского бастиона». ППР вместе с СЛ организовала ряд рабоче-крестьянских съездов. В ходе этой кампании значительно повысилась политическая активность рабочего класса и укрепилось сотрудничество ППР с ППС.

СЛ также действовало все более активно. В середине января 1946 г. состоялся V конгресс этой партии, участники которого энергично выступили в защиту аграрной реформы и всего курса экономической политики народно-демократического государства. Они остро критиковали линию ПСЛ. Присутствовавший на конгрессе СЛ В. Гомулка в своем выступлении остановился на важнейших политических вопросах, волновавших деревню, и в частности, опроверг измышления о якобы готовящейся западными державами войне с СССР, подрывавшие уверенность в прочности границ страны и разжигавшие антисоветские настроения³³.

³⁰ «PPR. Rezolucje... I 1946— I 1947», s. 38. В пользу такого курса говорил и проделанный пленумом анализ результатов выборов в Болгарии и Югославии, где единый фронт принес демократическим силам победу, и в Венгрии, где раскол привел к победе правых элементов.

³¹ W. G o m u ł k a. Ibid., t. II. Warszawa, 1964, s. 53.

³² См. B. S y z d e k. Ibid., s. 72.

³³ См. W. G o m u ł k a. Ibid., t. II, s. 9—10.

С усилением работы ППР в деревне, с идейно-теоретическим и организационным созреванием СЛ положение там радикально изменилось. В феврале 1946 г. при выборах органов Союза крестьянской взаимопомощи ППР и СЛ получили значительно больше голосов, чем ПСЛ, особенно в Западных землях и в Люблинском, Варшавском и Лодзинском воеводствах. Опасаясь дальнейшей потери влияния, руководство ПСЛ вынуждено было согласиться на проведение общенационального референдума³⁴. Предложенный ППС по инициативе ППР в конце марта 1946 г. референдум имел целью привлечь внимание народа к важнейшим экономическим и политическим проблемам, стоявшим перед страной. Это предложение, одобренное всеми партиями демократического блока, было утверждено Крайовой Радой Народовой 26 апреля 1946 г. Референдум намечалось провести 30 июня 1946 г.

Предложенные вопросы (1. Являешься ли ты сторонником ликвидации сената? 2. Хочешь ли ты закрепления в будущей конституции экономического строя, установленного благодаря аграрной реформе и национализации основных отраслей народного хозяйства, с сохранением юридических прав частной инициативы?³⁵ 3. Хочешь ли ты упрочения границ Польского государства по Балтике, Одре и Нысе Лужицкой?) соответствовали тем важнейшим проблемам, которые по-разному оценивались демократическим блоком и правыми силами. Привлечение внимания масс к этим вопросам и сплочение их на платформе одобрения политики государства было первоочередной задачей, ибо только активная поддержка широких масс могла обеспечить закрепление и дальнейшее развитие народно-демократических преобразований.

Были предприняты также меры, направленные на противодействие попыткам подполья развязать гражданскую войну и обеспечения безопасности населения. Наряду с действиями государственных органов предусматривалась также активная самооборона населения: 21 февраля 1946 г. Совет Министров принял постановление о создании массовой организации самообороны — ОРМО. ППР развернула кампанию по привлечению в ОРМО членов ППС, СЛ, СД, профсоюзов, Союза крестьянской взаимопомощи и молодежных организаций. К июню 1946 г. в отрядах ОРМО было более 60 тыс. человек, а к концу года — около 100 тыс.³⁶ В первой половине 1946 г. был значительно укреплен аппарат власти на местах. ППР решительно противодействовала попыткам ПСЛ укрепить свои позиции в рядах народных, стремясь к усилению там сотрудничества демократических партий³⁷.

ППС в целом выступала в референдуме за «три раза да», за единый фронт рабочего класса³⁸. Однако ВРН-овские элементы внутри партии и особенно З. Жулавский придерживались курса на буржуазный парламентаризм, ориентировались на западные державы и искусственно культивировали антисоветские настроения. Они стремились блокироваться с ПСЛ. 31 марта 1946 г. Жулавский на заседании Главного совета ППС резко критиковал тактику единого избирательного блока и проведения референдума³⁹. В це-

³⁴ Идея референдума возникла как раз у руководства ПСЛ, которое намеревалось ограничиться вопросом о сенате и использовать референдум для приобретения политической популярности.

³⁵ Оговорка о правах мелких предпринимателей, полностью отвечающая курсу народной власти, была внесена во второй вопрос по предложению СД.

³⁶ «Zarys historii polskiego ruchu robotniczego», s. 231.

³⁷ «PPR. Rezolucje... I 1946—I 1947», s. 52—54; см. также «PPR na Górnym Śląsku...», s. 221—222.

³⁸ См. S. S z w a l b e. PPS wobec zagadnień nowej Polski. Warszawa, 1946; «W walce o nową Polskę». Warszawa, 1946.

³⁹ См. B. S y z d e k. Ibid., s. 74—75.

лях преодоления влияния правых элементов и уточнения единой линии в отношении ПСЛ, ППР совместно с ППС проводила собрания партийного актива, на которых разъясняла значение референдума⁴⁰ и стремилась активизировать работу ППС среди сельского населения для подготовки его к референдуму. В целом в этот период ППС стала более активно вести борьбу за укрепление союза рабочего класса с крестьянством, хотя многие ее деятели еще не полностью отказались от прежнего отношения к ПСЛ⁴¹. Ряд мер был предпринят ППР и для укрепления сотрудничества с СД, которое не сразу оценило всю политическую значимость референдума и необходимость сохранения единства действий в этой кампании⁴².

Аналогичную работу в целях укрепления демократического блока на новом этапе ППР вела и с СЛ, которое много сделало для развенчания идеи «аграризма» и разоблачения политиканства ПСЛ⁴³. В условиях роста реваншизма в Западной Германии и поддержки западными державами тенденции к пересмотру потсдамских решений проанглийская позиция Миколайчика, особенно после выступления Черчилля в Фултоне, явно противоречила как интересам польского народа, так и официальной позиции ПСЛ во время референдума. На это указывало, например, открытое письмо Главного исполнительного комитета СЛ к крестьянам, состоявшим в ПСЛ, от 24 мая 1946 г.⁴⁴

23—26 мая на переговорах в Москве польская правительственная делегация получила поддержку как по экономическим вопросам, так и по вопросу о неизбежности западных границ страны. Советский Союз передал также Польше большую партию зерна. К этому времени успешное восстановление промышленности позволило наладить нормальный товарообмен между городом и деревней. В связи с этим 2 июня 1946 г. на пленуме ЦК ППР было принято решение о необходимости ликвидации обязательных поставок в существовавшей тогда форме, непопулярной в деревне. 6 июня соответствующее решение, предложенное ППР и СЛ, было принято правительством. Это был важный акт, способствовавший улучшению отношения крестьянства к народной власти.

Дальнейшему укреплению сотрудничества ППР с СЛ послужило совместное празднование 9 июня 1946 г. традиционного крестьянского праздника «Свенто людове», который прошел под флагом единства крестьянства с рабочим классом. Празднование сопровождалось манифестациями, проходившими под лозунгами одобрения референдума и поддержки народной власти. Это было первое подлинно массовое, несмотря на отмежевание ПСЛ, крестьянское празднество.

Разоблачение со стороны ППР и других партий демократического блока взаимодействия ПСЛ с подпольем⁴⁵ способствовало резкому падению влияния Миколайчика. Внутри ПСЛ росло недовольство политикой руководства; ряды этой партии стали таять. Многие местные организации выступали за участие в избирательном блоке, за поддержку линии демократических партий и за положительные ответы на все три вопроса референдума. В мае — июне 1946 г. в Верховном совете ПСЛ возникла оппозиция.

⁴⁰ См. также статью В. Гомулки для «Глоса люду» — «Три вопроса референдума составляют единое целое». W. G o m u ł k a. Ibid., t. II, s. 154—157.

⁴¹ См. B. S y z d e k. Ibid., s. 78.

⁴² См., например, АКВ PZPR Katowice. Wyd. Org. 1/VI/2.

⁴³ См. «Zielony sztandar», 7 IV 1946; A. K o r z y s k i. W imię chłopskiego zwycięstwa. Warszawa, 1946.

⁴⁴ «Dziennik ludowy», 25 V 1946.

⁴⁵ См. речь В. Гомулки на первомайском торжественном заседании в Варшаве (W. G o m u ł k a. Ibid., t. II, s. 90—94), статью секретаря Верховного совета СЛ Ю. Озги-Михальского «Кто этому положит конец?» («Dziennik ludowy», 5 IV 1946) и др.

Она была исключена Миколайчиком из партии и оформилась в самостоятельную партию ПСЛ-«Нове вызволене»⁴⁶, стоящую на платформе сотрудничества с демократическим блоком. Мероприятия демократического блока по подготовке к народному референдуму способствовали привлечению к сотрудничеству также левых элементов партии Стронництво працы.

Накануне референдума демократический блок организовал по всей стране массовые собрания и митинги под лозунгом «три раза да». Только в Силезско-Домбровском воеводстве в них приняло участие около 1 млн. 250 тыс. человек⁴⁷.

Во всенародном голосовании 30 июня 1946 г. участвовало 85,3% населения. На первый вопрос положительно ответило 68,2%, на второй — 77,3%, на третий — 91,4% голосовавших⁴⁸. Расчеты Миколайчика не оправдались. Демократический блок одержал значительную победу: большинство населения поддержало политику народной власти.

После референдума политическая борьба в стране вступила в новую фазу. Успех демократических сил увеличил популярность народной власти. Вместе с тем произошла перестановка сил в партиях демократического блока, особенно в ППС. Значительная часть ее деятелей посчитала реакцию победенной и, полагая, что с поражением Миколайчика в ПСЛ одержат победу левые элементы, взяла курс на блок с этой партией, в котором, по их мнению, ППС удалось бы занять ведущее положение. В связи с этим в организациях ППС наметились большие колебания относительно дальнейшего сотрудничества с ППР. Как отмечает Б. Сыздек, «центристские тенденции стали завоевывать все больше сторонников в этой партии»⁴⁹. Правые резко активизировали свою деятельность. Началось отстранение от руководства сторонников единого фронта. Все это, с одной стороны, свидетельствовало о неоднородности партии и живучести в ней старых оппортунистических и националистических традиций, а с другой стороны, было результатом усиленного пополнения выдвинувшего лозунг «миллионной партии» ППС за счет элементов, выходявших из ПСЛ. Вот, например, что сообщал Быдгоцкий воеводский комитет ППР в отчете от 1 августа — 15 сентября 1946 г.: «В последнее время ППС интенсивно вербует в партию. Ввиду большой политической активности общества массово принимаются люди справа, не обращается внимание на вчерашний политический облик вновь принимаемых. Имеют место факты перехода целых организаций ПСЛ»⁵⁰. То же отмечалось в августовском отчете Силезско-Домбровского воеводского комитета ППР⁵¹. Краковский комитет сообщал, что некоторые низовые организации ППС стали состоять не из рабочих, а из чиновников, деятелей санации и т. п.⁵². В Бельске была арестована группа ППС-овцев, состоящих в подпольной группировке «Вольность и неподлежность»⁵³.

На предприятиях правые элементы ППС снова выступили против общих списков на выборах в фабзавкомы, пытались спровоцировать стачки (например, в августе 1946 г. в Жирардове⁵⁴), агитировали против бло-

⁴⁶ См. статью Я. Борковского: «Polska Ludowa», t. I, s. 83—127.

⁴⁷ АКВ PZPR Katowice. Wyd. Org. 1/VI/2.

⁴⁸ «Zarys historii polskiego ruchu robotniczego», s. 240.

⁴⁹ B. S y z d e k. Ibid., s. 79.

⁵⁰ Цит. по: R. H a l a b a, N. K o ł o m e j c z y k. Z dziejów PPR w województwie bydgoskim (1945—1947). Bydgoszcz, 1962, s. 141.

⁵¹ АКВ PZPR Katowice. Wyd. Org. 1/VI/2.

⁵² AZHR, 295/IX—172.

⁵³ АКВ PZPR Katowice. Wyd. Org. 1/VI/2.

⁵⁴ M. T r e b l i ń s k a. PPS w walce o utrwalenie władzy w województwie warszawskim w latach 1945—1947: «PPR na Mazurach, Kurpiach i Podlasiu 1942—1948. Warszawa, 1963, s. 174.

ка с ППР. Рост реакционных настроений в ППС был немедленно замечен руководством ПСЛ, обратившимся к ней с предложением блокироваться на выборах. Все это, как отмечает Б. Сыздек, «составляло серьезную угрозу для единого фронта рабочего класса, а тем самым и для демократического блока»⁵⁵.

Обосновывая необходимость сохранения демократического блока, В. Гомулка выступил 18 августа на страницах «Глоса люду» со статьей «Наша позиция», в которой указывал: «Мы живем на таком этапе исторического развития, что знамя единства нации не поднимет ни одна партия отдельно. Его могут нести только все вместе демократические партии»⁵⁶.

ЦК ППР провел в сентябре 1946 г. пленум, посвященный главной задаче момента — укреплению предвыборного сотрудничества с партиями демократического блока и особенно с ППС. Пленум проанализировал причины сползания ППС вправо. Он нацелил партию на преодоление любых проявлений сектанства и попыток командования организациями ППС⁵⁷. Он подтвердил курс на сближение позиций обеих рабочих партий по пути «к полному политическому единству рабочего класса»⁵⁸. Дабы помочь ППС преодолеть ошибочную оценку сложившейся ситуации и добиться единства в понимании политических перспектив рабочего класса, было намерено провести общетеоретические и политические дискуссии, лекции и беседы, а также встречи руководства.

В самой ППС идею сотрудничества с ППР отстаивала группа левых деятелей — Г. Свентковский, Ф. Барановский и другие, а также генеральный секретариат ППС. Несмотря на энергичное давление правых, Главный совет ППС 25 августа высказался за продолжение прежней политической линии партии.

Осенью 1946 г. усилилась реальная угроза независимости Польши и ее западным границам. Это вызвало тревогу и возмущение среди самых широких слоев польского народа. Внешнеполитический курс ППР, направленный на укрепление союза с СССР, завоевал много новых сторонников. В отличие от ПСЛ ППС также заняла позицию защиты западных границ страны. Чтобы содействовать дальнейшему разоблачению существовавших в ППС иллюзий о возможности блокирования с ПСЛ, ППР снова выступила с инициативой создания общего избирательного блока, в котором ПСЛ и ПСЛ-«Нове вызволене» предлагалось предоставить 25% мест в сейме. Обращаясь 13 сентября 1946 г. к ПСЛ с открытым письмом, ППР и ППС требовали от него ясного определения позиций по внешнеполитическим вопросам. Демократический блок требовал от ПСЛ дать ответ, готово ли оно защищать западные границы страны, публично выступить против вмешательства западных держав во внутренние дела Польши, а также подключиться к борьбе против подпольных банд. В обстановке напряженного внимания масс к вопросу о западных границах применявшаяся ПСЛ тактика лавирования уже не могла не дать осечки. Стало совершенно ясно, что ПСЛ делает ставку на западные державы, на союз с подпольем и ликвидацию народно-демократического строя. Это подтвердила позиция ПСЛ при обсуждении в сентябре 1946 г. в Крайовой Раде Народовой положения о выборах и 3-летнего плана. Представители ПСЛ противодействовали утверждению предложенных проектов, оправдывали террористическую деятельность подполья и стремились ограничить участие широких слоев населения в голосовании. К осени 1946 г. усилились

⁵⁵ B. S y z d e k. Ibid., s. 79.

⁵⁶ W. G o m u ł k a. Ibid., t. II, s. 198.

⁵⁷ «PPR. Rezolucje... I 1946—I 1947», s. 146.

⁵⁸ Ibid., s. 147.

выступления деятелей этой партии против демократического блока, возросло число случаев яростной агитации против народной власти.

С сентября 1946 г. процесс потери ПСЛ влияния в массах стал носить повсеместный характер. Даже в оплоте реакции, в Краковском воеводстве, начался массовый переход низового актива и даже целых организаций этой партии в СЛ. Вопреки линии Миколайчика в руководстве ПСЛ росло стремление заключить предвыборное соглашение с другими политическими партиями. С таким предложением выступили, например, 6—7 октября на заседании Главного совета ПСЛ Ч. Выцех⁵⁹, Ю. Нечко, К. Банах и др.⁶⁰

Тактика ППР принесла свои плоды — шел массовый переход крестьян из ПСЛ на сторону партий демократического блока, чему способствовали также успехи народной власти в области экономики: улучшение снабжения населения, повышение зарплаты рабочих на 20—25%, введение 46-часовой рабочей недели, повышение уровня благосостояния деревни. Позиция блока укрепилась.

Руководство ППС признало правильность политического курса ППР, и в результате напряженной совместной работы 28 ноября 1946 г. было подписано соглашение о единстве действий и сотрудничестве обеих партий. Соглашение распространялось на все области общественной и государственной жизни. Обе партии обязывались координировать свои позиции по всем важным вопросам, бороться с реакционной антисоветской ВРН-овской идеологией, разоблачать ПСЛ, добиваясь отхода от него масс, а тем самым изоляции правых сил, реализовывать взаимодействие партийных организаций на всех уровнях, чтобы «путьем все более тесного сотрудничества и идейного сближения достичь полного органического единства рабочих партий»⁶¹. Этот документ сыграл большую роль в укреплении единства рабочего класса, в сплочении демократического блока. Вскоре было заключено соглашение четырех партий о едином избирательном блоке. СЛ к этому времени значительно усилило свои позиции. Его популярность увеличилась за время подготовки и проведения вместе с ППР и ППС праздника урожая в сентябре 1946 г., во время которого была проделана большая работа по разъяснению избирательной программы блока. Лодзинский воеводский комитет ППР даже отмечал в сентябре 1946 г., что сотрудничество с СЛ «налаживается лучше, чем с ППС»⁶². В сторону упрочения сотрудничества с демократическим блоком эволюционировало и ПСЛ-«Новые вызволене».

Настроения сотрудничества с народной властью крепили также в среде интеллигенции, которую привлекала политика народного государства в области культуры, что не могло не отразиться на политической позиции Стронництва працы, постепенно сближавшегося со Стронництвом демократичным.

В ноябре 1946 г. демократический блок во главе с ППР начал непосредственную подготовку к выборам. К этому времени результаты восстановительной работы народно-демократического государства были налицо: промышленность давала 80% довоенной валовой продукции и на 16% превосходила довоенное производство на душу населения, посевные площади в течение года возросли почти в 2 раза. В массах крепло убеждение в правильности политики народной власти, в действительности избирательной платформы демократического блока, идущего на выборы под лозунгом.

⁵⁹ См.: «W walce o sojusz robotniczo-chłopski», Warszawa, 1963, s. 206.

⁶⁰ Подробно см. статью Я. Борковско: «Polska Ludowa», t. I, s. 83—127.

⁶¹ «PPR. Rezolucje... I 1946—I 1947», s. 206.

⁶² AZHP, 295/IX—189, 1946.

«Независимость, мир и благосостояние»⁶³. Борьба против вмешательства западных держав в польские дела и за укрепление дружбы и сотрудничества с СССР встречала одобрение среди все более широких слоев населения. Прозападные, антисоветские настроения таяли, изоляция буржуазно-помещичьей реакции росла.

Демократический блок во главе с ППР провел огромную предвыборную работу. Для постоянного контакта и соблюдения единой линии проводились воеводские съезды актива партий блока, совместные митинги и собрания. Среди населения, помимо агитаторов-пепезоровцев, работали совместные группы агитаторов ППР и ППС. СЛ по мере роста своих организаций и усиления их активности также увеличило свой вклад в подготовку выборов. То же можно сказать и об активе СД. В подготовку выборов включились профсоюзы, объединявшие в это время около 2 млн. чел., Союз крестьянской взаимопомощи, насчитывавший около 600 тыс. членов, кооперация, Союз борцов за свободу и демократию, Лига женщин и другие общественные организации. Эти партии и организации сотрудничали в гражданских избирательных комитетах, комитетах предвыборной агитации демократического блока и других органах. Они проводили собрания, митинги, встречи с кандидатами в депутаты, массовки и т. д. В конце 1946 г. началась массовый (особенно в декабре) выход рядовых членов — в основном середняков и бедноты, а также представителей непролетарских городских слоев — из ПСЛ, самороспуск многих его организаций. С другой стороны, происходил невиданно быстрый рост партий демократического блока. Если в конце 1945 г. в ППР было 235 296 членов, то на 30 июня 1946 г. — 347 105, а на 31 декабря 1946 г. — 555 888 членов. В 1946 г. в партию вступило более 42 тыс. крестьян. За период с конца 1945 по декабрь 1946 г. численный состав ППС и СЛ возрос почти в 2 раза (ППС до 283 302 чел., СЛ — до 500 тыс. чел.)⁶⁴.

19 января 1947 г. состоялись выборы в сейм, которые превратились в массовую манифестацию поддержки народно-демократической власти, чему не могли помешать отдельные террористические выступления подполья.

Избирательный блок получил 80,1% голосов, ПСЛ — 10,3%, Стронництво працы — 4,7%, ПСЛ-«Нове вызволене» — 3,5%. Это была победа стратегии и тактики ППР. Существование демократического блока оказалось решающим фактором в деле завоевания масс, количественного и качественного роста демократических партий и расширения национального фронта. Демократическому блоку удалось вовлечь самые широкие слои населения в решение важнейших политических вопросов, мобилизовать их на защиту народно-демократических преобразований. Политические планы Миколайчика и его западных покровителей потерпели полный крах. Выборы в сейм завершили напряженную борьбу демократического блока во главе с ППР за закрепление завоеваний народно-демократического строя и перерастание народно-демократической революции в социалистическую.

⁶³ См. предвыборное воззвание демократического блока от 1 XII 1946 г. «PPR. Rezolucje... I 1946—I 1947», s. 207—211.

⁶⁴ «Zaryshistorii polskiego ruchu robotniczego», s. 256—258.

Р. П. ГРИШИНА

ПОВОРОТ КОМИНТЕРНА К ПОЛИТИКЕ НАРОДНОГО ФРОНТА И БОЛГАРСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

В связи с 30-летием VII конгресса Коминтерна в Советском Союзе появились новые публикации документов и исследования, проливающие свет на историю подготовки этого конгресса, дающие представление о процессе выработки Коминтерном тактики народного фронта. В первую очередь здесь следует назвать материалы к многотомной истории КПСС, в которой история Коминтерна вообще и VII конгресса в частности освещается во многих отношениях по-новому и более аргументированно, чем прежде¹. Большой интерес представляет книга Б. М. Лейбзона и К. К. Ширини², написанная на основе до сих пор не публиковавшихся документов. Но особенно ценной является новая публикация самих документов Коминтерна, в том числе материалы, освещающие работу подготовительной комиссии к VII конгрессу: письмо и схема доклада Г. М. Димитрова, выступавшего докладчиком по второму пункту повестки дня конгресса о задачах Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Эти документы, а также стенограмма выступления Г. Димитрова на заседании комиссии³ показывают, что вопросы о необходимости пересмотра прежних установок Коминтерна и в первую очередь о неправильности оценки социал-демократии как главной социальной опоры фашизма, о неправомочности отношения к единому фронту только как к тактическому маневру и др. впервые были вынесены на открытое обсуждение в начале июля 1934 г. Несмотря на имевшийся уже к лету 1934 г. известный практический опыт борьбы с фашизмом, прямо подводивший к необходимости пересмотра прежних тактических установок, осмысление новых условий, в которых приходилось действовать компартиям, носило несколько затяжной характер. При обсуждении документов, представленных Г. Димитровым в подготовительную комиссию, по всем основным вопросам, поставленным докладчиком, в июле — августе 1934 г. развернулась оживленная дискуссия.

Во время дискуссии выявилась разная степень подготовленности многих руководящих деятелей Коминтерна к восприятию новых идей. И хотя основы решений будущего поворотного VII конгресса были заложены именно в ходе обсуждений летом 1934 г., до полной ясности по всем во-

¹ См. «VII конгресс Коммунистического Интернационала» (предварительный материал главы четвертого тома многотомной истории КПСС). — «Вопросы истории КПСС», 1965, № 8.

² Б. М. Лейбзон, К. К. Ширини. Поворот в политике Коминтерна. М., 1965.

³ См. «Вопросы истории КПСС», 1965, № 7.

просам в тот период было еще далеко. Незавершенность теоретической подготовки конгресса — одна из причин отсрочки его созыва, намечавшегося сначала на вторую половину 1934 г. Характерно, что чуть ли не до лета 1935 г. в журнале «Коммунистический Интернационал», наряду с материалами, отражавшими поиски новых тактических решений, продолжали публиковаться статьи, в которых в той или иной мере находили место прежние представления.

Однако еще до выработки окончательных решений и до своего VII конгресса, Коминтерн начал предпринимать шаги, отражавшие новые тенденции. В частности, в имеющейся литературе упоминается письмо ИККИ, адресованное ЦК компартии Франции (июнь 1934 г.), в котором говорилось, что главной опасностью для французских трудящихся является именно фашизм. Для создания единого фронта предлагалось выдвигать лозунги реальные и понятные массам. Это письмо ИККИ помогло французским коммунистам на конференции в Иври (июнь 1934 г.), посвященной созданию единого фронта рабочего класса, найти новые смелые решения⁴. Французская компартия пришла к выводу, что ближайшей задачей является не свержение власти буржуазии, а отпор фашизму.

Далее, еще до окончания дискуссии в комиссиях Коминтерна, ИККИ принял несколько решений, по-новому ставивших вопрос о профсоюзной работе. Так, немецким коммунистам для достижения профединства рекомендовалось восстановить свободные профсоюзы и объединить в них рабочих различной партийной и синдикальной принадлежности. При этом профопозиция и красные профсоюзы подлежали роспуску⁵.

Среди первых документов Коминтерна, в которых нашел отражение начавшийся поворот к новой тактике, большое, на наш взгляд, значение имеют материалы ИККИ, связанные с событиями в Болгарии, до сих пор незаслуженно оставшиеся незамеченными.

Известно, что в том же 1934 г. 19 мая в Болгарии произошел военно-фашистский переворот, в результате которого «были укреплены распатанные позиции класса капиталистов, а коммунистической партии и рабочему движению нанесен тяжелый удар»⁶.

Новое правительство разогнало Народное Собрание (парламент), распустило все политические партии и организации, в том числе профсоюзы, запретило политические собрания и т. п. Переворот 19 мая 1934 г. положил начало периоду открытой фашистской диктатуры в стране.

В эти трудные дни болгарская компартия не сумела организовать массовый отпор наступлению реакции⁷. Резолюция, принятая ЦК БКП в связи с переворотом и определявшая курс компартии в новых внутривнутриполитических условиях, была целиком выдержана в духе сектантства и догматизма. В ней говорилось о том, что «установление военно-фашистской

⁴ Б. М. Лейбзон, К. К. Шириня. Там же, стр. 76.

⁵ Там же, стр. 80—81.

⁶ «История Болгарской коммунистической партии». М., 1960, стр. 300.

⁷ Еще в 1929 г. руководство БКП перешло в руки людей, деятельность которых была позднее оценена как левосектантская. Она нанесла большой вред компартии и всему рабочему движению Болгарии. Отличительными чертами «левых» сектантов были догматизм, склонность к революционной фразеологии, неумение правильно оценить обстановку, что приводило к выдвижению неправильных политических лозунгов. Сложившиеся за 1929—1935 гг. методы работы приводили к пренебрежительному отношению к повседневным нуждам трудящихся, к отрыву партии от масс. В отстаивании своих взглядов сектанты проявляли большое упорство, активно борясь против всех попыток опытных революционных кадров, и в первую очередь Г. Димитрова и В. Коларова, развенчать их теории и методы работы. И только в марте 1935 г. в органах ИККИ линия ЦК БКП впервые была охарактеризована как левооппортунистическая, сектантская. Это обстоятельство следует иметь в виду, так как настоящее сообщение касается периода середины 1934 — начала 1935 гг.

диктатуры в условиях кончившейся капиталистической стабилизации, разбивая все демократические иллюзии в массах и облегчая высвобождение масс из-под влияния Земледельческого Союза и социал-демократии, гигантски ускоряет темп развития Болгарии к пролетарской революции», что страна вступает в революционный кризис и на повестку дня встает вопрос о борьбе непосредственно за советскую власть⁸. В полном соответствии с представлениями тогдашнего руководства партии было требование в борьбе за свержение военно-фашистского правительства «с еще большей силой заострить основной стратегический удар против Земледельческого Союза и социал-демократии»⁹.

В связи с событиями в Болгарии и таким курсом ЦК БКП, который мог привести только к углублению допущенных прежде ошибок и изоляции партии от масс, Заграничное бюро ЦК БКП (ЗБ ЦК БКП), находившееся в Москве, по инициативе Г. Димитрова и В. Коларова, рассмотрело вопрос о положении в БКП. Обсуждение этого вопроса в органах Коминтерна происходило в июне — июле 1934 г., т. е. по времени оно совпало с обсуждением схемы и письма Г. Димитрова по второму пункту повестки дня VII конгресса. Естественно, что в оценку болгарских событий и деятельности руководства БКП Г. Димитров вкладывал уже свое представление о необходимости нового подхода к проблемам единого фронта. Оценка Г. Димитрова, однако, была встречена враждебно некоторыми членами ЗБ ЦК БКП, в частности П. Искровым¹⁰. Вопрос был перенесен в Балканский секретариат, где его обсуждение вызвало жаркие споры, а затем и на Политсекретариат ИККИ. В результате 14 августа 1934 г. Политсекретариат принял резолюцию, известную под названием «БКП в связи с событиями 19 мая 1934 г.»¹¹. В. Коларов отмечал, что каждое положение этой резолюции было завоевано в тяжелой борьбе. Г. Димитров не смог участвовать в обсуждении болгарского вопроса в Политсекретариате¹². Тем более важно, что в принятом решении нашло отражение новая постановка почти всех основных вопросов.

В резолюции говорилось об опасности недооценки сил фашизма, неправильности направления главного удара против Земледельческого Союза и квалификации его (пока только Земледельческого Союза, а не социал-демократической партии тоже. — Р. Г.) как фашистской организации; об ошибочности и вредности тезиса о том, что углубление экономического кризиса ведет к экономической катастрофе, о связи этого тезиса с надеждами на автоматический крах капитализма. В резолюции подчеркивалось, что главный удар фашизма направлен против компартии, но одновременно и против реформистских организаций и Земледельческого Союза. Поэтому компартия должна добиваться создания единого фронта с этими организациями, стремясь осуществить его не только снизу, но и сверху, идя на временные и частичные соглашения. В документе говорилось, что тактика единого фронта ни в коем случае не может рассматриваться как маневр, но должна быть средством для мобилизации самых широких масс народа в борьбе против фашизма. Особое внимание обращалось на опасность недооценки массовой работы и, в частности, работы в профсоюзах, на необхо-

⁸ Централен партиен архив (ЦПА), ф. 1, оп. 3, а. е. 460, л. 9, 15.

⁹ Там же, л. 11.

¹⁰ Т. Ангелова. Ролята на Коминтерна и на Заграничното бюро на БКП за изграждането на единен антифашистки народен фронт в България до VII конгрес на Комунистическия Интернационал (1934—1935). — «Известия на Института по история на БКП», № 12, София, 1964, стр. 206.

¹¹ Опубликована в сборнике «Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конференциите и пленумите на ЦК», т. III (1924—1944), София, 1954, стр. 315—326.

¹² Т. Ангелова. Там же, стр. 208.

димось нового курса — курса на объединение красных и реформистских союзов.

Бесспорно, постановка всех этих вопросов имела уже не только узконациональное болгарское значение. Анализ резолюции дает возможность понять, по каким вопросам новой тактики было достигнуто единое мнение в Политсекретариате ИККИ прежде всего. Как видно, в этом документе нет еще четко сформулированного тезиса о несвоевременности лозунга борьбы за диктатуру пролетариата и за советскую власть в Болгарии, о необходимости выдвижения на первый план именно общедемократических, антифашистских требований, слишком общи еще формулировки об отношении к социал-демократии и т. д. Но неправильно было бы недооценивать значение этого документа, как одного из первых, в котором нашел отражение новый подход коммунистов к оценке явлений и в котором в известной мере воплотился начавшийся поворот Коминтерна к новой политике.

Характерно, что в этом документе отразились и первые попытки расширительного толкования тактики единого фронта: компартия не должна изолироваться от массового движения против фашизма, говорилось в резолюции, даже если в нем участвуют буржуазно-демократические элементы. Наоборот, коммунисты должны стремиться к организационному оформлению широкого антифашистского движения, вовлекая в него не только различные политические организации рабочих, крестьян, ремесленников, но и честные антифашистские элементы из других партий¹³. Это еще не народный фронт, еще и не родилось такое понятие, но это уже шаг к его созданию.

Какое значение имела принятая ИККИ резолюция для болгарских коммунистов? В сентябре 1934 г. резолюция была отправлена в Болгарию. Документ этот произвел ошеломляющее впечатление на тогдашний ЦК БКП. На специальном заседании ЦК М. Шаторов, доставивший резолюцию, рассказал, в какой борьбе выработывался этот документ и о позиции отдельных членов Политсекретариата ИККИ. ЦК БКП решил пока не реагировать на полученные материалы, а для выяснения обстановки командировать в Москву нескольких товарищей. В присутствии этих товарищей резолюция Политсекретариата ИККИ еще раз обсуждалась на заседании ЗБ ЦК и посланцы ЦК БКП согласились с правотой основных ее положений. Затем, в ноябре 1934 г. резолюцию, наконец, принял на своем заседании и ЦК БКП. Однако этот акт оказался формальным, ибо большинство тогдашнего руководства БКП по существу оставалось на прежних позициях. Обсуждение резолюции не вышло за пределы руководства партии, документ большого значения не стал достоянием партийного актива, не говоря уже о всей массе коммунистов. А ведь именно в это время кое-где на местах стихийно рождался антифашистский единый фронт трудящихся¹⁴. Не случайно в декабре 1934 г. Г. М. Димитров, находившийся на лечении, пишет в Заграничное бюро тревожное письмо, в котором говорит, что его

¹³ «БКП в резолюции и решения...», т. III, стр. 324.

¹⁴ Наибольшие успехи были достигнуты в создании молодежного антифашистского фронта. В ноябре 1934 г. между Рабочим молодежным союзом, действовавшим под руководством компартии, и частью Земледельческого молодежного союза было заключено соглашение о единстве действий в борьбе против фашизма (см. указ. статью Г. Ангеловой, стр. 216). Но стремление к единству действий было характерно и для многих организаций БКП, Земледельческого Союза и других в ряде деревень и городов Болгарии (см. В. Х а д ж и н и к о л о в. България — първа страна на народен фронт между работници и селяни още до Седмия конгрес на Коминтерна. — «Исторически преглед», 1967, № 1, стр. 53). Показательна в этом отношении озабоченность болгарской полицией, рассылавшей на места приказы всячески пресекать возможные выступления трудящихся единым фронтом (Централен държавен исторически архив, ф. 370, оп. 2, а. е. 3315, л. 86; Градски окръжен държавен архив, гр. Пловдив, ф. 57, а. е. 99, а. е. 86; ф. 79 к, а. е. 67 и др.).

«очень беспокоит поведение наших внутри. Они продолжают свою неправильную ориентацию и после получения резолюции...»¹⁵. Для исправления положения Г. М. Димитров считал необходимыми «меры другого рода и — быстрые меры». В этой связи в Болгарию были направлены испытанные коммунисты Трайчо Костов и Тодор Матанов. Они должны были принять участие в работе V пленума ЦК БКП и содействовать конкретному претворению резолюции Политсекретариата ИККИ в жизнь.

V расширенный пленум ЦК БКП состоялся в Софии 22—23 января 1935 г. нелегально. Основным вопросом повестки дня было обсуждение политической линии БКП в связи с событиями 19 мая 1934 г., проходившее на базе резолюции Политсекретариата ИККИ от 14 августа 1934 г. В результате V пленум принял эту резолюцию; она, наконец, стала законом для партии и теперь известна под названием Резолюции V расширенного пленума ЦК БКП. Одновременно на пленуме были приняты резолюции по состоянию организационно-массовой работы, о профдвижении, о тактике единого фронта и задачах партии, которые также были подготовлены с помощью ЗБ ЦК БКП. И в этих документах нашел отражение новый подход к вопросам политической и тактической деятельности БКП. Кроме того, на V пленуме были реализованы рекомендации ИККИ, хотя только частично, об обновлении состава ЦК за счет включения в него коммунистов, непосредственно связанных с массовой работой.

Таким образом, в январе 1935 г. в Болгарии был снят курс на всеобщую политическую стачку, как непосредственную задачу дня, и на борьбу за советскую власть. Пленум одобрил новую политическую линию партии и согласился с первостепенностью задачи создания единого антифашистского фронта. Это было серьезной победой теоретической марксистской мысли до VII конгресса Коминтерна.

Но практическое значение V пленума было ограниченным: Центральный Комитет БКП и особенно его Политбюро оставались в руках сектантов, неспособных осуществить действительного поворота в деятельности партии. Обновление состава ЦК, предпринятое по рекомендации ИККИ, было лишь частичным и в значительной мере формальным. Поэтому важнейшей задачей после V пленума стал организационный разгром сектантства, очищение ЦК БКП от «левых», тем более, что последние не сложили оружия¹⁶. Эта задача в значительной степени была осуществлена весной и летом 1935 г. путем замены наиболее рьяных сектантов сторонниками новой политической линии. В ЦК были кооптированы Тр. Костов и Т. Матанов, а затем и Георги Дамянов. Большую поддержку им в проведении новой политики оказали члены ЦК, связанные с работой в массах.

Благодаря этим организационным мерам в Болгарии были созданы важные предпосылки для правильного и быстрого восприятия всей партией основных положений VII конгресса Коминтерна, ставшего поистине поворотным пунктом в истории международного рабочего и коммунистического движения. Линия же, намеченная для болгарской компартии в резолюции «БКП в связи с событиями 19 мая 1934 г.», получила подтверждение и дальнейшее развитие со стороны столь авторитетного органа, как VII Всемирный конгресс Коминтерна.

¹⁵ Г. Димитров. Писма. София, 1962, стр. 316.

¹⁶ В. Хаджишиколов. За своеобразното и начина на разгромяване на лявото сектанство в нашата партия. — «Известия на Института по история на БКП», № 11, София, 1964, стр. 155.

АЛЕКСАНДАР ФЛАКЕР

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЮГОСЛАВИИ С 1918 ПО 1934 ГОД

Октябрьская революция, победившая в стране, к которой в XIX веке устремляли свои взоры деятели национального движения народов, воплотивших впоследствии в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев, поставила перед деятелями культуры этих славянских народов ряд существенных вопросов, связанных с потребностью новой культурной ориентации в условиях крупнейшего исторического сдвига, происшедшего именно в стране, которая своей культурой, и особенно литературой, столь сильно воздействовала на общественно-политическую жизнь и литературы народов будущей Югославии. Именно с точки зрения переоценки самих основ, на которых строилась культура отдельных народов нового королевства, подходили в первое время хорватские, сербские и словенские писатели и деятели культуры к вопросам, которые в своем культурном строительстве прежде всего, а затем и в литературе ставила первая в мире социалистическая республика.

Именно поэтому вряд ли в печати, связанной с рабочим движением народов Югославии (1918—1921 гг.), следует искать переводы из русской и советской литературы или отклики на отдельные художественные произведения. Эта печать стремилась тогда первым делом дать достоверную информацию о новых процессах в культурной жизни революционного государства, рассказать о событиях этой жизни и перевести отдельные материалы, показывающие ее основное направление. Поэтому в газетах и журналах, издаваемых КПЮ, можно прежде всего прочесть либо информации о таких явлениях, как съезд Пролеткульта, либо переводы отдельных выступлений В. И. Ленина, Н. К. Крупской, А. В. Луначарского по вопросам культуры и литературы, а иногда и краткие сведения о писателе, именем которого буржуазная печать неоднократно пользовалась в первые годы революции в целях очернения революции, — о Максиме Горьком.

С партийной печатью сотрудничали и редакторы первого в Югославии революционного литературного журнала Мирослав Крлежа и Август Цесарец. В своем боевом журнале «Пламен» Крлежа и Цесарец предлагали новую идейную концепцию с четкой установкой на ленинизм и критиковали традиционные националистические воззрения и связанную с ними панславистскую идеологию. Цесарец в своих статьях всемерно подчеркивал интернационалистский характер Октябрьской революции, усматривая в ней разрешение противоречия между западничеством и славянофильством, а Крлежа неоднократно выступал против «славянофильства» хорватских интеллигентов. «Пламен» давал отповедь очень сильной в монархистской Югославии белоэмигрантской пропаганде, и не случайно Цесарец, критикуя загребские выступления графа Бобринского, противопоставляет ему

авторитет Максима Горького¹. Не затушевывая противоречий в развитии советской культуры, Цесарец в своих статьях пропагандировал взгляды А. В. Луначарского: «Воззрения А. Луначарского, касающиеся пролетарского искусства,— пишет в партийной печати Цесарец,— это воззрения современного человека, и очень ошибается тот, кто думает, что автор провозгласит пролетарским искусством вечное воспевание красного флага и красных гвоздик, выраженное в старинных ритмах и метрике, что будет рекомендовать повторение Золя 'в плохих изданиях, описание мятежных забастовок, пиршеств богачей и нищеты эксплуатируемых, изображение, с одной стороны, толстых буржуев, пьющих шампанское, а с другой стороны, пролетариев с пустыми тарелками; наоборот, все это может быть хорошим средством для пропаганды в начале любого рабочего движения, но с искусством это не имеет ничего общего, так как социализм и классовое сознание должны в искусстве появиться иначе, а не в виде тенденциозности, которую Луначарский осуждает и отклоняет»².

С этой статьи, собственно говоря, и начались длительные прения о месте литературы и искусства в революционной борьбе рабочего класса, весьма характерные для «левого» литературного движения в Югославии, и не случайно одну из цитат Луначарского, приведенную Цесарцем в статье 1919 г., относящуюся к порицанию упрощенно-прямолинейной тенденциозности в пролетарском искусстве, повторил Крлежа уже в 1934 г. в своем эссе о Луначарском.

Если в журнале «Plamen» Крлежи и Цесарца велась прежде всего борьба за новую идейную ориентацию искусства и литературы народов Югославии, связанную с идеалами Октябрьской социалистической революции, то более широкое ознакомление с достижениями первых лет советского искусства и литературы, особенно «левой», выпало на долю модернистского журнала «Zenit». Журнал Любомира Миичича, не осуществивший вполне в своей творческой практике программу, эклектически созданную по образцам европейских «авангардных» течений³, сделал, однако, многое для ознакомления югославских читателей с самыми новыми проявлениями европейского «авангарда», особое внимание уделяя новому искусству, появившемуся в молодой еще Советской республике. В «Зените» уже в 1921 г. переведены отдельные статьи Луначарского (о «Пролеткульте» в № 1 и 2), появился в нем манифест имажинистов (1921, № 5), напечатаны в подлиннике блоковские «Скифы» (1921, № 3), переведены впервые на хорватско-сербский язык некоторые произведения Маяковского (отрывок из «Войны и мира», 1921, № 10; «Сволочи», 1922, № 17/18; Пролог к «Мистерии Буфф», 1923, № 23), Есенина («Преображение», 1922, № 14; «Волчья пропасть», 1922, № 17/18), Пастернака (1922, № 17/18), стихотворения и статьи Хлебникова (1922, № 15; 1922, № 17/18), Асеева (1922, № 17/18) и Эренбурга (1922, № 11, № 17/18; 1926, № 39, 40); с последним как редактором журнала «Вещь» была установлена и личная связь. Журнал «Вещь» отмечал деятельность «Зенита», опубликовал статью Миичича о сербской литературе (1922, № 1—2). Илья Эренбург послал в 1926 г. письмо редактору, опубликованное в «Зените»:

¹ «Maksim Gorki ili grof Bobrinski». — «Plamen», 1919, № 12. О журнале «Пламен» см. статью Г. Я. Ильиной в кн. «Развитие зарубежных славянских литератур в XX веке». М., 1964.

² «Boljševizam i kultura». — «Nova istina», 1919, № 11, 13—14, цит. по кн.: V. Z a p i n o v i ć. August Cesarec. Zagreb, 1964, s. 82.

³ В этом смысле точную оценку программы «Зенита» дал уже в то время чешский критик Франт Гётц в журнале «Host», 1922—1923, № 7.

Дорогой товарищ,
приветствую Вашу отважную работу на Балканах и надеюсь, что она не останется тщетной. Хочу также отметить, что Вы в стране панихид по царям и врангелевским жандармам первый попытались ознакомить Ваших соотечественников с искусством революционной России.
Илья Эренбург — Париж⁴.

«Zenit», наряду с журналом «Plamen», пытался полемизировать с белоэмигрантскими литераторами в Югославии (Зинаидой Гипшиус, Аркадием Аверченко) и, протестуя против их выступлений, призывал «всеми силами ускорить шаги культурного сближения России и Югославии, не дожидаясь их политического сближения, в будущем неминуемого и необходимого в силу исторической закономерности»⁵.

Среди добросовестных информаторов о новых течениях в русской и советской литературе и искусстве надо упомянуть также Йосипа Бадалича, опубликовавшего в 1921 и последующих годах ряд статей о литературе в стране Советов. В 1921 г. Бадалич познакомил в журнале «Suvremeni» (№ 4) югославскую общественность с творчеством Блока, несколько позже этот же журнал опубликовал перевод блоковской статьи «Интеллигенция и революция» (1923), а в 1922 г. в журнале «Kritika» Станислав Винавер перевел поэму «Двенадцать», названную Исидорой Секулич «мощной и прекрасной поэмой великого поэта и настоящего революционера» («Nova Evgora», 1921, № 8).

Уже в первой половине 20-х годов завязываются личные контакты югославских литераторов с деятелями советского искусства. В 1922 г. в Загребе успешно гастролирует МХАТ с К. С. Станиславским, оказавший заметное влияние на развитие хорватского театра), школа которого однако же не импонирует революционным деятелям, побывавшим в СССР, — Цесарцу и Крлеже: они призывали хорватских режиссеров ориентироваться на «левый», революционный театр Мейерхольда. Именно в 1922 г. отправляется Август Цесарец на конгресс Коминтерна в Москву и после своего возвращения публикует целую серию очерков о жизни в СССР, а также несколько эссе о советском искусстве. Немного позже выезжает в Советскую республику и Мирослав Крлежа, опубликовавший впоследствии свою известную книгу «Экскурсия в Россию» (1926).

И Цесарец, и Крлежа в своих статьях усиленно пропагандируют завоевания советской культуры, подчеркивая особенно явления, в которых они усматривают революционное развитие искусства, считая, что новые веяния в советском искусстве могут оказаться плодотворными также для развития искусства в Югославии. Касаясь преимущественно вопросов, связанных с театральной жизнью и движением в живописи, т. е. с теми областями искусства, где более наглядно проявлялась спорная проблематика, Цесарец только мимоходом говорит о литературе, в которой еще не отмечает крупных художественных достижений. Тем не менее он упоминает Демьяна Бедного, Алексея Гастева и Сергея Третьякова (как известно, Цесарец вращался в Москве преимущественно в кругу «Лефа», там же и напечатал свою статью «Леф в Югославии»⁶), а особенно считает нужным сказать об отношении Ленина к литературе, пересказывает разговор Ленина с вхутемасовцами о Маяковском, известный позже по воспоминаниям Н. К. Крупской.

Крлежа в своей книге тоже больше всего говорит о советском театре и живописи, в связи с этим упоминает некоторые пьесы советских авторов

⁴ «Zenit», 1926, № 38.

⁵ «Protiv jugoslavenskog antirusizma». — «Zenit», 1922, № 15.

⁶ См. мои комментарии к переводам русских статей Цесарца в книге «Suvremeni ruski pisci», III, Zagreb, 1962, s. 84—96, и в журнале «Umjetnost riječi», 1963, № 3, . 249—251.

(«Оливер Кромвель» Луначарского, «Мандат» Эрдмана, «Блоха» Замятина) и вкратце дает оценку советского литературного движения первой половины 20-х годов: «Это еще не есть проникновение в глубину и создание достопримечательных типов и героев, твердых как каменные глыбы. Все это еще в литературе движение событий, пестрота и динамика современной жизни, все еще больше декоративное освещение и нанос сырья, чем литературная действительность. Это все еще в русской сегодняшней книге хаос первых библейских дней, когда свет отделяется от тьмы и когда люди, уединенные в своем личном героизме, совершают сверхчеловеческие усилия, как герои Джека Лондона, когда борются со стихией. В сибирско-забайкальском хаосе у Иванова, в культе стихийных энергий у Пильняка, в пуританской серьезности Тарасова-Родионова, в динамизме Ильи Эренбурга или неистовой скорости Маяковского, во всем этом находим нынешнюю действительную, израненную, русскую современность...»⁷

Некоторые статьи Цесарца и Крлежи были опубликованы в их новом журнале «Književna republika», выходившем с 1923 г. Этот журнал отличался более конкретной, чем «Plamen», постановкой вопросов, связанных с литературным движением в Советской республике. «Književna republika» в 1924 г. не только целый номер посвящает Ленину (№ 5—6), но публикует в том же году ленинские письма Горькому (1924, II, № 1), переводит статьи Фриче (1924/5, I, № 7) и Воронского (1923/4, № 8), знакомит своих читателей с советской прозой, публикуя отрывки из «Бронепоезда 14-69» Вс. Иванова (1924, II, № 6) и «Недели» Ю. Либединского (1927, № 3—4). Из-за публикации текста Либединского Крлежа был привлечен к судебной ответственности за то, что «проводил коммунистическую пропаганду»⁸, — и этот номер журнала оказался последним.

В середине 20-х годов и другие литературные журналы более широко знакомят читателей с советской литературой. В журнале «Vijenas» выходит в 1927 г. новый перевод «Двенадцати», сделанный Бадаличем (№ 7—8), в 1925—1928 гг. Бадалич в разных загребских литературных журналах пишет о Зошечко и «Серапионах» («Vijenas», 1925, № 10—11), о Федине («Vijenas», 1927, № 5), о литературных группировках в Советской России («Hrvatska revija», 1928, № 1—2).

В том же 1927 году Бадалич издает все свои переводы Блока, а в следующем; 1928 году в Словении, в издании «Пролетарской библиотеки» в Любляне, выходит словенский перевод «Двенадцати», сделанный Миле Клопичем, в художественном оформлении известного художника Михи Малеша; рецензию об этом издании написал выдающийся словенский критик Йосип Видмар. Предисловие к «Двенадцати» написал Братко Крефт, так что можно считать, что по поводу публикации поэмы Блока состоялся в 1928 г. настоящий симпозиум прогрессивной словенской интеллигенции.

В 1928 г. многие литературные журналы в Югославии отметили юбилей Максима Горького, а за год до того в загребской газете «Obzor» печатался перевод его романа «Дело Артамоновых» (перевод Йосипа Хорвата). Среди статей надо отметить опубликованный в журнале «Vijenas» (1928, № 5) монтаж придуманного Франом Мажураничем, известным хорватским прозаиком, разговора между Горьким и Толстым о вопросах мировоззрения, в котором Горький высказывает более передовые идеи, чем его великий собеседник; затем статьи Крефта в словенской периодике («Novi čas», 1928, № 3—4; «Prosveta», 1928, № 88) и особенно статью Божидара Аджи в журнале «Savremenik», начинающуюся словами Розы Люксембург о рус-

⁷ «Izlet u Rusiju». Zagreb, 1926, s. 66.

⁸ Цит. по протоколу судебного следствия, состоявшегося в Загребе 19 октября 1927 г.

ской литературе, а кончающуюся горьковским призывом к самоотверженной борьбе за новую жизнь.

В конце 20-х годов в югославских литературах постепенно складывается и организуется движение, ставящее своей целью создание литературы, которая руководствовалась бы интересами рабочего класса и обращалась к читателю из рабочей среды. Разумеется, такое движение не могло не обращаться к опыту советской литературы. Вокруг словенского журнала «Mladina» (1924—1927) формируется группа писателей (Сречко Косовел, Миле Клопчич, Тоне Селишкар, Братко Крефт и др.), которые в своей литературной работе и выступлениях перед трудящимися Словении развивают некоторые положения, связанные с теорией пролетарской литературы, даже в ее первичном, «пролеткультовском» варианте⁹. С 1928 года в журналах «Kritika» (1928), «Nova literatura» (1929—1930), «Stožer» (1931—1935), «Literatura» (1933) и частично в прогрессивном журнале «Književnik» (1928—1939) звучат лозунги «социальной литературы». В этом новом движении сказывалась не только целеустремленность революционной организации, активизирующей литературные силы, особенно старающейся расширить социальный базис литературы привлечением и воспитанием писателей из рабочей среды и крестьянства, — в этом движении проявились и заблуждения догматического и упрощенческого характера, во многом связанные с влиянием РАППа.

В журналах, проникнутых идеями «социальной литературы», в конце 20-х и начале 30-х годов весьма часто стали появляться переводы отдельных рассказов советских писателей или же отрывки из более крупных произведений, иногда критические статьи русских и советских критиков (особенное значение имела для развития критики переведенная работа Плеханова «Искусство и общественная жизнь», опубликованная в журнале «Književnik», 1932), а также информационные и критические статьи о советской литературе. Важно подчеркнуть несомненное воздействие советской критики на отдельных критиков из лагеря «социальной литературы» (С. Галогожа, О. Кершовани, И. Попович и др.).

В начале 30-х годов появились два сборника: изданный в 1931 г. под редакцией Хуснии Ченгича в Загребе том «Современной русской прозы» и изданный прогрессивным белградским издательством «Нолит» сборник «Новая русская проза». В первый сборник вошли, в частности, рассказы Шолохова, Гладкова, Вс. Иванова, а во втором были опубликованы произведения Федина, Катаева, Малышкина, Неверова, Петро Панча, Панферова, Сейфуллиной, А. Толстого, Зощенко и сообщены сведения о некоторых других писателях. Отдельным изданием в «Нолите» вышел в 1930 г. сборник «Одесских рассказов» Исаака Бабеля в переводе Густава Крклеца, познакомившегося с Бабелем в Париже. В предисловии к сборнику переводчик рассказал о своих впечатлениях, вызванных разговорами с Бабелем.

«Нолит» издал также повесть «Виринея» Лидии Сейфуллиной (1933), а в Загребе вышла полным изданием, в переводе Ченгича, «Неделя» Либединского (1932). Обе повести рецензировал в журнале «Književnik» Горан-Ковачич, подчеркивая достоинства прозы советских писателей, которая, кажется, оказала влияние на его собственное творчество. В 1930 г. загребское издательство «Vinoza» опубликовало роман «Цемент» Ф. Гладкова. О значении этого издания свидетельствует анкета, помещенная в 1933 г. журналом «Književnik», которая предложила читателям ответить на вопрос: «Что мы любим читать?». Оказалось, что гладковский роман — едва ли не самая любимая рабочими Югославии книга. В 1934 г. публикует-

⁹ О «Младине» см. Е. И. Рябова. К характеристике «социального реализма» в словесной литературе. В сб. «Формирование социалистического реализма в литературе западных и южных славян», М., 1963, стр. 370—422.

ся в Загребе повесть Тарасова-Родионова «Шоколад» в переводе Васо Богданова, однако немедленно подвергается конфискации, так что только некоторые экземпляры дошли до читателей¹⁰.

На возрастающий читательский интерес к советской литературе не могла не откликнуться даже популярная коллекция «1000 прекраснейших новелл», в которой после 1929 г. появляются произведения Федина («Сад»), В. Иванова («Дитё»), Маяковского («Нью-Йорк»), Пильняка. Замятина и других советских писателей, а издательство «Zabavna biblioteka», опубликовавшее уже в 1924 г. «Аэлиту» А. Толстого (с «рекламным» подзаголовком «Приключения двух русских на Марсе») и в 1927 г. «Любовь Жанны Ней» И. Эренбурга («Роман француженки с большевиком»), публикует в 1931 г. «Барсуков» Леонида Леонова. Отдельными изданиями появляются сборники рассказов М. Зощенко в сербско-хорватском (1933) и словенском (1934) переводах, а в Словении, в переводе Йосипа Видмара, в 1931 г. выходит из печати роман К. Федина «Города и годы».

Самым, однако, известным советским писателем в начале 30-х годов становится Илья Эренбург, благодаря не столько его художественным произведениям, сколько полудокументальной беллетризованной публицистике, подвергающей анализу и критике механизм капиталистического общества и экономики. Особенное значение в этом смысле имели переводы его произведений «10 лошадиных сил» и «Фабрика снов», изданные в 1931 и 1933 гг. загребским издательством «Vinoza».

С успехом, выпавшим на долю Эренбурга, можно сравнить только популярность Есенина, ставшего в начале 30-х годов самым известным советским поэтом в Югославии и одним из самых любимых поэтов вообще. В журнале «Književna republika» вышло в 1927 г. стихотворение Добриши Цесарича, посвященное памяти погибшего поэта; некоторые переводы, сделанные Цесаричем, опубликовал прогрессивный «Književnik», а особенно популяризировал Есенина хорватский поэт Густав Крклец, в творчестве которого критика (Йосип Богнер) заметила уже в 1928 г. отголоски есенинской поэзии. В Словении стихи Есенина переводили Миле Клопчич и Иво Брнчич. Однако шумная известность Есенина в Югославии началась с тех пор, когда в Белграде вышли сопровождаемые биографическими сведениями сборники переводов М. М. Пешича (1931, 1933) и Кирилла Тарановского (1931). Именно пешичевские переводы вызвали, вопреки критике из лагеря «социальной литературы» (Йован Попович и др.), настороженно относившейся к общему увлечению Есениным, не только огромный интерес к советскому поэту, но и волну подражаний. В этом плане надо отметить хотя бы поэзию Раде Драинца, у которого увлечение Аполлинером и Маяковским сменилось манерой писать «под Есенина», что вообще показательно для процессов, происходивших в югославских литературах 30-х годов.

Влияние советской литературы и других европейских литератур на творчество югославских писателей — особенно в начале 30-х годов — способствовало движению югославских литератур от модернизма к социальной проблематике и жизненной достоверности. Неправоммерно отрицая плодотворность этого процесса, некоторые критики писали, что Югославия становится «колонией иностранной литературы». С ними спорил Милан Богданович словами которого мы закончим настоящий обзор:

«В делах литературы и искусства не помогает никакая „преференциальная политика“. Духу нельзя поставить таможенные барьеры! Если наша литература не приблизится к живым потребностям человека, она останется только тщетным и эгоцентрическим делом одиночек»¹¹.

¹⁰ «Шоколад» уже раньше привлекал внимание Крклежи, см. об этом V. K a r l i c k ý. Nékolik hodin z Miroslavom Krležou. — «Panorama», 1931—1932, č. 11, s. 191.

¹¹ См. «Stari i novi», III, Beograd, 1949, s. 158.

Ю. И. СМЕРНОВ

СЛАВЯНСКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ

(изменчивость уровней эпик)

При самом предварительном знакомстве с материалом может показаться, что между славянскими эпосами имеется слишком мало общего.

Действительно, по единодушному мнению очень многих исследователей различных научных школ, зарождение славянских эпосов надлежит датировать эпохой разложения первобытнообщинного строя и образования первых славянских государств. К этому времени славяне уже расселились, постоянные массовые фольклорные контакты между обособившимися группами перестали существовать. В жизни славянских народов на протяжении прошлого тысячелетия имелись существенные различия. Стало быть, и логика эпического творчества, бесспорно зависящая от исторических перипетий, не могла не испытывать их воздействия.

В самом деле, в славянских эпосах нельзя обнаружить общих имен эпических героев, если не считать совпадения имен святых, например, в русских духовных стихах и южнославянских легендарных песнях, совпадения имен героев южнославянских эпосов, а также фигурирования имен Журилы и Олексия Поповича в украинских думах, что дает лишний повод некоторым ученым полагать, будто это имя сохранилось в думах со времен существования общего для всех восточных славян и пока еще не реконструированного эпоса¹.

В славянских эпосах отсутствуют и общие эпические центры. У русских таким центром бывает преимущественно Киев — внешний эпический центр по отношению к районам бытования эпоса. У южных славян нетрудно выявить множество эпических центров, из которых предпочтение отдается все же Царьграду (Стамбул), Будиму (Буда), Валахии, Солуну (Салоники), Косову полю и Прилепу. Все они, кроме Прилепа, несомненно также внешние эпические центры для всех районов бытования южнославянских эпосов. Появление же Прилепа в качестве эпического центра, кстати, тоже внешнего по отношению к другим, кроме Македонии, южнославянским районам, легко объясняется тем, что он был владением Марка Кралевича, ставшего популярнейшей фигурой в эпосе южных славян. Отличие Прилепа от Киева весьма существенно: район Киева известен только как внешний эпический центр, тогда как Прилеп вместе с тем был и районом бытования эпоса. У украинцев скорее подразумевается, нежели реально присутствует в эпосе Запорожская Сечь, опять-таки внешний эпический центр по отношению к существовавшей украинской этнографической территории. У западных славян при их скромном

¹ М. М. П л и с е ц к и й. Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса. М., 1963 (см. по указателю персонажей).

сюжетном репертуаре и очевидном отсутствии богатырского эпоса не существует и эпического центра.

Что касается других исторических реалий (обувь, одежда, украшения и пр.), то здесь при сравнении славянских эпосов наблюдается совсем мало совпадений. Русский богатырь, например, носит только сапоги, а южнославянский юнак может быть обут и в кожаные лапти. Правда, герои славянских эпосов нередко обладают одинаковым оружием (палица, копьё, меч, лук и др.), но самый этот набор оружия был стандартен для многих народов и нет оснований выводить из этого какую бы то ни было эпическую общность. Совпадения по славянским эпосам в описаниях флоры и фауны, в пейзажах обнаруживаются едва ли в большей степени, чем совпадают между собой природные условия Русского Севера, украинских степей, балканских гор и других районов расселения славян².

Вряд ли следует начинать исследование славянской эпической общности с предварительного сопоставления каждого национального эпоса с местными летописями и другими письменными источниками. В письменных памятниках разных народов есть стереотипные описания в виде «типических» ситуаций — отношений между местным князем и прочими светскими и духовными феодалами, их женами, слугами и др. Но такие ситуации, запечатленные в хрониках и летописях, не могут служить историческим эквивалентом эпосу, который глубже, шире и совсем в другой форме, нежели это наблюдается в письменных памятниках, отражает историю народа.

Важно понять славянскую эпическую общность как единство логики эпического творчества всех славянских народов. Под логикой творчества, кратко говоря, подразумевается определенная последовательность и соотносимость процессов и фактов эпического творчества, обусловленных — опосредованно или непосредственно — общественными условиями. Тщательное изучение логики творчества обеспечивает выявление сходства и различия между славянскими эпосами. Обращение к истории славян, к изменениям общественных условий способствует уточнению причинности сходства и различия.

Широко известно, что русский эпос отличается торжественностью, красочностью, величавостью, пышностью описания, в связи с чем крайне высок удельный вес «общих мест», которыми певцы свободно оперировали в рамках всего своего сюжетного репертуара³. В нем сравнительно мало сюжетов, композиции большей частью несложны и стереотипны⁴, но зато часты многосоставные произведения. Процесс циклизации эпоса вокруг одного эпического центра остался, как известно, незаконченным. Сложившаяся иерархия эпических героев не привела к исключительному культу подвигов одного из них, хотя и очевидно, что с именем Ильи Муромца связывается больше сюжетов, чем с именем какого-либо другого героя, если не считать князя Владимира, роль которого в русском эпосе, равно

² Отметим, кстати, что описание дуба или упоминание степей в русских былинах отнюдь не свидетельствует о киевском происхождении былины. И тысячу лет назад дуб рос даже у южных берегов Ладожского озера. Что же касается степей, то их упоминание можно расценивать и как анахронизм, и как отражение впечатлений от Волго-Окского предполья.

³ П. Д. У х о в. Типические места (*loci communes*) как средство паспортизации былины. — «Русский фольклор», т. II. М.—Л., 1957, стр. 129—154.

⁴ См., например: Ю. И. Ю д и н. Композиция русских героических былин. — «Вестник Ленинградского университета», 1966, № 14, стр. 73—81. Ср.: М. Б р а у н. Композиция героических народных песен на материале сербо-хорватского эпоса. — «Русский фольклор», т. V. М.—Л., стр. 157—166.

как и роль стамбульских султанов в южнославянских песнях, по-видимому, не следует отождествлять с ролью богатырей.

Менее известно, что в южнославянских эпосах поразительна, условно говоря, сухость описания. Торжественность, красочность, частое использование «общих мест» характерны либо для произведений, обусловленных конкретными южнославянскими историческими событиями (например, песни, вызванные битвой на Косовом поле), либо — в этом случае далеко не всегда — для произведений, связываемых с именем Марка Краlevича. Циклизации южнославянских эпосов вокруг одного эпического центра, как говорилось, не произошло, да и вряд ли, добавим, она могла бы произойти в силу серьезных областных различий внутри национальных эпических традиций; зато явно выражена циклизация песен, связываемых с именем Марка Краlevича. Судя по обзору А. Димитровой и М. Янакиева, из 1551 сюжета, посвященного «историческим лицам», с именем Марка Краlevича связывается 265 сюжетов песен любой жанровой принадлежности, сказок и преданий⁵. Правда, авторы смешивают такие понятия, как сюжет, версия и вариант, поэтому число действительных сюжетов о Марке Краlevиче ими завышено. Однако и после поправок удельный вес песен о Марке Краlevиче в южнославянском эпическом репертуаре оказывается значительно бoльшим, чем удельный вес 12 былин об Илье Муромце в сопоставимом русском репертуаре.

В южнославянских эпосах, так же как в русском, можно выявить вполне устойчивую иерархию эпических героев с устойчивым набором имен, причем по своей структуре эта иерархия будет сходна с русской эпической иерархией, разве что за исключением одной важной детали. У южных славян юнаки нередко выступают и как феодальные владельцы, что не характерно для русских богатырей: неизменно подчеркивается их неродовитость, их положение «служилых людей» при дворе князя Владимира. Такое различие явно свидетельствует о том, что русская и южнославянская иерархия эпических героев создавались в различных исторических условиях. Вместе с тем примечательно, что южнославянская эпическая иерархия, в отличие от русской, не занимает центрального положения в эпосе.

Наряду с эпической иерархией в южнославянских эпосах без труда обнаруживается множество героев со стандартным лишь по своей национальной принадлежности набором имен, героев, не входящих в эпическую иерархию, однако же безусловно эпических. Например, Стоян, чей конкретный исторический прототип мы безуспешно разыскивали бы в письменных источниках, по своей популярности отнюдь не уступает «историческому» Марку Краlevичу⁶. В названном обзоре А. Димитровой и М. Янакиева, судя по именному указателю, за именем Стояна закреплено 122 песенных сюжета. Даже это число сюжетов в репертуаре одной южнославянской ветви (болгар, помаков и македонцев) по своему удельному весу выше, чем удельный вес былин об Илье Муромце в русском репертуаре. Однако составители обзора занизили это число сюжетов. Если с именем Марка Краlevича они связали и песни и прозу любой жанровой принадлежности, включая тексты, в которых Марко выступает не только в роли королевича, то с именем Стояна они связали почти исключительно песни

⁵ А. Димитрова, М. Янакиев. Предания за исторически лица в болгарските народни умотворения. — «Известия на Семинара по славянска филология», кн. VIII и IX за 1941—1943 год. София, 1948, стр. 432—461.

⁶ В сюжетных песнях, впрочем, Марко Краlevич фигурирует не только как лицо историческое: помимо Марка-королевича, Марко-юнака южнославянскому фольклору известен Марко-возница, Марко-змея (!), Марко-мастер и т. д.

о разбойнике (хайдуте, воеводе) ⁷. В другом обзоре песен, судя по именованному указателю, соотношение песен о Стояне и о Марке почти противоположно: из 2669 сюжетов с именем Стояна связывается 249 сюжетов песен любой жанровой принадлежности, с именем Марка — только 148 ⁸.

В южнославянских эпосах, как представляется, внимание всецело или преимущественно сосредоточено на действии и его динамике. Этим, по всей вероятности, в значительной мере объясняется сухость и лаконизм описания, невысокий удельный вес «общих мест» в составе большинства произведений. Южнославянские певцы как бы торопятся выпроводить эпического героя за ворота его дома или из палат султана, где герою дают поручение; их как будто бы больше, чем русских сказителей, интересуют встречи и поединки героя. Вместе с тем эпические поединки и бои как раз наиболее типизированы по сравнению с другими частями южнославянских песен, однако стереотипы («общие места») их описания, как правило, не совпадают с русскими. Вообще русские и южнославянские «типические места» резко различаются, несмотря на значительное число совпадений в повествовании.

Многообразие зачинов южнославянских эпических песен очевидно, причем некоторые их типы тождественны русским. Не столь приметно, но вполне реально большее, в сравнении с русскими, разнообразие типов композиций; среди них можно обнаружить параллели, вероятно, ко всем русским типам эпической композиции ⁹. Однако исключительное обилие южнославянских эпических сюжетов и их версий препятствуют выявлению славянской эпической общности. Небольшой сюжетный запас русского эпоса и ограниченное, нередко совсем малое число версий, казалось бы, абсолютно несопоставимы с поразительным богатством сюжетов и версий у южных славян. Располагая этим богатством, южные славяне как будто имели большие, чем восточные славяне, возможности для образования многосоставных произведений. Тем не менее удельный вес многосоставных произведений в южнославянском репертуаре заметно меньше, чем в русском. В группах южнославянских песен, посвященных таким архаическим темам, как встречи со змеями и самовилами, добывание (похищение) невесты и др., многосоставные произведения почти не встречаются, тогда как немногие сопоставимые русские произведения этого рода почти все многосоставны.

Для русского эпоса характерны два процесса изменения эпических произведений, замеченные на протяжении последних столетий: отчасти — трансформация эпических произведений (главным образом баллад) в пределах песенных жанров в направлении от эпоса к лирике, и преимущественно — переход в разряд народной прозы (главным образом былины, ранние исторические песни и духовные стихи). Южнославянским эпосам также присущи оба эти процесса, однако трансформация эпических произведений в пределах песенных жанров там преобладала. Вместе с тем там еще в XIX в. был замечен переход эпоса в разряд народной прозы, причем эквивалентных русским эпическим произведениям, но этот процесс, судя

⁷ Любопытно, что даже при таком ограничении составители называют не более, не менее, как 12 Стоянов, живших в диапазоне двух веков, — с этими «историческими лицами» составители и предлагают связывать песни о Стояне (там же, стр. 525).

⁸ «Преглед на българските народни песни». — «Известия на Семинара по славянска филология», кн. V и VI. София, 1925—1929. Мы приводим эти примеры на материале одной южнославянской этнической ветви лишь по той причине, что материал других южных славян еще не систематизирован даже в такой степени.

⁹ Если судить по указанной статье Ю. И. Юдина, то все русские типы эпической композиции имеют параллели на южнославянской почве.

по сообщениям собирателей¹⁰, и поныне не стал господствующим, как это произошло на Русском Севере.

Итак, если на основе проведенного эмпирического сравнения признать в качестве критериев несколько более позднего состояния эпоса такие явления, как высокий удельный вес «общих мест»¹¹, господство одного эпического центра, центральное положение иерархии эпических героев, ограниченный набор композиционных приемов, многосоставность произведений, относительно небольшой сюжетный репертуар и т. п., то можно заключить, что южнославянские эпосы были достигнуты собирателями явно на более древней стадии эволюции, чем русский эпос. Дополнительно можно сослаться на обилие южнославянских произведений с архаической тематикой (состязания с солнцем, встречи и отношения со змеями и др.).

Стадиально более позднее положение русского эпоса отнюдь не означает, что он и возник позже южнославянских эпосов. Вполне можно предполагать, что русский и южнославянские эпосы возникли одновременно.

Вполне вероятно и то, что эпические традиции зародились одновременно у западных, восточных и южных славян. Другое дело, что стадиально они относятся к русскому эпосу приблизительно так же, как русский эпос к южнославянским.

То состояние, в котором западнославянские эпические традиции были найдены собирателями, напоминает современное положение эпоса где-нибудь в Ярославской, Калининской, Вологодской и многих других областях России. И в этих русских районах теперь, и в западнославянских районах (Моравия, южные и восточные районы Польши и др.) сто — сто пятьдесят лет назад уже не встречаются песни о мифических существах и богатырях, но зато бытуют баллады, которые, впрочем, уже не осознаются как эпические произведения и в большинстве случаев тяготеют к лирическим песням, подвергшись соответствующим изменениям. Почти то же самое можно сказать об эпических традициях украинцев и белорусов. Разница лишь в том, что их стадиальное положение, отмеченное собирателями в XIX в., прямо сопоставимо с современным состоянием русского эпоса в более северных районах России (Заонежье, Пудога, бассейн р. Онеги, Поморье и др.)¹².

По-видимому, именно таким состоянием эпика у западных славян, украинцев и белорусов следует объяснить отсутствие в ней устойчивой иерархии эпических героев и эпического центра, крайнюю ограниченность набора композиционных приемов, низкий удельный вес «общих мест» или зачастую полное их отсутствие, стабильность сюжетов и вместе с тем «пренебрежение» к действию, еще меньший, чем у русских, сюжетный репертуар и т. д. Нетрудно заметить, что некоторые признаки (например, удельный вес «общих мест») как будто бы родственны чертам, свойственным южнославянским эпосам. Однако подобные совпадения было бы ошибочно считать критериями одинакового стадиального положения, так как их нельзя выделять из всей совокупности сопоставляемых явлений. Кроме

¹⁰ Ц. Р о м а н с к а. Преданията за Крали Марко във фолклора на южните славяни. — «Славистични студии. Сборник по случай V Международен славистичен конгрес». София, 1963, стр. 379—391; П. Д и н е к о в. Български фолклор, ч. I. София, 1959, стр. 193—195; М. М у р к о. *Tragom srpsko-hrvatske, narodne epike*, kn. 1. Zagreb, 1951.

¹¹ Это явление в эпосе вполне правомерно сопоставить с украшательством в иконописи и храмовом зодчестве, с преимущественно золотой росписью по металлу, дереву, стеклу, фарфору и др.

¹² Некоторые подробности об украинской и западнославянской эпических традициях в сравнении с русской см. в нашей статье «Следы эпической поэзии на Буковине». — «Советское славяноведение», 1966, № 3, стр. 63—67.

того, здесь нетрудно привлечь и дополнительную аргументацию: у южных славян низкий удельный вес «общих мест» обусловлен вниманием к действию, тогда как у западных славян это же явление стоит в связи с распадом повествования. Короче, процессы активного существования эпоса следует отличать от процессов его отмирания.

Итак, славянские эпосы в зависимости от состояния, в котором они были обнаружены, располагаются в следующем временном порядке:

- 1) южнославянские эпосы;
- 2) русский эпос;
- 3) западнославянская, украинская и белорусская эпика.

Имея в виду эту последовательность, перейдем к вопросу об эпических жанрах славянского фольклора. Кстати, этот вопрос тем более важным представляется потому, что при жанровой классификации фольклора, предлагаемой тем или иным исследователем, целые группы эпических произведений порой оказываются не включенными в систему эпоса¹³.

Если под эпическими жанрами подразумевать группы действительно народных повествовательных песен, то в жанровом отношении славянские эпосы выглядят следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Южные славяне	Русские	Белорусы	Украинцы	Западные славяне
Мифические песни	—	—	—	—
Юнацкие песни	Былины	— ¹	— ²	—
Баллады	Баллады	Баллады	Думы Баллады	Баллады
Ранние исторические песни	Ранние исторические песни	— ³	—	—
Песни о хайдутах и ускоках	«Разбойничьи» песни ³	— ⁴	— ⁴	— ⁴
Поздние исторические песни	Поздние исторические песни	Поздние исторические песни ⁵	Поздние исторические песни ⁵	Поздние исторические песни (солдатские)
Легендарные песни	Духовные стихи	Духовные стихи ⁵	Духовные стихи, вирши ⁵	Духовные песни, розийманья, колелды и др.

¹ У белорусов отмечены очень небольшим числом записей произведения типа русских былин и ранних исторических песен (см.: «Беларускі эпос». Мінск, 1959). В ряде случаев это остаточные продукты некогда этнически общей эпической традиции. Здесь, в частности, можно сослаться на запись песни «Сврюк», генетически связанной и вместе с тем типологически отличающейся от русской исторической песни XVI в. «Кострюк».

² У украинцев отмечены очень скромным числом записей пересказы произведений об Илье Муромце и др. Локализация записей (преимущественно районы со смешанным русско-украинским населением), тесное длительное общение между русскими и украинцами вне этих районов (армия, город, промыслы), механический характер пересказов и, самое главное, отсутствие типологических песенных параллелей к русским богатырским былинам побуждают говорить о том, что эти пересказы являются результатом заимствования. То же самое можно сказать о некоторых белорусских записях.

³ Включая циклы песен о Разине, Пугачеве и Ермаке.

⁴ Нет заметных групп песен, кроме збойничьих песен у словаков, отчасти известных также у поляков и украинцев.

⁵ В том числе песни русского происхождения.

Опираясь на сведения таблицы¹⁴, можно объединить южных славян и русских в одну группу, располагающую шестью эквивалентными эпи-

¹³ См., например, В. Я. П р о п. Жанровый состав русского фольклора. — «Русская литература», 1964, № 4. Автор включает в систему эпоса только былины, расчленив их на ряд жанров.

¹⁴ Мы умышленно отказались от дифференциации внутри южнославянской и западнославянской эпика с тем, чтобы более выпукло показать их жанровый состав по сравнению с восточнославянскими эпическими традициями.

ческими жанрами. Вместе с тем обратим внимание на следующие факты: у русских — практически отсутствуют мифические песни, хотя, видимо, и сохранились незначительные следы их существования в былинах (см. «Волх Всеславьевич», «Добрыня и Змей» и др.); слабо развились «разбойничьи» песни по сравнению с южнославянскими песнями о хайдутах и ускоках; относительно невелик сюжетный запас духовных стихов, он беден своей тематикой (в частности, почти нет борческих, богатырских стихов) по сравнению с южнославянскими легендарными песнями. Эти факты поддаются объяснению, достаточно лишь учесть сходство и различия в исторических судьбах русских и южных славян. Наличие мифических песен у южных славян можно истолковать как результат их консервации в условиях многовекового турецкого ига. Развитость песен о хайдутах и ускоках стоит в тесной связи с формами национально-освободительной борьбы, а также борьбы с национальной верхушкой, сотрудничавшей с поработителями. Богатые тематикой и сюжетами легендарные песни вызваны к жизни идеологической борьбой южных славян, борьбой за христианскую религию, исповедание которой ими прямо отождествлялось — прежде всего в произведениях всех эпических жанров — с национальной самобытностью, с национальным самосознанием, с родиной. Подобная актуальная значимость русского эквивалентного жанра, весьма вероятно, также имела место в пору татаро-монгольского ига, но она уже давно утрачена и лишь чуть-чуть напоминает о себе в очень немногих духовных стихах (см., например, «Муки Егория»).

В другую группу, располагающую тремя эквивалентными жанрами, входят украинцы, белорусы и западные славяне. В этой группе только украинцы обладают очень специфическим песенным образованием — думами, по своей форме и в значительной мере по сюжетному составу не имеющими эквивалента ни в какой другой славянской эпической традиции. Ясно, что столь исключительная самобытность украинских дум не есть свидетельство их общеславянского происхождения или же их всецелой принадлежности к сфере славянской эпической общности. Тематика, скромный сюжетный запас и небольшое число вариантов дум (в первую очередь дум борческих), особое положение их исполнителей позволяют считать, что думы не были созданы украинским крестьянством и не приобрели среди него популярности. Бесследное, за редкими исключениями перехода в прозу, исчезновение дум также свидетельствует об их некрестьянской традиционности¹⁵. А между тем у других славянских народов именно крестьянство (земледельцы и скотоводы) отмечено как создатель и ведущий исполнитель эпоса.

Группировка славянских эпосов по числу эквивалентных жанров, как видим, не опровергает сделанный ранее вывод о стадияльных различиях между ними. Напротив, сведения таблицы можно вполне включить в характеристику стадияльных различий. Теперь можно утверждать, что и число эпических жанров наряду с их качеством, которое очевидно хотя бы абстрактно, по принципу «старше—моложе», «раньше—позже», также говорит о различных стадиях эволюции эпоса.

Другое дело, что сами эпические жанры вызывают недоумение и массу вопросов как у автора этой статьи, так и у многих фольклористов. Самыми частыми будут вопросы о том, на каком основании в состав эпической традиции включена та или иная группа произведений.

Надо думать, что эти вопросы не относятся к былинам и юнацким песням. Эпическая принадлежность этих песенных групп никем не оспари-

¹⁵ Выразительную характеристику дум см. в работах: Б. П. К и р д а н, Украинские народные думы. М., 1962; Б. П. К и р д а н, Украинский народный эпос. М., 1965.

вается, хотя до сих пор существуют разные определения их сюжетного состава и разные их жанровые характеристики. Польские фольклористы вполне правомерно включают в состав западославянской эпики любые повествовательные песни любой жанровой принадлежности¹⁶. Естественно, что для сопоставления с ними мы должны брать соответствующие русские и южнославянские группы произведений. Аналогичным образом можно обосновать включение всех песенных групп, которые по каким-либо причинам зачисляются фольклористами в состав национальной эпической традиции.

Странно, что фольклористы, отстаивающие ограниченное понимание песенного эпоса, не пытаются провести аналогию с прозаической повествовательной системой. Между тем славянские песенная и прозаическая повествовательные системы имеют между собой аналоги. Это особенно отчетливо прослеживается на южнославянском материале и отчасти — на материале других славян. Славянской песенной повествовательной системе бесспорно принадлежат и свойственные лишь ей повествовательные образования, но, если внимательно приглядеться, у русских и южных славян они не преобладают по числу сюжетов. Наряду с этими образованиями в славянской песенной повествовательной системе обнаруживаются группы произведений, соотносимые по содержанию с быличками, легендами (в том числе этиологическими), сказками о животных, волшебными, повеллестическими и бытовыми сказками, даже преданиями и устными рассказами, — короче, можно найти аналоги ко всем, кроме, пожалуй, анекдотов, прозаическим группам.

Единство славянской системы эпических жанров подтверждается некоторыми, впрочем, пока крайне слабо изученными фактами.

Всем фольклористам известны случаи различных жанровых обработок одного и того же сюжета. Это явление отчасти заметно в русском эпосе и особенно в южнославянских эпосах, где одни и те же сюжеты могут встречаться едва ли не во всех песенных повествовательных группах. И, конечно, методологически будет неправильно, если в ходе исследования учитывать лишь юнацкие или былинные обработки таких сюжетов.

Процесс циклизации произведений вокруг одного героя или одной темы заключается, между прочим, в притягивании к имени или теме повествовательных песен различной жанровой принадлежности¹⁷. В этом случае также нельзя ограничиться рассмотрением песен только одного порядка.

До сих пор не изучено общежанровое единство других структурных уровней эпоса, хотя такие явления, как размер стиха, некоторые зачины и другие композиционные приемы, некоторые мотивы, «общие места» при- сущи не только одному эпическому жанру.

Эпический жанр не адекватен всему эпосу, и любой из жанров нельзя канонизировать. Бытование жанра типа былин не обнаружено у западных славян, но это еще не означает, что сходный жанр вообще отсутствовал на западославянской почве и что именно этот жанр мог быть каноническим прототипом общеславянской песенной эпики, либо уникальным эпическим образованием эпохи раннего феодализма, причем в том самом виде, в котором оно стало известным науке.

Если под песенным эпосом подразумевать народную песенную повествовательную систему, то включение в нее всех групп повествовательных

¹⁶ См., например: «Polska epika ludowa». Opracował S. Czernik. Wrocław — Kraków, 1958.

¹⁷ Здесь можно отметить и включение в повествовательные циклы лирических песен. Правда, далеко не все из них при выяснении эволюции оказываются лирическими по происхождению.

песен, как это сделано в нашей таблице, нужно считать совершенно правомерным. Тогда стадиальные различия между славянскими эпосами можно рассматривать как три последовательных этапа эволюции единой славянской песенной повествовательной системы. В этом случае методологически особенно важно не допускать возведения в абсолют каждой национальной эпической системы или же не оценивать это своеобразие как образец единой логики славянского эпического творчества.

Однако теоретическая допустимость рассмотрения во временном отношении славянской эпической системы представляет собой всего лишь первую веху на долгом и трудном пути конкретных исследований. Мы в силах сугубо эмпирически выявить временные слои в некоторых эпических произведениях, в ряде случаев можем определить временные границы внутри и между другими уровнями эпоса. Но едва понадобятся всеобъемлющий охват уровней и предельная точность решений, едва потребуются решать вопросы последовательности создания произведений и иных уровней эпической системы, как мы сразу же окажемся перед методологическим распутием.

К настоящему времени фольклористика успела выработать в рамках нескольких научных школ весьма значительное число точек зрения относительно генезиса и эволюции тех или иных элементов эпоса. Число точек зрения, в особенности относительно возникновения сюжетов, уже с трудом поддается учету, да и вряд ли такой учет необходим в каждом конкретном случае, поскольку ныне любой ученый, освоившись с методологией научных школ, может сам искусственно образовывать все или почти все, за исключением разве что совсем абсурдных, существовавшие до него или подобные точки зрения.

Поясним это лишь на одном конкретном примере, хотя такие примеры можно приводить буквально десятками.

Допустим, из былины «Иван Гостиный сын» используется только упоминание имен князя Владимира и черниговского владыки — в этом случае перед нами открывается широкая возможность приписать происхождение былины эпохе Киевской Руси¹⁸. Но вот стало известно, что у южных славян имеется сопоставимая мифическая песня, в которой, однако, описано состязание юнака с солнцем, — поэтому интерпретация и русской былины может быть дана в духе солярной теории, этого ответвления мифологической школы. Между тем, в южнославянских эпических песнях юнаку также противостоят черный арап, желтый еврей, стамбульский царь, «сельский воевода» и др. Обилие южнославянских версий может способствовать разысканию наиболее точной аналогии русской былине, а это для компаративиста означало бы, что русские позаимствовали сюжет у южных славян. И тут уже в рамках одной научной школы могли бы развернуться серьезные баталии относительно времени заимствования, ибо ведь были и походы Святослава на Дунай и приход южнославянских священников и мастеров на Русь, начиная с эпохи ее крещения.

Здесь не исчерпан весь набор возможных точек зрения на происхождение былины «Иван Гостиный сын». В частности, здесь не учтены варианты решений в пределах мифологической и исторической школ. Не учтены также возможности комбинаций решений: скажем, возможность объявить сюжет заимствованным, но закрепленным за князем Владимиром, поскольку он очень часто именуется «красным солнышком». И в этом собственно нет необходимости, ведь односторонний и механический характер подобных точек зрения говорит сам за себя. Но множественность односторонних

¹⁸ Ср.: Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 130—134.

решений вместе с тем означает, что наука еще не выработала жесткие критерии определения генезиса и эволюции уровней эпоса¹⁹.

Обращаясь к многочисленным работам (а эпосу посвящено едва ли не больше работ, чем всем другим фольклорным системам), можно обнаружить еще одно общее методологическое свойство, объединяющее ученых различных школ. Свойство это особенно ярко проявляется в монографических, охватывающих значительный круг произведений исследованиях. Независимо от того, как конкретно это выражается, ученые постоянно стремились привязать эпос ко вполне определенному фольклорному «закону». Это почитается долгом чести, это обязательная, если не ведущая, изначальная или центральная часть многих и многих работ. Не важно, какой фольклорный «закон» наиболее приемлем для исследователя: в качестве «законов» могут выступать генетическое родство, национальная самобытность, заимствование или сотворчество. Методологически важнее другое: привязывание эпических произведений к определенной исторической эпохе обычно начинается (если начинается) лишь после того, как исследователь уяснил для себя, в русле какого «закона» надлежит их толковать.

Когда таким образом охвачен предельный, обычно не выходящий за рамки одного жанра круг произведений, перед зрителем предстает странная картина истории эпоса. Фигуры, т. е. произведения, этой картины не движутся, они застыли в оценении, потому что привязаны только к односторонним представлениям об истории фольклора и народа. Очень редко ученые рискуют помянуть предшественников произведения или группы произведений. Значительно чаще говорится о последующей судьбе произведений, но она изображается по преимуществу как деформация или искажение, как приземление или бытовизация былого, подлинно эпического замысла, что попросту считается малоинтересным и незначительным в эволюции произведений и тем более в эволюции всего эпоса. Взаимодействия однотипных и разнотипных произведений и других уровней эпической системы либо вообще игнорируются, либо также показываются в статике.

В советской фольклористике уже стал традиционным способ показа истории произведения, заключающийся в том, чтобы собрать доступные варианты, разложить их по версиям, игнорируя, как правило, временный порядок их образования, выделить основную версию или основной, наиболее полнокровный по субъективному мнению исследователя, вариант (так сказать, архетип) и выводить генезис произведения в соответствии с методологическими канонами той научной школы, что мила сердцу данного исследователя.

Здесь трудно, да и вряд ли имеет смысл перечислять работы, в которых история эпоса подменяется статикой их возникновения и существования. Гораздо легче назвать немногие исследования, заметно, но не всегда отчетливо выделяющиеся из общего потока однообразных, механических толкований истории эпоса²⁰. Сравнивая те и другие работы, можно понять методологическую разницу между ними.

¹⁹ Критику односторонних решений см. в нашей статье «Проблемы изучения межславянской фольклорной общности». — «Советское славяноведение», 1967, № 1, стр. 32—41.

²⁰ Работы по сказке: В. П р о п п. Морфология сказки. Л., 1928; В. Я. П р о п п. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946; Е. М. М е л е т и н с к и й. Герой волшебной сказки. М., 1959. Они названы в связи с их общеславянской методологической значимостью.

Работы по эпосу: В. Я. П р о п п. Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958; Е. М. М е л е т и н с к и й. Происхождение героического эпоса. М., 1963; Б. Н. П у т и л о в. Славянская историческая баллада. М. — Л., 1965; Б. Н. П у т и л о в. К вопросу об отношениях эпического творчества славян и народов юго-восточной Евро-

В большинстве работ за временной ряд эпоса практически принимается тот или иной фольклорный «закон» плюс далеко не обязательное, одно-стороннее и механическое привязывание эпоса к истории народа. В меньшинстве работ — правда, не всегда выразительно и четко — эволюция эпоса понята как изменчивость самой эпической системы и ее структурных подразделений. При этом изменения в эпической системе соотносятся с изменениями в истории народа и не подменяются ими. Принципиальная методологическая разница между этими двумя видами исследований огромна. В конце концов пора бы и признать, что фольклорные «законы» — это не априорная константа и не обязательная часть любой работы, это итог отнюдь не каждого исследования, потому что не в каждом исследовании рассматривается взаимодействие изменчивости (эволюции) и устойчивости (структуры) эпической системы, а именно результатом таких взаимодействий могут быть более общие закономерности, которые правомерно будет сопоставлять с закономерностями, свойственными другим фольклорным системам.

Этническую принадлежность эпических произведений нельзя подменять даже утверждениями о национальной самобытности. Этническая принадлежность произведений не требует никаких доказательств, ибо произведения всегда записывались в совершенно определенной этнической среде. Зато утверждения о национальной самобытности должны быть доказаны. Ведь самобытность бывает не только национальной. Мы вправе говорить и о самобытности, свойственной, скажем, лишь одной славянской языковой группе, вправе определять самобытность общеславянскую, балтославянскую и др. Иными словами, самобытность — это общая и исключительно данной этнической среде присущая совокупность каких-то фактов и явлений. Самобытность есть общность соответствующего этнического уровня (племя, народность, нация, языковая группа и т. д.). В этом смысле рассмотрение славянской эпической общности будет безусловно обнаружением славянской самобытности в области эпоса. Вот почему изучение логики славянского эпического творчества выдвигается нами на передний план, так как лишь ее познание обеспечивает выработку жестких критериев определения фольклорных «законов».

Пока гигантская работа по изучению логики эпического творчества не будет проделана хотя бы удовлетворительным образом, мы не вправе повторять уже известные методологические ошибки старых научных школ и принимать безоговорочные решения по части фольклорных «законов». По этой причине высказанное здесь мнение относительно записей былии и исторических песен, сделанных от украинцев и белорусов, нельзя считать окончательным. Также неточным нужно признать мнение о всецело русской самобытности исторической баллады «Авдотья Рязаночка», былии «Иван Гостиный сын», «Илья и Калин-царь» и очень многих других русских эпических произведений только потому, что их сюжеты встречаются на южнославянской почве. Обнаруживая подобные совпадения между славянскими эпосами, вполне допустимо, пока не накоплен материал, именовать их «типологическими соответствиями». Но рано или поздно материал будет накоплен, и тогда придется переходить к обобщениям, отказавшись от неопределенного, ставшего ныне весьма модным наименования, покрывающего собой слишком многие и разные закономерности эпического творчества.

Итак, подчеркивая, что изменчивость (историю) эпической системы нужно искать в ней самой, а не в потусторонних статичных представлениях

пы (доклад для Первого конгресса балканских исследований). М., 1966; Б. Н. П у т л о в. Из истории венгерско-славянских фольклорных отношений. — «Eugora et Hungaria. Congress ethnographicus in Hungaria». Budapest, 1965, s. 301—309.

ученых, мы обращаемся к структуре эпической системы, внешний план которой очень прост:

- 1) система жанров;
- 2) многожанровые циклы с центральным героем или одной общей темой;
- 3) жанры;
- 4) жанровые разновидности;
- 5) произведения.

Эта внешняя структура присуща всем славянским эпосам. Собственно только в этом виде эпосы получили самостоятельное бытование. Ниже уровня произведений ничто эпическое самостоятельно не существовало, кроме разве что каких-либо афористических выражений. Впрочем, теперь на Русском Севере, где эпос очень активно исчезает из фольклорного обращения, иногда можно встретить пассивно известные жителям отрывки эпических произведений: например, зачин «Во славном во городе во Киеве» с описанием пира у князя Владимира. В отличие от ряда исследователей (В. Я. Проши и др.) остаточные продукты отмирания эпоса мы также считаем произведениями, при этом, естественно, не пытаюсь отождествлять их с полнокровными, классическими текстами.

Внешняя структура славянских эпосов наиболее зрима, и она до сих пор привлекает внимание исследователей с той традиционно сложившейся разницей, что у болгарских и югославских ученых основной единицей изучения являются циклы, а у советских ученых — жанры. Вместе с тем внешняя структура наименее податлива для изучения, что вызывает множество разногласий среди ученых, скептицизм и даже нигилизм в отношении к жанрам и их разновидностям²¹.

Относительно внешней структуры славянских эпосов можно сделать лишь два бесспорных заключения. Первое, общее: каждый национальный эпос предстает в виде системы известных жанров только перед глазами современного исследователя; эта система есть видимый результат эволюции, а не собственно эволюция эпоса, скрытая за ее результатом. Второе, частное заключение: к числу многожанровых циклов, помимо известных циклов о богатырях, относятся и южнославянские песни о хайдутах и ускоках и другие эквивалентные славянские эпические песни. Что же касается других суждений о внешней структуре эпоса, то мы воздержимся их высказывать: ведь последовательное изменение всей эпической системы, эволюционные характеристики ее внешней структуры невозможно определять без знания внутренней структуры эпоса. Безусловно, у каждого из внешних уровней эпоса имеется своя внутренняя структура. Некоторые элементы ее известны. Это: размер и другие особенности стиха, «общие места», мотив, сюжет, фабула (если ее не отождествлять с сюжетом), композиционные приемы, тема (как правило, не одна даже на уровне произведения), отношения между героями, функции героев, наличие или отсутствие эпического центра, устойчивость или неустойчивость имен и, очевидно, многое другое. При первом же взгляде на перечень можно твердо сказать, что это разрозненные и не однопорядковые элементы.

Какова же внутренняя структура в целом как система взаимосвязанных признаков формы и содержания? Наука на этот вопрос не ответила и, по-видимому, ответит весьма не скоро. Отсюда понятно, почему многие фольклористы идут в изучении эпоса от его внешней структуры (в частности,

²¹ Так, в польской энциклопедии фольклора нам не удалось обнаружить заметок, в которых бы раскрывались такие понятия как «вид», «жанр», «категория», а в заметках, посвященных конкретным группам фольклорных произведений, пожалуй, невозможно найти подобные термины. См.: «Słownik folkloru polskiego». Pod. red. J. Krzyżanowskiego. Warszawa, 1965.

от жанра) к внутренней структуре и неизменно терпят поражения. Между тем, методологически правильным может быть только один путь, противоположный истоптанному: не под категорию жанра должна подводиться некоторая, пока что обязательно выборочная совокупность признаков, а из предельной, только им присущей совокупности признаков должны выводиться уровни внешней структуры эпоса. Конечно, этот путь куда более труден и внешне не заманчив по сравнению с блестящим каскадом односторонних решений, и все же именно он ведет к раскрытию объективных качеств эпоса.

На наш взгляд, внутренняя структура эпоса должна быть основной единицей его изучения на современном этапе фольклористики. Большого и лучшего, чем это имеется в распоряжении науки, о внешних уровнях эпоса мы не сможем сказать до тех пор, пока реально не будет изучена его внутренняя структура.

Сегодня мы можем изучать внутреннюю структуру только в виде разрозненных и не однопорядковых элементов. Необходимо однозначно определить содержание этих элементов, а наука в этом плане весьма далека от единодушия и точности. Создание типологии элементов еще не начато.

Необходимо установить предельный перечень элементов внутренней структуры и выяснить, как и в какой степени отзывается на каждый из них тот или иной внешний уровень. Тем самым можно будет оценить и предельную совокупность элементов, присущую только одному какому-то внешнему уровню эпоса (в частности, жанру).

Необходимо понять и то, как соотносятся между собой элементы внутренней структуры. В предельном комплексе их взаимосвязанных отношений и видится объективное единство формы и содержания эпоса.

В одной из ранних работ В. Я. Пропп призывал учиться «разлагать» фольклорные произведения²². Это опять-таки односторонность. Нужно научиться и «разлагать», и «собирать» как произведения, так и другие внешние уровни фольклора. Оба эти операциональных приема обеспечивают реальное продвижение науки на пути к истине отнюдь не мнемонического толка.

²² В. П р о п п. Морфология сказки. с тр. 26.

Л. Н. ВИНОГРАДОВА

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ КОЛЬБЕРГА В ПОЛЬСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ

Фигура О. Кольберга — выдающегося польского ученого, неутомимого собирателя фольклора, составителя 37-томного труда «Lud» — занимает одно из центральных мест в истории польской фольклористики. Сейчас, когда одной из важнейших своих задач польская фольклористика считает упорядочение, переоценку и изучение всего материала, накопленного в XIX в., вопрос переосмысления собирательской и научной деятельности Кольберга, его методов и заслуг становится весьма актуальным. Именно поэтому переиздание кольберговского «Ludu» вместе со всеми неопубликованными материалами является крупнейшим событием в славянской фольклористике. Однако до сих пор не существует еще ни одного монографического исследования, посвященного Кольбергу, ни в Польше, ни за ее пределами¹.

Чтобы объективно оценить вклад Кольберга в развитие польской фольклористики, необходимо знать, на каком уровне находилась эта наука до него. Важно отметить, что толчком к развитию этнографии и фольклористики в Польше в начале XIX в. послужили два обстоятельства: славянофильское движение и бурное развитие этнографии. Не случайно первыми собирателями народных песен оказались историки и археологи. Пятнадцатилетним юношей начал записи народных песен Иоахим Лелевель (1800—1801 гг.). Он успел записать 123 текста, которые были опубликованы лишь в 1898 г. Людвиком Коротыньским. Увлеченный изучением славянских древностей, начал собирать народные песни известный историк и археолог Зориан Доленга-Ходаковский. За долгие годы своих странствий по селам Польши, Украины и России он накопил около двух тысяч народных песен. К сожалению, собрание это ему не удалось опубликовать, а после его смерти оно оказалось утерянным... В 1802 г. Гуго Коллонтай разработал план изучения быта и культуры народа. План этот, не потерявший своего значения до последнего времени, предусматривал всестороннее описание быта польской деревни, всех видов духовного творче-

¹ О Кольберге написан ряд статей и очерков в конце XIX — начале XX в.: J. K a r g i o w i c z. Oskar Kolberg. — «Wisła», t. III, 1889; K. K o r e n n i c k i. Oskar Kolberg. Kraków, 1889; e g o ж е. Śmierć O. Kolberga. — «Wisła», t. IV, 1890; R. L u b i c z. Oskar Kolberg. — «Ateneum», t. III, 1890; S. L a m. Oskar Kolberg. — «Żywot i praca». Lwów, 1914. Некоторые сведения можно получить в работе П. Пыпина «История русской этнографии», т. 3, Спб., 1891, стр. 289—294. Что же касается современных исследований, то здесь приходится ограничиться еще более скромным списком: J. R e i s s. Henryk Oskar Kolberg. — «Wiedza i życie», 1950; J. B y s t r o Ń. Oskar Kolberg. — «Orli lot». R. V. Несколько спасает положение 42-й том журнала «Lud» (1956 г.), который полностью посвящен Кольбергу (с обстоятельными статьями Ю. Кшижановского, Ю. Гаека и др.). В Чехословакии статью о нем написал В. Ванек. («O. Kolberg a polský národopis». — «Český lid», t. XI—XII, 1949). У нас посвятила ему несколько статей В. А. Юзвенко («Народна творчість та етнографія», 1961, № 2).

ства народа, записи разных легенд, присказок, суеверий, обрядов, песен, музыки, языка и т. д. Эту грандиозную программу удалось впоследствии выполнить лишь Кольбергу. Значение такого рода описаний Коллонтай видит в «объяснении нашей начальной истории». Это отношение к фольклору как к прикладной науке, служащей историографии источником некоторых сведений, является наиболее характерным для первого этапа развития польской фольклористики. Когда в 1800 г. на заседании Варшавского общества друзей науки выступил его председатель Ян Альбертранди с сообщением о казацких думках, на которые он ссылался как на исторические документы, это показалось очень смелым новшеством в смысле отношения к народному творчеству; к нему начинают, наконец, относиться серьезно, начинают его записывать и сохранять. Характерной работой в этом направлении явилась статья В. Суровецкого «О способах дополнения истории и сведений о давних славянах» (1811 г.), где автор еще раз горячо доказывает ценность народного творчества как исторического источника.

Первые собиратели искали в народном творчестве лишь древние отголоски языческих времен или подтверждения давних исторических событий, а это приводило к пониманию фольклора как замкнутой, мертвой и законченной в своем развитии области народной культуры. Но постепенно начинает обращать на себя внимание художественная ценность песен; их «милую простоту» отмечал еще Ходаковский. В 1817 г. в журнале «Pamiętnik Warszawski» можно было прочесть уже весьма восторженное мнение относительно народных песен: «Достойным внимания и удивления является то, что песенки простого народа оказываются намного музыкальнее, чем песни ученых поэтов...»²

И, наконец, интересные работы Казимежа Бродзиньского о народных песнях³ знаменовали собой новый этап в развитии польской фольклористики — этап романтического увлечения народностью. Целая плеяда молодых энтузиастов откликнулась теперь на призыв Ходаковского войти в курные избы крестьян, где «в дыме, носящемся над головами, еще держатся старые обряды и звучат старые песни»⁴.

Под влиянием романтизма изменяется отношение к фольклору, который оказывается интересен не только как предмет строгого научного исторического анализа, но и привлекает своей художественной ценностью, может способствовать расцвету национальной культуры, — поэтому теперь он становится источником вдохновения для профессиональных поэтов, писателей и музыкантов.

Среди почитателей и защитников фольклора выступил Адам Мицкевич, которого справедливо считают тонким знатоком народной песни. Ему были хорошо известны работы К. Бродзиньского в этой области, а сам Мицкевич уже в ранних своих произведениях ссылался на народно-песенные источники. Большинство сюжетов «Баллад и романсов» он взял из украинского, литовского и польского фольклора⁵.

² «Pamiętnik Warszawski», 1817, t. IX, s. 33.

³ «O klasyczności i romantyczności tudzież o duchu poezji polskiej» (1818); «O pieśniach ludu niemieckiego i angielskiego» (1819); «List do redaktora „Dziennika Warszawskiego“ o pieśniach ludu» (1826), переведенный на русский язык и опубликованный в «Вестнике Европы», 1826, № 13.

⁴ Z. D. C h o d a k o w s k i. O słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem. Kraków, 1835, s. 14.

⁵ См.: F. G e r m a n. Pieśni ludowe w życiu Adama Mickiewicza. — «Polska sztuka ludowa», 1955, № 5; R. W o j c i e c h o w s k i. Elementy ludowe w Panu Tadeuszu. — «Polska sztuka ludowa», 1955, № 6; И. Б э л з а. История польской музыкальной культуры, т. 2. М., 1957, стр. 151—162; Д. Б. К а ц е л ь с о н. К вопросу об отношении А. Мицкевича к народному творчеству. Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. VIII, 1954.

В Галиции с конца 20-х годов начинает собирать народные песни польский писатель и драматург Вацлав Михал Залеский (псевдоним — Вацлав з Олеска). Ему принадлежит первенство в изданиях народных песен с нотами: «Pieśni Polskie i Ruskie Ludu galicyjskiego. Z muzyką instrumentowaną przez Karola Lipińskiego. Zebrał i wydał Waclaw z Oleska», Lwów, 1833.

Сборник этот, несомненно, — одно из наиболее значительных явлений в польской фольклористике. Он содержит 1496 украинских и польских песен и 160 мелодий, обработанных для фортепиано Каролем Липинским. Составителю знакомы и близки идеи, высказанные на разных исторических этапах становления польской фольклористики: и то, что история найдется в народных песнях следы древности, которых нигде больше не найти; и восторженные отзывы об этих песнях, характерные для эпохи романтизма; и высокая оценка роли фольклора в создании национальной литературы. Залеский один из первых ставил вопрос о необходимости точной записи фольклорного текста, впервые отметил важность фонетической транскрипции при записи диалектных или иноязычных говоров и значение таких записей для лингвистики, затронул вопрос о соотношении народных песен и песен литературного происхождения, бытующих в народе («uludowionych»). Своеобразна классификация народных песен, предложенная Залеским: он делит их на женские и мужские; к первым относит обрядовые, любовные, песни сельских развлечений и т. д., ко вторым — исторические (правда, эта концепция, высказанная в предисловии к сборнику, не нашла своего отражения в его структуре).

Казимеж Владислав Вуйчицкий записывал народные обряды, песни, легенды в Силезии, Словакии, Моравии, Галиции, Покутье. В 1829 г. он прислал на конкурс по описанию быта польского народа, организованный Варшавским обществом друзей науки, свою работу, в которой был отражен весьма богатый и интересный материал, вошедший впоследствии в монографию Лукаша Голембовского «Lud polski, jego zwyczaj, zabobony» (1830).

Сборникового песен с мелодиями, вышедший в 1836 г., — «Pieśni ludu Białochrobátów, Mazurów i Rusi znad Bugu» — типичный сборник той эпохи, когда свободная литературная обработка фольклорных текстов не считалась предосудительной и допускалось переписывание отдельных песен из печатных источников, когда народные песни и песни известных поэтов никак не различались, а мелодии давались с неизменным фортепианным сопровождением. Ценным можно считать то, что Вуйчицкий впервые включает в сборник варианты к отдельным песням, некоторые комментарии и пояснения непонятных слов, а также присоединяет для сравнения украинские, словацкие, сербские песни (из сборников: М. Максимовича — 1827 г., Ф. Челаковского — 1822 г., П. Шафарика — 1827 г., В. Караджича — 1827 г.).

Наконец, Жерота Паули составил два сборника: «Pieśni ludu polskiego w Galicyi» 1838 г. и «Pieśni ludu ruskiego w Galicyi» (2 тома) 1840. Их научная ценность весьма значительна: обрядовые песни снабжены подробным описанием обрядов, обстоятельно комментируются исторические песни, материал упорядочен, приведены образцы иных славянских песен для сравнения, в конце 2-го сборника 1840 г. дан словарь малоизвестных украинских слов. Интересно, что Паули предъявляет претензии К. Вуйчицкому, который использовал в своем сборнике материал самого Паули и В. Залеского без ссылки на его источники. Так, постепенно вырабатывается в фольклористике того времени требование точных ссылок и указаний, что еще совсем недавно считалось необязательным. Сам Паули включил во 2-й свой сборник более 30 украинских песен, в точности переписанных из сборника М. Максимовича (1827 г.), и столько же — с некоторыми

изменениями. Однако в предисловии к 1-му тому он открыто об этом заявляет.

Таким образом, фольклористика до Кольберга, развивавшаяся под сильным воздействием Ходаковского, характеризовалась следующими чертами: собирателями фольклора выступают сначала историки и археологи, позже — писатели и поэты; устанавливается отношение к народному творчеству как к художественно полноценному продукту духовной народной культуры; однако в фольклоре все еще видят лишь сырой материал, который подлежит свободной литературной обработке и всевозможным правкам; народные мелодии преподносятся не иначе, как с гармоническим сопровождением, затемняющим ясность и простоту одноголосного народного пения; смешиваются народные и ненародные песни; складывается тенденция к распределению песен по группам; народную песню рассматривают оторванно от социальной среды, в которой она бытует.

* * *

Оскар Кольберг начал записывать народные песни в конце 30-х годов. Он был захвачен волной романтического увлечения народным творчеством, когда передовая варшавская молодежь — литераторы, артисты, поэты, музыканты, объединившись в так называемой «цыганерии», «ходили в народ» записывать песни, обряды, легенды. Вместе с Кольбергом в этих «хождениях» принимали участие Т. Ленартович, К. Норвид, В. Вольский — будущий либреттист монюшковской «Гальки» и И. Коморовский — композитор, написавший ряд песен на слова Т. Ленартовича и А. Ходзько.

О. Кольберг в юношеские годы жил в Варшаве, на Краковском Предместье, в одном доме с молодым Шопеном, с которым поддерживал дружеские отношения. Естественно, что он испытал сильное влияние Шопена и тоже готовился к карьере композитора, занимаясь у Феттера и Ю. Эльснера, а позднее совершенствуя свои музыкально-теоретические познания в Берлине ⁶.

Позже польские музыкологи признали Шопена и Кольберга пионерами в популяризации народной песни, хотя каждый из них шел своим путем. Шопен черпал из народной музыки ее национальное своеобразие, характерные славянские интонации и ритмы, он сумел передать в своем творчестве дух живой народной песни. Кольбергу после нескольких попыток фантазировать на темы народных песен пришлось, «засучив рукава, взяться за прозаическую и кропотливую работу систематического собирания их, записывания, сопоставления вариантов и т. п.» ⁷.

Первый сборник народных песен Кольберг издал в 1842 г. Он назывался «Pieśni ludu polskiego», oddział I. Сборник этот не только не выходил за рамки фольклористических достижений того времени, но во многом даже уступал предыдущим изданиям. Основное внимание в нем уделялось музыке, и в полном соответствии с традициями первых сборников мелодии были представлены с гармоническим сопровождением. В этом сборнике Кольберг выступает еще не в качестве фольклориста, а лишь как композитор, пристраивавший к народным мелодиям фортепианный аккомпанемент, который — как отмечали его рецензенты — звучал иногда

⁶ О. Кольберг сочинил одноактную оперу «Пастуший король» на слова Т. Ленартовича, которая была поставлена в Варшаве в 1857 г.; написал музыку к водевилю И. Григоровича «Янек из-под Ойцова», а также 6 тетрадей краковяков, несколько этюдов, посвященных Шопену, мазурки и песни.

⁷ J. K r z y ż a n o w s k i. Oskar Kolberg i jego dorobek w dziedzinie literatury ludowej. — «Lud», 1956, t. 42, s. 12.

весьма искусственно. Известно критическое отношение к сборнику 1842 г. Шопена⁸.

Однако, продолжая после выхода первого сборника систематически собирать народные песни, Кольберг постепенно сознает, что снабжение народных мелодий аккомпанементом ведет лишь к искажению их естественного звучания. Он считает, что подбор многочисленных мелодических вариантов представляет большую научную ценность, отмечает в своих записях географические пункты бытования песен. Наконец, через 15 лет после выхода в свет первого сборника им подготовлен 2-й, намного отличающийся от предыдущего — «Pieśni ludu polskiego, seria I W., 1857. Здесь песенный материал расположен в двух разделах: «Думы и песни» и «Танцы». В предисловии к сборнику он пишет: «Я подаю мелодию во всей ее неподдельной простоте точно так, как выливается она из уст народа, безо всякого гармонического сопровождения, поскольку я убежден, то наилучшей является мелодия в самородной, ничем не затемненной чистоте...»⁹.

На сорок одну песню в сборнике приходится около 500 различных мелодий, что позволяет представить себе в известной мере музыкальный образ целого края.

Рецензенты отнеслись к этому сборнику более сочувственно. Ю. И. Крашевский в «Gazecie Warszawskiej» выразил искреннее восхищение собранными песнями: «Не знаю, может ли какой-нибудь другой народ похвалиться такими, как мы, сокровищами. Сколько тут жизни, красок, чувства! Тут вся наша история!»¹⁰.

Успех сборника способствовал дальнейшей собирательской деятельности Кольберга. Его частые поездки по селам страны постепенно приняли характер систематических обследований каждого из польских районов. Постоянный контакт с народом позволил Кольбергу сделать новые выводы относительно методики собирания и изучения народных песен. В отличие от предшественников, Кольберга начинает интересоваться в народном творчестве не овеянное романтикой прошлое, а современное состояние песни; он начинает искать социальные корни ее зарождения и жизни. Песню, по его глубокому убеждению, надо записывать вместе с сопутствующими обрядами, с параллельным описанием исполнителей, их образа жизни, обычаев, языка, одежды и проч. Наконец, для полноты характеристики народного творчества он наравне с песнями собирает все фольклорные жанры: сказки, легенды, предания, пословицы, заклинания, поверья, былички и проч. В связи с этим в 1856 г. ему пришлось переименовать свое издание таким образом: «Народ, его обычаи, образ жизни, язык, предания, пословицы, обряды, суеверия, игры, песни, музыка и танцы».

За период с 1857 до 1890 г. — года смерти О. Кольберга — им было издано 34 тома («Материалы по этнографии славян» и «Этнографические картины»), в которых весь фольклорно-этнографический материал распределен по региональному принципу: пять томов посвящено Мазовецкому району, семь томов — Познанскому, четыре — Краковскому, два — Люблинскому, два — Келецкому, два — Радомскому, один — Хелмскому, один — Калишскому, один — Сандомирскому, еще в двух томах — материал из района Куяв и в четырех — из Покутья. После смерти Кольберга его друзья издали еще три тома, уже подготовленных им к печати: один посвящен Волини, другой — Хелмщине и третий — Пшемислю.

⁸ «Новаковский передал мне песни Кольберга — добрые намерения, да не по силам. Часто видя подобные вещи, я думаю, что лучше вообще ничего, ибо труды эти только портят и затрудняют работу гению, который когда-нибудь откроет нам всю правду». F. Chopin. Korespondencja, t. II, № 560. W., 1955, s. 193.

⁹ O. K o l b e r g. Dzieła wszystkie, cz. I. Wrocław — Poznań, 1962, s. V—VI.

¹⁰ «Gazeta Warszawska», 9 VIII 1857.

Обладая таким обилием материала, современные фольклористы естественно ставят вопрос о его аутентичности и точности записи. В свое время Ян Карлович, редактировавший фольклорно-этнографический журнал «Wisła», писал о трудах Кольберга, что «это бесценный для польской этнографии материал, бесценный потому, что все, что Кольберг записывал, является чистым этнографическим золотом: он не позволял себе ни малейших добавлений, ретуши, никаких приукрашиваний и поправок»¹¹.

Кольберг использовал и чужие материалы — скажем, записи Густава Германа Гизевуша¹², сделанные им на территории мазуров и Восточной Пруссии. Кольбергу удалось привлечь к собирательскому делу большое число помощников-корреспондентов, которые присылали ему свои записи. Метод этот сам по себе весьма ценен, так как позволил представить материалы самых отдаленных и глухих местностей и благодаря этому нарисовать достаточно широкую картину этнографических особенностей народа всех уголков Польши. Однако он таит в себе и ряд опасностей, поскольку при некритическом подходе к полученному материалу в печать просачиваются произведения либо ненародные, либо народные, но не вполне точно записанные, с любительскими правками, а кроме того, Кольберг получал из огромного народного материала только то, что представляло интерес с точки зрения определенного собирателя-любителя.

Что же касается личных записей Кольберга, а удельный вес их довольно велик, то следует признать, что они в целом заслуживают доверия, хотя приходится учитывать заявление самого Кольберга, которое в какой-то степени раскрывает для нас методику его записей. В предисловии к 8-му тому своего «Ludu» он пишет: «В своих записях мы старались сохранить язык и способ выражения народный, не поправляя ничего, несмотря на очевидное нарушение последовательности у рассказчика, и только там, где рассказчик вынес из школы известную напыщенность и растянутость в речи и загрозил свой язык чуждыми ему добавлениями, подхваченными в помещичьих усадьбах или на государственной службе, позволили мы себе очистить его от этих наростов, не нарушая подлинности самих мыслей и выражений, и представить услышанное в стиле, свойственном народной сказке»¹³.

Тем не менее, если правки и были, то степень точности кольберговских записей весьма значительна. Располагая большим количеством песенных вариантов, он выбирал для печати лучшие из них; прибегать даже к незначительной шлифовке текста ему приходилось редко. А чтобы по достоинству оценить его записи, надо вспомнить историю. Ведь в середине XIX в. большинство фольклорных сборников по-прежнему преследовало не чисто научные, а скорее литературные (а нередко и политические) цели.

Поэтому вряд ли справедливо мнение, что Кольберг не дает точных песенных текстов и даже лишает их диалектного звучания с фонетической точки зрения¹⁴. «Lud» его представляет большой интерес именно в смысле отражения в песнях диалектного звучания речи. Конечно, оставаться до конца последовательным в этом деле ему было нелегко. Сами научные принципы фонетической транскрипции еще не были окончательно выработаны в лингвистике, и ему приходилось устанавливать для себя свои особые знаки.

Наряду с польским фольклором Кольберг записывал и белорусский и украинский; и это не было просто данью традициям, в силу которых все

¹¹ J. K a r ł o w i c z. Oskar Kolberg. — «Wisła», t. III, 1889, s. 472.

¹² См. по этому поводу указания в «Словаре польского фольклора» («Słownik folkloru polskiego», W., 1965, s. 121—122).

¹³ O. K o ł b e r g. Ibid., t. VIII, cz. IV, s. XII—XIII.

¹⁴ K. H ł a w i c z k a. Nie wydane zbiory O. Kolberga. — «Pion», Tygodnik społeczno-literacki, W., 1936, № 47, s. 3.

польские фольклористы докольберговского периода собирали материал и на украинских землях, некогда входивших в состав Речи Посполитой. Естественно, что при территориальном описании фольклора трудно избежать записей из районов этнографических стыков, где тесно переплетаются обе народные культуры. Однако дело тут еще и в личных симпатиях Кольберга, который очень высоко ценил украинские народные песни, всегда с удовольствием их слушал и тщательно записывал. Специально украинскому фольклору он посвятил 4 тома «Покутья», а позже еще подготовил материал для тома «Волянь» и оставил много записей украинских песен в папке с надписью «Червонная Русь».

Хотя Кольберг владел украинским языком не в совершенстве, однако, записывая песни на украинской территории, он очень чутко улавливал особенности говоров, и многие из этих особенностей отразились в его записях. Так, во 2-й части «Покутья» (О. Kolberg. *Dziela wszystkie*, t. 30) бросается в глаза следующее обстоятельство: мягкие *-t'*, *-d'* передаются то обычным образом *diwki, tiło*, то через *-g'*, *-k'*: *giwki, kiło*.

Объясняется это тем, что явление перехода мягких *-m'* и *-d'* в *-k'* и *-r'*, в результате передвижения артикуляции к мягкому нёбу — одна из ярких черт буковино-покутских, гуцульских, хелмских и тернопольских говоров¹⁵. Однако распространена она не повсеместно; есть районы, которые не характеризуются этой особенностью, что и нашло свое отражение в записях Кольберга.

Довольно последовательно отмечал Кольберг и другие языковые явления украинских говоров в Покутье — например, переход ударного *-u* после губных, сонорных и заднеязычных в *-e// -u^{e16}*; *zahénu (zagynu), déténu (ditynu) posadéla (nosadila)*; украинское неслоговое *-j-* он передавал разными способами: *ÿ pana — w Nasti (№ 57); za mnow — za mnoj (№ 58)*.

Случаев искажения слова или его окончания вследствие недопонимания текста у Кольберга почти не встречается, чего нельзя сказать о его предшественниках.

Много других трудностей вставало перед Кольбергом в процессе собирания, записывания, составления сборников. И хотя это был скорее практик-фольклорист, собиратель, накопивший большое количество материалов, — ему невольно приходилось браться за решение сложнейших теоретических проблем, которые стояли перед фольклористикой XIX века. Например, вопрос о систематизации собранного материала и его упорядоченном распределении в сборниках. По первоначальному замыслу Кольберг предполагал издавать народные песни с музыкой сериями по тематическому принципу: каждая серия должна была содержать лишь определенный род песен — балладные, любовные, свадебные, шуточные и т. п. (примером этого и явился сборник балладных песен 1857 г., серия 1). Осуществление такого плана было бы чрезвычайно интересным и ценным, однако оно выходило за пределы возможностей одного собирателя, да и сама постановка проблемы такой систематизации оказалась преждевременной при том уровне фольклористики. Поэтому Кольберг изменил свой первоначальный план и выдвинул новый метод описания — региональный¹⁷.

Он постоянно предпринимает поездки по отдельным районам Польши и на украинские земли и группирует фольклорный и этнографический материал по территориальному признаку. В 1844—1846 гг. записывает тексты в районе Курпи; в 1846—1847 гг. — ведет работу в Радомщине; сандомир-

¹⁵ Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР. Львів, 1957, стр. 64.

¹⁶ Й. О. Дзендзелівський. Конспект лекцій з курсу української діалектології. Ужгород, 1965, стр. 35.

¹⁷ См.: О. Кольберг. *Ibid.*, т. II, с. 6.

ские песни записывает в 1854 г., келецкие — в 1855 г.; затем собирает материал в районе Кракова (1857 г.); с 1858 до 1861 г. находился на территории Куяв, Ленчицкой и Калишской; Волынь посетил в 1862 г.; затем в 1863—1865 гг. — опять Краков, Куявы и Санок; два года посвятил Великому Княжеству Познанскому (1866—1867 гг.); на Подолии и в Покутье побывал в 1876, 1877 и 1880 гг. Вообще регулярные поездки по провинциям продолжались вплоть до 1885 г., когда Кольбергу было уже 70 лет.

Региональный метод и до настоящего времени является ведущим в польской фольклористике. Однако, избрав его как основу для распределения накопленного материала по томам, Кольберг не избежал все же трудностей с упорядочением и систематизацией его внутри каждого тома. Для песен избрано такое деление: 1. Любовь. 2. Верность, добросердечность. 3. Желание и нежелание брака. 4. Жалоба, сетование. 5. Неверность, измена. 6. Своеволие, утрата венка. 7. Думы. 8. Война. 9. Корчма, пьянство. 10. Ремесло. 11. Пастушество. 12. Охота. 13. Усадьба и город. Нетрудно видеть, что в этой классификации смешиваются самые разные принципы. Обрядовые песни (свадебные, колядные, обжинковые, похоронные причитания) помещены в разделе этнографических описаний обычаев, нравов и обрядов, что само по себе, может быть, и оправдано; однако это рассыплет по разным разделам, а иногда и по разным томам песни, часто очень близкие по содержанию и стилю.

Пожалуй, несколько лучше обстоит дело с классификацией сказок, но беда в том, что они не собраны все вместе: отдельные сказки встречаются то в описании суеверий и примет, то среди легенд и местных исторических преданий, и отыскать иногда очень ценные сказочные тексты, которые буквально тонут в массе топографической информации, весьма сложно.

Вообще самой существенной погрешностью трудов Кольберга с точки зрения современной фольклористики можно считать полное отсутствие единообразия в расположении материала. Нет никаких указателей, облегчающих поиски нужного текста. Все это значительно затрудняет для специалистов использование его богатейшего собрания. Впрочем, можно считать естественным, что огромный труд, создаваемый на протяжении пятидесяти лет и располагающий таким обилием материала, не мог отличаться безукоризненной композицией, строгой упорядоченностью и системой в расположении этого материала. Что касается сказок, количество их в «Ludi» не так уж велико — немногим больше полутора тысяч, и отбор их наводит на мысль, что собиратель не тратил больших усилий для накопления многочисленных вариантов и выбора для печати лучших образцов (как это наблюдается, например, с песнями). Поэтому сказочные сюжеты иногда создают впечатление случайных примеров.

Что же касается песен, то в томах Кольберга зафиксировано более 12 тысяч текстов и около 10 тысяч мелодий. Собрать такое значительное количество песен было бы под силу разве что целому научному коллективу.

Кольберг постепенно осознавал фольклор как составную часть этнографии, и сами произведения народного творчества для него стали прежде всего «этнографическим материалом». Это касается и музыкального фольклора, который, по мнению Кольберга, наравне со словесным, охватывается этнографией как наиболее общей наукой, изучающей все стороны духовной и материальной жизни и культуры народа.

Свои наблюдения над народной музыкой Кольберг сумел поставить на научную основу, фиксируя абсолютно все: как художественно полноценные, развитые, так и коротенькие незначительные мелодии, сопоставляя мелодические варианты, сознавая, что все это представит огромный интерес для будущих исследователей. Одним из первых он записал ме-

лодии народных причитаний, описал народные танцы и собрал значительное количество разных танцевальных мелодий. Именно кольберговское собрание песен позволило подойти вплотную к серьезным исследованиям в области музыкального фольклора. Интересно, что первое синтетическое исследование польской народной песни, где рассматриваются особо народные тексты и особо! народные мелодии, вышло из-под пера этнографа, а не музыколога — К. Мошиньского, создавшего замечательный труд «Народная культура славян». В этих пионерских начинаниях в изучении и описании народной музыки славян Мошиньский опирался в основном именно на материалы, собранные Кольбергом.

Собиратель не ограничивался записью одной мелодической версии: если певец при повторном исполнении пел отдельные фразы иначе, Кольберг тут же отмечал возможный вариант, выделяя его особым знаком и словом «или» («albo»); незначительные отклонения внутри такта он выписывал мелкими нотами тут же. С удивительной точностью фиксировал Кольберг и всевозможные мелизматические украшения как вокальной, так и инструментальной музыки. Он впервые отметил значение акцентов, падающих на слабую долю такта, признав эту черту характерной особенностью польской народной музыки. Много внимания уделяет Кольберг описанию народных танцев, особенно с хореографической стороны; он приводит более двухсот различных названий для польских танцев.

Однако, несмотря на всю музыкально-теоретическую подготовленность и огромный опыт в фиксировании народных мелодий, Кольберг не смог справиться с записыванием многоголосного хорового исполнения. Лишь в начале XX в. с этим удалось справиться известному чешскому фольклористу Людвигу Кубе.

Разумеется, оценивать качество нотных записей Кольберга можно, только учитывая фольклористические достижения его эпохи. В настоящее время, когда собиратели располагают звукозаписывающей техникой, уже нетрудно обнаружить некоторые ошибки, встречающиеся, например, у Кольберга в записях инструментальной народной музыки, которая отличается особенной трудностью нотографирования. Лишь сравнительно недавно, благодаря фонографической аппаратуре, удалось установить характерное для некоторых народных песен *tempo rubato* и отметить песни со своеобразным метрическим строением на $\frac{5}{8}$ и $\frac{7}{8}$, ранее незамеченные, поскольку собиратели включали их в рамки регулярных размеров.

Итак, по сравнению с предшественниками и современниками-фольклористами Кольбергу удалось: освободиться от взгляда на народное творчество, свойственного романтикам; выработать отношение к народным произведениям как к документам, отражающим богатую духовную культуру народа; достичь в связи с этим большей точности фольклорных записей; весьма последовательно провести принцип паспортизации записанных текстов; установить новый метод описания фольклорного и этнографического материала — региональный; поставить вопрос о социальных корнях народной песни, о ее тесной связи со всей народной жизнью, бытом, условиями труда; провести широкие наблюдения над характером и развитием народной мелодии, представить большое количество мелодических вариантов, высказать интересные мысли относительно ритмического своеобразия народных танцев, — и тем самым впервые поставить на научную почву изучение народной музыки; наконец, и это едва ли не главное, — накопить огромное количество фольклорного материала (особенно песен), который представляет собой ценнейший источник для изучения польской народной культуры.

Е. М. ВЕРЕЩАГИН

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ГРЕЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПЕРВЫХ СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ

При описании системы фонем старославянского языка из алфавитов, подлежащих изучению, большинством авторов — с оговоркой или без нее — исключаются буквы *ѳ* и *ѱ*. Обычно отмечается, что эти буквы восходят к греческой орфографической традиции, доказательством чему служит употребление их преимущественно в заимствованных словах, что они вводятся только под влиянием греческого правописания и что, если исключить это влияние, то в согласии с действительным произношением писались бы более частотные буквы *т* (или *ф*) и *и* (или *оу*). Таким образом, предполагается, что указанные буквы не обозначали ни особых фонем, ни особой дистрибуции фонем. В данной статье излагается иной взгляд на *ѳ* и *ѱ*, позволяющий отказаться от традиционного рассмотрения греческой лексики с этими буквами как заимствованной. В связи с этим мы вводим понятие об *используемой лексике*.

В опубликованной ранее статье¹ было показано, что билингвизм Кирилла и Мефодия может быть охарактеризован как продуктивный и координативный, а билингвизм солунских славян и болгарской знати (сюда же относятся и последователи первоучителей и переписчики книг) — как продуктивный и субординативный. Примем высказанное предположение в качестве первого допущения. Так как старославянские переводы церковных книг даны только в графической форме, то для того, чтобы иметь суждение о произношении греческих лексем первоучителями и представителями болгарского духовенства, знатью и писцами, следует обратиться к лингвистическому эксперименту², при проведении которого должны быть воссозданы приблизительно те условия, в которых имел место греческо-славянский контакт. Если эксперимент поставлен корректно, то его результаты могут быть использованы при обсуждении старославянских переводов. Таким образом, в качестве второго допущения принимается признание действительности аналогии в лингвистическом познании. Для поставленной цели, по нашему мнению, достаточно соблюдения следующих условий: 1) языки должны быть абсолютно разносистемными (назовем языки разносистемными абсолютно, если их носители, говоря каждый на своем языке, не достигают взаимопонимания); 2) контакт языков должен иметь место а) в условиях продуктивного и координативного билингвиз-

¹ Е. М. В е р е щ а г и н. К характеристике билингвизма эпохи Кирилла и Мефодия. — «Советское славяноведение», 1966, № 2.

² Разумеется, эксперимент не может полностью совпадать с моделируемым явлением, поэтому некоторые характеристики явления признаются несущественными и не учитываются. Выбор воспроизводимых характеристик зависит от исследователя. О правомерности эксперимента в лингвистике, кроме известных соображений Л. В. Щербы, см. Н. Н о i j e r. Native reaction as a criterion in linguistic analysis. — «Actes du huitième congrès international de linguistes», Oslo, 1958.

ма и б) в условиях субординативного продуктивного билингвизма; 3) в первом случае (2а) речь должна идти о контакте «первичная языковая система — вторичная языковая система»³, а во втором случае (2б) — о контакте «вторичная языковая система — первичная языковая система». Остальные факторы признаются иррелевантными.

Эксперимент поставлен таким образом, чтобы можно было проследить за процессами субституции фонем при введении лексем одного языка в другой при условии⁴, что лексема вводится в речь двуязычным лицом. Первое требование корректности эксперимента соблюдено тем, что изучаются немецко-русские и русско-немецкие контакты. Второе и третье требования корректности эксперимента соблюдаются тем, что русско-немецкий контакт изучается на лицах русского происхождения, достигших координативного продуктивного билингвизма, а немецко-русский контакт — на лицах того же происхождения, владеющих немецким языком неполностью.

1. Пяти студентам-пятикурсникам, относительно которых имеются все основания сделать допущение, что они достигли координативного билингвизма, отдельно друг от друга был предложен приводимый ниже текст на русском языке. Требовалось: прочитать текст вслух три раза и перевести его устно⁵ на немецкий язык. Перевод записывался на магнитофонную ленту, и при анализе записи проверялись закономерности субституции фонемы [ɫ].

Текст:

Крылов подошел к Тыльникову и быстро сказал ему:
— Выборг занят финскими войсками, и полковник Рьльский отдал приказ готовиться к обороне деревни Мытня под Ленинградом.

Тыльников подумал и ответил не сразу:
— Знаю я эту Мытню. Позиция далеко не блестящая.

— Что делать? — вздохнул Крылов, прощаясь.

Перевод:

Krylow kam zu Tylnikow und sagte ihm schnell:

— Wyborg ist von finnischen Truppen besetzt, und Oberst Rylski hat befohlen, sich zur Verteidigung des Dorfes Mytnja vorzubereiten.

Tylnikow dachte nach und eilte nicht mit der Antwort:

— Ich kenne dieses Mytnja. Die Stellung ist bei weitem nicht glänzend.

— Nichts zu machen, — gab Krylow zu Antwort und verabschiedete sich.
В таблице приводятся данные сохраняемости фонемы [ɫ]. Из 40 лексем 4 (10%) подверглись субституции.

2. Пяти студентам-первокурсникам, относительно которых делается допущение, что они владеют немецким языком хотя и продуктивно, но недостаточно, отдельно друг от друга был предложен приводимый ниже текст на немецком языке. Требовалось:

³ О контакте «первичная языковая система — вторичная языковая система» говорится в том случае, когда воздействие родного языка обнаруживается в речевых произведениях, порожденных на неродном языке. Если неродной язык воздействует на родной, то можно говорить о контакте «вторичная языковая система — первичная языковая система».

⁴ По У. Вайнрайху (U. Weingreich. Languages in contact, The Hague, 1963, p. 7—8), фонемы разных языков, если они неразложимы на одни и те же дифференциальные признаки, не должны сопоставляться друг с другом, так как они играют функционально различные роли. Теоретически это положение не вызывает возражений, так как всегда, кроме субстанции фонемы, следует иметь в виду и ее функцию. Однако, если, например, данное немецкое слово заимствуется в русский язык, то все фонемы этого слова, имеющие соответствия в русском языке, замещаются чисто механически. Термин «субституция» употребляется нами в том случае, если наборы дифференциальных признаков исходной фонемы и фонемы-субститута отличаются.

⁵ Перевод делался устно, чтобы исключить возможную аберрацию письма.

Лексемы	Информанты				
	1	2	3	4	5
Крылов	ɫ	ɫ	ɫ	ɫ	ɫ
Тыльников	ɫ	ɫ	ɫ	ɫ	ɫ
Выборг	ɫ	ɫ	ɫ	ɫ	ɫ
Рьльский	ɫ	ɫ	ɫ	ɫ	ɫ
Мытня	ɫ	ɫ	ɫ	ɫ	ɫ
Тыльников	ɫ	ɫ	ɫ	ɫ	ɫ
Мытня	ɫ	ɫ	ɫ	ɫ	ɫ
Крылов	ɫ	ɫ	ɫ	ɫ	ɫ

прочитать текст вслух три раза и перевести его устно на русский язык. Перевод записывался на магнитофонную ленту, и при анализе записи проверялись закономерности субституции фонемы [ʧ].

Текст

Albrecht wollte schon lange Büchner sprechen, das Problem des Entfremdungseffekts bei Brecht interessierte ihn bis jetzt. Auch dieses Mal konnten sie sich nicht ungestört unterhalten — kam Inge Röchelmann, und ihre Plapperei wollte kein Ende nehmen. Diese Röchelmann benahm sich immer herausfordernd, und Albrecht fühlte sich in seinen Hoffnungen betrogen. Und Büchner gefiel allem Anschein nach Inges schrille Stimme, die Albrecht nicht leiden konnte.

Перевод

Альбрехт давно хотел поговорить с Бюхнером, проблема эффекта отчуждения у Брехта интересовала его до сих пор. Но и на этот раз они не смогли спокойно поговорить: явилась Инга Рёхельманн и принялась бесконечно болтать. Кроме того, эта Рёхельманн держала себя вызывающе, и Альбрехт почувствовал себя обманутым в своих надеждах. А Бюхнеру, по всей видимости, нравился резкий голос Инги, которого Альбрехт терпеть не мог.

В таблице приводятся данные сохраняемости фонемы [ʧ]. Из 40 лексем 20 (50%) подверглись субституции.

Как видно, сохраняемость фонем в условиях координативного продуктивного билингвизма значительно выше сохраняемости лексем в условиях субординативного продуктивного билингвизма. В дальнейшем мы провели еще 10 подобных опытов, и установленное процентное соотношение примерно сохраняется. Благодаря сохраняемости иноязычных фонем, лексемы, употребленные, например, в русской речи, не могут считаться лексемами русского языка, так как лексема тогда и только тогда принадлежит определенному языку, когда она оформлена средствами исключительно его собственной системы и никакими больше. Действительно, заимствованные лексемы в синхронном плане не отличаются от прочей лексики языка, так как они оформлены средствами той же языковой системы; лишь по происхождению они являются гетерогенными. В нашем случае лексемы с фонемой [ʧ], с одной стороны, бесспорно принадлежат русской языковой системе, так как оформлены морфологическими средствами именно этой системы, но, с другой стороны, они принадлежат немецкой языковой системе, так как фонема [ʧ] не подверглась субституции. Таким образом, эти лексемы принципиально отличаются от заимствований тем, что они гетерогенны по отношению к языку, в котором они употреблены, не в диахронии, а в синхронии. Собственно, в рассмотренном случае бессмысленно говорить о диахронии, так как мы наблюдаем первое употребление иноязычной лексемы в русском языке.

Назовем лексемы, синхронно принадлежащие двум языковым системам, и с п о л ь з у е м ы м и. Само явление неполной адаптации лексики в речи двуязычных лиц может быть названо и с п о л ь з о в а н и е м ⁶.

⁶ В соответствии с изложенной точкой зрения процесс заимствования лексемы из языка Я₁ в язык Я₂ протекает следующим образом. Предположим, заимствование имеет место из языка Я₁ в язык Я₂. Двуязычное лицо, порождая речевые произведения, относящиеся к Я₂, вводит в речь лексему из Я₁, которая, не будучи полностью адаптированной, является используемой. Если лексема употребляется только в двуязычной среде, заимствование не имеет места. Как только лексема попадает в речь монолингвов, становится возможным говорить о заимствовании, поскольку в этом случае субституируются все иноязычные фонемы. Если билингвистичная прослойка мала, то никакой модификации языковой системы не происходит. Если же билингвистическая прослойка

Лексемы	Информанты				
	1	2	3	4	5
Альбрехт	X	ʧ	ʧ	X	ʧ
Бюхнер	ʧ	X	X	X	X
Брехт	X	ʧ	ʧ	ʧ	ʧ
Рёхельманн	ʧ	X	X	X	ʧ
Рёхельманн	X	ʧ	X	ʧ	X
Альбрехт	ʧ	ʧ	ʧ	X	ʧ
Бюхнер	X	ʧ	X	ʧ	X
Альбрехт	ʧ	X	X	ʧ	X

Грамматическое время причастий, употребленных в качестве терминов (*заимствованные* и *используемые* лексемы), хорошо соотносится с действительным положением вещей.

Явление использования наблюдается в условиях как хорошего, так и плохого активного билингвизма, так что принципиальной разницы между языковыми проявлениями различных психологических умений нет, но сохраняемость лексем разная. Характерным признаком субституции в условиях продуктивного билингвизма является то обстоятельство, что невозможно установить закономерности, по которым фонема замещается или сохраняется. Например, в речи одного и того же лица в границах одной и той же лексемы фонема [С] то появляется, то исчезает (например, *Альбрехт* у информантов 1, 2, 3, 4, 5). Поскольку причины, приводящие к замещению или сохранению лексемы, множественны, процесс субституции не может быть представлен как строго детерминированный, и мы предлагаем говорить о вероятностном процессе⁷. Если число испытуемых достаточно велико, то в се лексемы выступают в двух формах: в форме с субституцией и в форме без субституции. Поэтому и к конкретным лексемам с субституцией применимо понятие использования, ибо заимствованная лексема не может выступать в неадаптированной форме, в то время как используемая лексема выступает именно в такой форме. Такая вариативность возможна потому, что иноязычные лексемы не имеют традиции употребления, и их произношение не обусловлено ни исключительно нормами родного языка, ни исключительно нормами языка изученного. Используемыми лексемами, следовательно, могут быть названы такие иноязычные лексемы, которые, будучи введены в речь в условиях активного билингвизма, либо совершенно не подвергаются фонематической адаптации, либо подвергаются адаптации, протекающей как вероятностный процесс.

В первом эксперименте воссозданы приблизительно те условия, в которых проводился перевод церковной литературы в период солунской и моравской деятельности Кирилла и Мефодия. Известно, что фонематические системы греческого (византийского периода) и старославянского языков отличаются друг от друга. Если переводчики вводили в старославянский текст греческие лексемы с фонемами, отсутствующими в старославянском языке, то в соответствии с данными эксперимента эти фонемы должны сохраняться с большой степенью вероятности и, таким образом, введенные в старославянский текст грецизмы могут быть названы используемыми лексемами.

Старославянская орфография построена по принципу «одна фонема — одна буква» (лигатуры, разумеется, во внимание не принимаются)⁸. Так как переводчики сами для себя создавали алфавитную систему, следует искать в ней группу букв, которая обозначала бы греческие фонемы или

численно значительна и является ведущей в социальном отношении, то произношение лексемы, господствующее в этой прослойке, может быть переято и монолингвами. Так возникла, например, в русском языке подсистема лексики с начальным нейотированным *в*.

⁷ Подобный процесс описан применительно к проблемам перевода А. Б. Долгопольского («Категория вида в русском языке и вероятностный характер связи означаемого с означаемым». В сб. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1963).

⁸ Для нас особенно важно подчеркнуть, что этот принцип соблюдается в случаях, где можно предположить греческое орфографическое воздействие. Ср. регулярные фонематические написания в памятниках, например, следующего списка слов: *ангелъ* — ἀγγελός (а не *аггелъ*); *евглетъ* — εὐχέλτος (а не *агвптъ*); *кесаръ* — καῖσαρ (а не *каисаръ*); *преторъ* — πραιτόριον *спира* — σπειρα; *фунникъ* — φοινῖξ; *икономъ* — οἰκονόμος; *нефталнмъ* — Νεφθαλεμί; *сирофунникиса* — Συροφουνικισα. О верности произношению говорят также написания с диалектной гаммой типа *параскеви* — παρασκευή; *левгн* — λευγίς; *левгитъ* — λευγίτης.

греческую дистрибуцию фонем. Очевидно, что такими буквами будут буквы, не встречающиеся в исконных словах. Таким образом, старославянская алфавитная система обнаруживает удивительное равновесие: с одной стороны, имеется группа букв, употребляемая только в славянских лексемах и обозначающая только славянские фонемы (например, в, ж, ѡ); с другой стороны, имеется группа букв, употребляемых только в греческих лексемах и обозначающих только греческие фонемы (φ, θ, ς). Между ними расположены остальные буквы, встречающиеся как в греческих, так и в славянских лексемах и обозначающие фонемы, которые субстанционально (в отношении набора дифференциальных признаков) совпадают в обоих языках. Практически с помощью этой алфавитной системы можно записать действительное произношение любого славянского и греческого слова, так что мы можем рассматривать старославянский алфавит как алфавитную метасистему для двух языков.

Рассмотрим теперь конкретный материал дошедших до нас списков переводов. Эти списки значительно отличаются друг от друга. Отличия между ними допускают двойное объяснение. Во-первых, сами переводчики не считали свою работу совершенной и продолжали сверку переводов с греческими оригиналами. Поэтому переписчики могли воспользоваться списками, восходящими к различным редакциям текста самих первоучителей. Сейчас данное обстоятельство нас не интересует. Во-вторых, сами переписчики вносили свои изменения в текст. Если отвлечься от сознательной правки и описок, то модификация текста проходила в сторону сближения его с живым произношением переписчика, и это обстоятельство изучается в дальнейшем. Если переписчик владел греческим языком недостаточно хорошо (а этого нельзя исключить), то греческие лексемы подвергались адаптации по закономерностям вероятностного процесса, и вероятность сохранения греческой фонемы равна примерно 50%. Учитывая результаты второго эксперимента, можно ожидать, что 1) некоторые лексемы обнаружат вариантное написание в пределах одного памятника; 2) другие лексемы обнаружат вариантное написание в разных памятниках; 3) если материал достаточен, то все лексемы обязательно выступят в неадаптированной форме. Если эти характеристики соблюдаются, то мы вправе сделать заключение, что греческая лексика в старославянских памятниках является используемой.

Ниже приводятся два списка лексем с буквами θ и ς в пяти древнейших списках евангелий⁹.

⁹ Использованы общеизвестные издания старославянских евангелий: Зографского (Зг.) — В. Ягича (1879 г.), Маринского (Мр.) — В. Ягича (1883 г.), Ассеманиева (Ас.) — Й. Курца (1955 г.), Саввиной книги (Св.) — В. Щепкина (1903 г.) и Остромирова евангелия (Ос.) — А. Востокова (1843 г.). Были изучены и некоторые другие изданные евангелия XI—XII вв., относящиеся к региональным изводам старославянского языка (Архангельское, Галицкое, Македонское, Мирославово и Туровское), однако соответствующие данные не приводятся, так как материал собственно старославянских памятников достаточен для правильной оценки явления.

В списках цифры означают лист по пагинации издателей. Для Зг., Мр. (для рукописи из собрания Григоровича) и Св. буква а означает лицевой лист, буква б — оборотный. Для той части Мр., которая отсутствует у Григоровича, цифры до и после точки означают номер страницы и строки (например, 5.12). Для Ас. и Ос. буква а означает лицевой лист, первый столбец, б — лицевой лист, второй столбец, в — лист оборотный, первый столбец, г — лист оборотный, второй столбец. Лексемы, встречающиеся в памятниках, даются следующим образом: сначала указывается место лексемы в евангельском тексте, а затем — в соответствующем старославянском источнике. В Св. два листа ошибочно носят помету 139, поэтому второй лист из этой пары у нас обозначен 139².

Поскольку мы интересуемся только написаниями греческих по происхождению корней, записываемых с применением букв θ и ς, в одно гнездо включаются все производные лексемы. Лексемы приводятся в нормализованной орфографии. О правилах нормализации см. «Slovník jazyka staroslověnského». Praha, 1959, s. XXXVI—XXXVII. Отражаются только варианты написаний грецизмов с ожидаемыми буквами θ и ς.

Лексемы с буквой Θ

Ἀριμαθαία:

аримаѳея Мф XXVII, 57 — Ас. 110^д, Ос. 202^а; Мр XV, 43 — Ас. 106^б, Ос. 17^б, Ос. 194^б; Ио XIX, 38 — Ас. 106^в, Ос. 194^г

ариматея Мф XXVII, 57 — Зг. 81^а, Мр. 41^б; Мр XV, 43 — Зг. 127^б, Мр. 74^б; Лк XXIII, 51 — Зг. 221^а, Мр. 130^а; Ио XIX, 38 — Зг. 284^б, Мр. 170^а.

Βηθανία:

вѳаняны Мф XXI, 17^г — Зг. 50^а, Св. 84^б, Ос. 141^г; Мф XXVI, 6 — Ас. 87^а, Св. 91^б, 92, Ос. 152^г; Лк XXIV, 50 — Ас. 28^г, Ос. 45^г; Ио I, 28 — Ас. 2^г, Ос. 4^а; Ио XI, 1, 17, 18 — Ас. 79^в, Ос. 136^г, 137^г, 138^а; Ио XII, 1 — Св. 85^а, Ос. 141^г, Ас. 81^г

вѳтаняны Мф XXI, 17 — Мр. 26^а; Мф XXVI, 6 — Зг. 64^а, Мр. 36^а; Лк XXIV, 50 — Зг. 224^б, Мр. 132^б; Ио I, 28 — Зг. 227^а, Мр. 135^а; Ио XI, 1, 17, 18 — Зг. 260^а, 261^а, Мр. 154^б, 155^а, Св. 81^а, 82^а; Ио XII, 1 — Зг. 264^а, Мр. 157^а.

Βηθεσδα:

вѳезда Ио V, 2 — Ос. 23^а, срв. Фезда Зг. 236^а.

вѳезда Ио V, 2 — Мр. 141^а, Ас. 14^б.

Βηθαεέμ:

вѳаеэмъ Мф II, 1, 5, 6, 8 — Мр. 3.19, 4.8, 4.10, 4.15, Ас. 133^{б, в}, Св. 139^{2а, б}, Ос. 251^{б, в, г}; Мф II, 16 — Мр. 5.12, Ас. 135^а, Св. 143^а, Ос. 253^б; Лк II, 4, 15 — Ас. 132^б, Св. 137^б, 138^а, Ос. 251^г

вѳаеэмъ Лк II, 4, 15 — Зг. 136^б, 137^б; Мр. 81^{а, б}.

Βηθεσδαϊά:

вѳесада Ио I, 45 — Мр. 133^б, Ос. 6^г

вѳесада Мф XI, 21 — Зг. 24^а, Мр. 9^а; Лк IX, 10 — Мр. 99^а; Лк X, 13 — 170^а, Мр. 101^б; Ио I, 45 — Зг. 228^б, Св. 74^б; ср. вѳлсада Лк IX, 10 — Зг. 164^а.

Γαββαθᾶ:

габбаѳа Ио XIX, 13 — Ас. 103^б, Ос. 220^а

габбата Ио XIX, 13 — Зг. 283^б, 117^б, Мр. 169^а, по в Св. 115^а вм. гавбаѳа

Γεθσημανῆ: ошибка переписчика — гольгѳа.

гесимани Мф XXVI, 36 — Ос. 159^б

гесимани Мф XXVI, 36 — Мр. 37^б, Ас. 89^г, Св. 95^а; Мр XIV, 32 — Мр. 121^б; ср. и ѳенсимани Мф XXVI, 36 — Зг. 66^б, Мр XIV, 32 — Зг. 121^а.

Γολγοθᾶ:

голгѳа Мф XXVII, 33 — Ас. 108^г, Ос. 199^а, 189^б; Мр XV, 22 — Ас. 104^а, Св. 118^а, Ос. 188^б; Ио XIX, 17 — Ас. 118^а, Ос. 220^б

голгота Мф XXVII, 33 — Зг. 72^б, Мр. 40^б; Мр XV, 22 — Зг. 126^а, Мр. 74^а; Ио XIX, 17 — Зг. 283^б, Мр. 169^а; ср. и голгаѳа Мф XXVII, 33 — Св. 118^б.

Λιθόστρωτος:

литостротъ Ио XIX, 13 — Ос. 220^а

литостротъ Ио XIX, 13 — Зг. 283^б, Мр. 169^а, Ас. 117^б, Св. 115^а.

Μάρθα:

- марта Лк X, 38, 41 — Ас. 116^В, Ос. 217^{В, Г}; Ио XI, 1, 5, 19, 24 — Ос. 136^{В, Г}, 138^{А, Б}; Ио XII, 2 — Ос. 141^Г
- марта Лк X, 38, 41 — Зг. 172^Б, Мр. 103^А, Ас. 116^Б, Св. 126^{А, Б}; Ио XI, 1, 5, 19, 24, 30, 39 — Зг. 260^Б, 261^Б, 262^А, Мр. 154^Б, 155^А, Ас. 79^{В, Г}, 80^{А, Б, В, Г}, 81^{А, Б}, Св. 81^А, 82^{А, Б}; Ио XII, 2 — Зг. 264^А, Мр. 157^А, Ас. 81^Г, Св. 85^А; оглавление чтений евангелия от Луки — Зг. 129^Б, Мр. 76^Б.

Ναθαναήλ:

- нафананя Ио I, 46, 47, 48, 49, 50 — Ас. 4^{В, Г}, Ос. 6^Г, 7^{А, Б}, 128^{Б, В, Г}; Ио XXI, 2 — Ас. 156^Б, Ос. 209^Б
- натананя Ио I, 46, 47, 48, 49, 50 — Мр. 135^Б, 136^А, Св. 74^Б, 75^А; Ио XXI, 2 — Зг. 286^Б, Мр. 172^А.

Σαβαχθάνι:

- саваханни Мф XXVII, 46 — Св. 119^Б
- савахтанни Мф XXVII, 46 — Зг. 73^А, Мр. 41^А, 109^Г, Ос. 190^Б; Мр XV, 34 — Зг. 126^Б, Мр. 74^Б.

Θομάς:

- тома Ио XI, 16 — Ас. 80^Б, Св. 82^А; Ос. 137^Г; Ио XX, 24, 27, 28 — Ас. 7^{Б, В}, Ос. 11^{А, Б, В}; Ио XXI, 2 — Зг. 286^Б, Ас. 156^Б, Ос. 209^Б; из месяцеслова — Св. 132^А
- тома Мф X, 3 — Зг. 19^А, Мр. 6^Б; Мр III, 18 — Зг. 78^А, Мр. 48^Б; Лк VI, 15 — Зг. 150^А, Мр. 48^Б; Ио XI, 16 — Зг. 261^А, Мр. 155^А; Ио XX, 24, 27, 28 — Зг. 286^А, Мр. 171^Б; Ио XXI, 2 — Мр. 172^А.

Лексемы с буквой V

ἀρχιεπιστάτωχος:

- архиепископъ Мр V, 22, 35, 36, 38 — Зг. 88^Б, 89^Б, Мр. 52^Б; Лк VIII, 49 — Зг. 162^Б, Мр. 97^Б, Ас. 58^А, Ос. 105^Б; Лк XIII, 14 — Зг. 184^Б, Мр. 109^Б, Ос. 105^В; оглавление чтений евангелия от Марка — Мр. 43^Б; оглавление чтений евангелия от Луки — Мр. 76^А
- архисопнагога Мф V, 22 — Мр. 52^А, Лк XIII, 14 — Св. 52^Б; Лк XIII, 14 — Св. 58^А, 60^Г.

βύσσος:

- вуссоня Лк XVI, 19 — Зг. 193^Б, Мр. 115^А, Ас. 55^А, Ос. 96^Б
- воуссоня Лк XVI, 19 — Св. 50^Б.

γαζοφυλάκιον:

- газофлакни Ио VIII, 20 — Ос. 28^А
- газофлакни Мр XII, 41, 43 — Зг. 115^Б, Мр. 117^Б; Лк XXI, 1 — Зг. 208^Б, Мр. 123^Б, Ас. 67^Г, Св. 65^Б, Ос. 115^Г; Ио VIII, 20 — Зг. 250^Б, Мр. 149^А, Ас. 17^Г
- газофлакни Мр XII, 43 — Зг. 115^Б.

Αἰγυπτός:

- египетя Мф II, 13, 14, 15, 19 — Мр. 5, 3, 5, 7, 5, 9, 5, 22, Ас. 134^Б, 135^А, Св. 134^{А, Б}, Ос. 252^Г, 253^{А, Б}.

σμίρα:

змѣрна Мф II, 11 — Ас. 134^б, Св. 142^а, Ос. 252^б
 змирна Мф II, 11 — Мр. 4.27.

ἐπενδύτης:

епендѣтъ Ио XXI, 7 — Ос. 209^г
 епендѣтъ Ио XXI, 7 — Зг. 287^а, Ас. 157^а, Мр. 172^б, Св. 164^а.

Κυρηναιός:

кѣрѣненскѣ Мф XXVII, 32 — Зг. 72^б, Мр. 40^б, Ос. 198^г; Мр XV, 21 — Мр. 74^а, Ас. 104^а, Ос. 188^б; Лк II, 2 — Зг. 136^б, Мр. 91^а, Ас. 132^б, Св. 137^б, Ос. 249^б; Лк XXIII, 26 — Зг. 249^а, Мр. 129^а. Ср. и кѣрѣненскѣ Мф XXVII, 22 — Св. где, как отмечает издатель, «γ в виде уголка надписано над ε рукою самого писца» (стр. 112).

кѣнѣарскѣ Мф XXVII, 32 — Св. 117^б.

Μοῦσῆς:

моушен Мф XVII, 3^г — Ос. 284^г; Лк XXIV, 27 — Ос. 5^б; Ио III, 14 — Ос. 8^б; Ио IV, 27 — Ос. 19^г; Мр I, 44 — Ос. 129^г; в Ос. над γ регулярно пишется диакритический значок (по византийскому образцу) для указания на раздельное чтение пары букв, обозначающих гласные.

моусен Мф XVII, 3 — Ас. 151^б; Мр I, 44 — Св. 75^б; Ио III, 14 — Св. 127^а.

μύρον:

муро Мф XXVI, 7, 9, 12 — Зг. 64^а, Мр. 34^б, Ас. 87^в, Св. 92^б, Ос. 152 153^{а, б}, 155^г, 156^а; Мр XIV, 3, 4, 5, 8 — Ос. 229^г, 23^{а, б}; Лк VII, 37, 38, 46 — Зг. 156^б, Мр. 94^а, Ас. 119^б, Св. 130^а, Ос. 222^{в, г}, 223^в; Лк XXIII, 56 — Зг. 221^б, Мр. 130^б; Ио XII, 3, 4, 5 — Мр. 157^а, Ас. 81^г, 82^а, Св. 85^а, Ос. 142^{а, б}; оглавление чтений от Марка — Мр. 44^а; оглавление чтений от Иоанна — Мр. 133^а; в месяце-слове — Ос. 282^г

муро Лк VII, 46 — Мр. 94^б; оглавление чтений от Луки — Зг. 129^б.

πορφύρα:

порфѣра Лк XVI, 19 — Зг. 193^б, Ас. 55^а

порфѣра Лк XVI, 19 — Мр. 115^а, Св. 50^б, Ос. 96^б.

υκάρινος:

сѣкамѣнна Лк XVII, 6 — Зг. 195^а, Мр. 116^а, Ас. 65^г, Ос. 113^а.

συκομορέα:

сѣкоморѣна Лк XIX, 4 — Зг. 201^а, Мр. 119^б, Ос. 113^г

сѣкоморѣна Лк XIX, 4 — Ас. 66^б.

Συμεών:

симеонѣ Лк II, 25, 34 — Мр. 132^{а, б}, Ас. 141^б, 142^а, Ос. 264^б, 265^а; Лк III, 30 — Мр. 135^а; оглавление чтений от Луки — Зг. 129^а, Мр. 126^а,

сѣмѣонѣ, сѣмѣонѣ Лк II, 25, 34 — Зг. 138^{а, б}; Лк III, 30 — Зг. 143^а.

Συρία:

сѣрна Мф IV, 24 — Зг. 4^а; Лк II, 2 — Зг. 136^б, Мр. 131^а, Ос. 249^б.

сѣрна Мф IV, 24 — Мр. 9, 23; Лк II, 2 — Св. 137^б

сѣурна Лк II, 2 — Ас. 132^б.

Συροφωνικισσα:

сурофунниксса Мр VII, 26 — Зг. 96^б

сурофонниксса Мр VII, 26 — Мр. 56^а; оглавление чтений от Марка — финниксса

Συχαρ: Мр. 43 а.

сυχарь Ио IV, 5 — Мр. 138^б

соухарь Ио IV, 5 — Зг. 232^а, Ас. 18^г, Ос. 29^г.

Τύρος:

тыръ Мф XI, 21, 22 — Зг. 24^{а, б}; Мф XV, 21 — Ос. 86^б; Мр III, 8 — Мр. 98^а; Мр VII, 24 — Мр. 56^б; Лк VI, 17 — Зг. 150^а, Ас. 123^б, 150^б, Св. 133^а, Ос. 282^а; Лк X, 13, 14 — Зг. 170^а, Мр. 101^б

тоуръ Мф XI, 21, 22 — Мр. 9^а; Мф XV, 21 — Зг. 38^а, Мр. 16^б, Св. 66^а
Мр III, 8 — Зг. 77^а; Мр VII, 24 — Зг. 96^б; Лк VI, 17 — Мр. 90^а

χλαμύς:

хламуда -Мф XXVII, 28, 31 — Зг. 72^а

хламуда Мф XXVII, 28, 31 — Мр. 90^б, Ас. 108^{в, г}, Св. 117^{а, б}, Ос. 187^{б, в}.

ὑποκριτής:

упокритъ Мф VI, 2, 16 — Зг. 8^б, 9^б, Мр. 14. 1, 16.6, Ас. 73^а; Мф XXII, 18 — Зг. 53^а, Мр. 28^б, Ас. 46^б, Ос. 78^б; Мф XXIII, 14, 15 — Зг. 55^а, Мр. 30^а; Мф XXIV, 51 — Зг. 60^а, Мр. 33^б, Ас. 85^в, Св. 89^б,

ипокритъ Мф VI, 2 — Св. 71^б

оупокритъ Мф VI, 16 — Ас. 74^а.

ῥεσπός:

респъ Ио XIX, 29 — Зг. 284^б, Мр. 170^а, Ос. 193^б.

Все три ожидаемые характеристики выполняются: 1) имеются варианты написания лексем в границах одного памятника (μυρο — миро Зг., Мр., сурита — сирита Мр., тыръ — тоуръ Зг., Мр., Св., упокритъ — ипокритъ Св., киеланиа — китаниа Зг., Св., киелеемъ — китлеемъ Мр., киеланда — кителанда Мр., еома — тома Зг.); 2) варианты написания в ряде памятников встречаются очень часто (ευρεονъ — коуруонъ Зг., Мр., Ас., Ос. — Св.; змурна — змирна Ас., Св., Ос. — Мр.; епендитъ — епендитъ Ос. — Зг., Ас., Мр., Св.; гакбаѳа — гакбаѳа Ас., Ос. — Зг., Мр.; лиеогтротъ — литогтротъ Ос. — Зг., Мр., Ас., Св.; саѳаѳѳани — саѳаѳѳани Св. — Зг., Мр., Ас., Ос. и т. п.); 3) в с е лексемы имеют хотя бы одно написание с ѳ и ν (единичные исключения можно отнести за счет недостаточности материала).

Если ожидаемые характеристики соблюдаются, то правомерно сделать вывод о том, что перед нами не заимствованные, а используемые лексемы. Поэтому буквы ѳ и ν не являются обусловленными греческой орфографией эквивалентами букв π и φ или ι и ρυ, а обозначают греческие фонемы, отличающиеся от всех старославянских фонем. Буквы ξ̄ и ψ̄ по аналогии обозначают неславянскую дистрибуцию фонем — сочетание согласных без обязательного в старославянском редуцированного между ними.

В качестве общего вывода можно сказать, что греческая лексика в речевых произведениях Кирилла — Мефодия и переписчиков богослужебных книг является не заимствованной, а и с п о л ь з у е м о й, однако степень сохраняемости в ней греческих фонем различна. Из сказанного

следует, что буквы, не встречающиеся в славянских лексемах, обозначают греческие фонемы.

Установление дифференциальных признаков фонем, обозначаемых буквами ϵ и ν , представляет значительные трудности, так как традиционализм греческой орфографии не дает возможности судить о действительном произношении лексем. Эта особенность была отмечена, например, уже Ф. Е. Коршем, который, считал, что историческое изучение греческого языка оказывается ничем иным, как исторической стилистикой, потому что, если судить по орфографии, фонематическая система остается неизменной с глубиной древности до наших дней. Поэтому и периодизация истории греческого языка связывается не с собственно лингвистическими, а с экстралингвистическими факторами. Единственный путь установления действительного произношения той или иной фонемы в определенном диалекте — изучение малограмотных написаний и описок, но такой материал недостаточен и противоречив. По крайней мере, судя по опискам, для аттического диалекта¹⁰ можно констатировать переход [y]¹¹ в [i] еще во II веке нашей эры¹², что, однако, оспаривается рядом авторов¹³, допускающих возможность произношения υ как [y] вплоть до IX—XI вв. Столь же трудно судить и о произношении ϕ в аттическом диалекте, потому что есть свидетельства как в пользу взрывного, так и в пользу спирантного произношения. Во всяком случае все ошибки, позволяющие определенно судить о произношении υ как [y] и ϕ как спиранта, относятся к периоду не ранее X в. В связи с этим данные исторической фонологии греческого языка могут сыграть только вспомогательную роль. Именно старославянские тексты в большей мере могут сказать свое слово в установлении произношения ϕ и υ в аттическом диалекте IX—XI вв. Выдвигаемые здесь соображения, однако, остаются пока гипотезой.

В старославянских текстах ν субституируется двояко: через и [i] и через оу [u]. Например, *архисинагога* — *архисинагога* Св.; *сирия* — *соурия* Син. пс.; *соухара* Зг.; *тоурз* Зг., Мр. По нашему мнению, фонема, обозначаемая буквой ν , должна иметь дифференциальные признаки как [i], так и [u], отличаясь от них каким-либо одним признаком. Если для [i] характерен верхний подъем, передний ряд и отсутствие огубленности, то [u] характеризуется верхним подъемом, задним рядом и наличием огубленности. Если перегруппировать эти дифференциальные признаки, то теоретически возможны еще две фонемы: 1) верхний подъем, огубленность, передний ряд; 2) верхний подъем, неогубленность, задний ряд. Фонема под цифрой 2 неизвестна ни в старославянском, ни в греческом языке, а фонема под цифрой 1 — это [y].

Аналогичный подход невозможен для определения характеристики фонемы, обозначаемой буквой ϵ , так как в древнейших памятниках она заменяется только буквой τ . Поэтому весьма вероятно, что буква ϵ произносилась как придыхательное [t] (в отличие от славянского неаспирированного [t]), хотя типологически возможно, что спирант субституируется взрывным (например, в старославянском ϕ через п). Во всяком случае, в памятниках прослеживается четкая тенденция: наиболее древние памятники в качестве субститута дают τ , а младшие — ϕ . Это может говорить об изменении произношения у греков от взрывного к спиранту.

¹⁰ Нас интересует именно аттический диалект, так как именно аттическое произношение, обычное в Константинополе, присуще Кириллу и Мефодию.

¹¹ Как фонема [ü] в немецкой лексеме *die Bühne*.

¹² K. Dieterich. Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Sprache von der hellenischen Zeit bis zum X. Jh. n. Chr. Leipzig, 1898, S. 23.

¹³ P. Diels. Altkirchenslavische Grammatik. I. Teil. Heidelberg, 1932, S. 29; E. Schwyzer. Griechische Grammatik. Bd. 1. München, 1939, S. 177; E. H. Stuart. The pronunciation of Greek and Latin. Philadelphia, 1940, p. 43.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯН НА СТРАНИЦАХ «УКРАЇНСЬКОГО ІСТОРИЧНОГО ЖУРНАЛУ»

В 1957 г. вышел первый номер «Українського історичного журналу». В его редакционной статье говорилось: «Общность происхождения, языковая общность, культурная и территориальная близость содействовали тому, что связи между Украиной, Польшей, Чехословакией, Болгарией, Югославией никогда не прекращались. Нельзя игнорировать и то, что украинский, польский, чешский, словацкий, румынский и венгерский народы в силу исторических условий в различное время принадлежали к одним и тем же государственным образованиям... Изучение богатых по содержанию прогрессивных связей между народами будет содействовать укреплению их дружбы в современных условиях. Дальнейшее усиление творческих связей с историками стран народной демократии, которое должно найти свое конкретное отражение и в «Українському історичному журналі», будет содействовать решению ряда общих проблем» (1957, № 1, стр. 7—8).

Сейчас, когда журналу исполнилось уже десять лет, небезынтересно проследить, как он выполняет свою программу, а также, какое место на его страницах занимали вопросы истории зарубежных славянских стран.

Одна из центральных проблем, которой «Український історичний журнал» уделяет большое внимание — социалистическое строительство в зарубежных славянских странах и их сотрудничество с Украинской Советской Социалистической Республикой. Этой теме посвящена страница тысячелетней истории Польши (1966, № 9), в которой, наряду с вопросами истории далекого прошлого братского польского народа, рассматриваются достижения Народной Польши за последние 20 с лишним лет. Значительное место отводится здесь экономическим, культурным и научным связям СССР и ПНР. В другой статье П. М. Калениченко, написанной на основе советской и польской периодической прессы, рассказывается

о братских связях и сотрудничестве Советской Украины и Народной Польши в области литературы в 1944—1964 гг. (1965, № 7).

О новой и важной форме культурного сотрудничества между народами Советской Украины и Народной Польши — пограничном обмене делегациями трудящихся — говорится в сообщении И. Ф. Евсеева (1961, № 5). Много интересных фактов содержит и другая его статья — «Советско-польское экономическое сотрудничество» (1960, № 3), в которой затрагиваются также вопросы сотрудничества СССР с ПНР. В сообщении С. М. Антонюка «Союз рабочих и крестьян — важная предпосылка социалистического преобразования сельского хозяйства в Народной Польше» (1960, № 5) подчеркивается громадная роль Польской объединенной рабочей партии в укреплении союза рабочего класса и крестьянства в послевоенный период. О большом историческом значении советско-польского договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве для обоих народов рассказывает Г. Н. Билан в заметке, посвященной 20-летию подписания этого пакта (1965, № 4).

Глубокий анализ путей развития исторической науки в Народной Польше дан в статье польского академика Геврика Яблоньского «Состояние и перспективы развития исторической науки в Польше» (1965, № 4). О происках Ватикана и католической реакции в социалистической Польше в 1945—1961 гг. опубликовал статью, написанную, главным образом, на основе польской периодической печати, А. В. Санцевич (1962, № 1).

Вопросы социалистического строительства в Чехословакии затрагиваются в статье члена ЦК КПЧ Вацлава Славика «Двадцать лет со дня освобождения Советской Армией Чехословакии (размышления по случаю 20-летия)» (1965, № 5), посвященной показу успехов народов ЧССР в строительстве социализма и в укреплении чехословацко-советской

дружбы. В. У. Павелко рассматривает вопросы развития культуры украинского населения Чехословацкой Социалистической Республики в 1945—1965 гг.

20-летию социалистического строительства в Народной Республике Болгарии и развитию болгаро-советской дружбы посвящена статья члена Политбюро, секретаря ЦК БКП Бояна Болгаранова «Великие дела, озаренные солнцем болгаро-советской дружбы» (1964, № 5). О первых шагах народно-демократической власти в строительстве социализма рассказывает А. И. Черный в сообщении «Организация государственного контроля в болгарской промышленности в первые годы социалистической революции (сентябрь 1944 г. — декабрь 1947 г.)». Интересную статью Г. М. Попова, Н. И. Леднева и болгарского историка Г. Д. Йорданова о советской газете «Правда» в Народной Болгарии журнал поместил к 50-летию газеты «Правда» (1962, № 2).

В статьях В. К. Сульженко «Братское сотрудничество и взаимопомощь — источник расцвета социалистических стран» (1961, № 4) и «Братская дружба и сотрудничество западных областей Украины и народно-демократических стран» (1965, № 3) рассматриваются общие вопросы многогранных экономических, культурных, научно-технических и научных связей стран социалистического содружества, в том числе и славянских стран. Некоторые данные о связях украинского народа со своими зарубежными славянскими соседями содержатся в статье М. В. Коваля «Страницы культурных и научных связей Украинской ССР с зарубежными странами в годы Великой Отечественной войны» (1964, № 3).

Таким образом, журнал украинских советских историков отводит много места вопросам социалистического строительства в славянских странах, а также их связям с Советским Союзом, в том числе и с Украиной. Однако, к сожалению, в нем полностью оказались обойденными вопросы строительства социализма в Югославии и ее связей с народами СССР; слабо освещаются процессы социалистической перестройки сельского хозяйства в славянских странах, решение там национального вопроса.

Важнейшей проблемой, нашедшей освещение на страницах журнала, является международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, пролетарская солидарность в первые годы существования Советской власти¹. При

¹ П. С. Сохань. Участие трудящихся зарубежных стран в борьбе за победу Великого Октября; И. М. Кулинич. «Деятельность Федерации иностранных коммунистических групп РКП(б) (1918—1920 гг.)»; П. М. Калениченко. Польские трудящиеся в борьбе за укрепление Советской власти (1918—1920 гг.);

освещении этой проблемы много места уделяется также вопросам, связанным с участием югославянских, чешских, словацких, польских и болгарских трудящихся в борьбе за Советскую власть на Украине. В частности, в сообщениях И. Д. Очака, И. А. Петерса, В. М. Гемы и Е. М. Скляренко² рассказывается о революционной деятельности западных и южных славян, которых судьба забросила в годы первой мировой войны на Украину, о героической борьбе поляков, чехов, сербов, хорватов, словенцев и болгар за завоевание Великого Октября.

В нескольких статьях П. М. Калениченко — «Создание Коммунистической партии Польши — важная веха в истории польского рабочего движения» (1964, № 6), «Из истории революционного движения в Польше (конец 1918 г. — начало 1919 г.)» (1958, № 4), «Революционизирующая деятельность польских трудящихся, возвратившихся из Страны Советов (1918 г.)» (1963, № 4) — исследуются вопросы влияния Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционных процессов в Польше.

И. Н. Мельникова в обзорной статье «Великая Октябрьская социалистическая революция и Чехословакия» (1958, № 4) знакомит читателей с некоторыми трудами чехословацких историков, посвященных влиянию Великой Октябрьской социалистической революции на Чехословакию.

Нашли свое отражение на страницах журнала и вопросы истории совместной борьбы славянских народов против фашистской Германии и ее пособников, а также вопросы участия зарубежных славян в Великой Отечественной войне Советского Союза. В статье «Боевое содружество славянских народов во второй мировой войне» (1958, № 1) Герой Советского Союза В. И. Клоков, активный участник партизанского движения в Словакии, рассказывает о героической борьбе партизан в тылу гитлеровских захватчиков. Вопросы помощи Украинского штаба партизанского движения борющимся против фашизма полякам, чехам, словакам, венграм, румынам затрагиваются в другой статье В. И. Клокова — «Помощь украинского народа зарубежному движению Сопротивления» (1965, № 1). В. Ф. Егоров и П. А. Кандауров на материалах партархива Одесской области

К. И. Пооздняков. Пролетарская солидарность в период разгрома Врангеля.

² И. Д. Очак. Югославянский революционный союз на Украине (1917) (1965, № 3); И. А. Петерс. Югославские коммунисты в Советской России в 1918—1920 гг., В. И. Гема, Е. М. Скляренко. Участие трудящихся зарубежных стран в борьбе русского и украинского народов против австро-германской агрессии в 1918 г. (1958, № 1).

написали содержательную статью о переходе военнослужащих 1-й словацкой запасной дивизии на сторону одесских партизан в 1944 г. (1965, № 5).

Чехословацкий историк Ч. Аморт в сообщении «Помощь Советского Союза партизанскому движению в Чехии» (1960, № 4) останавливается на формах и методах этой помощи, подчеркивая, что она «была огромной» (стр. 52) и носила разнообразный характер, вплоть до непосредственного участия советских партизан в чешском национально-освободительном движении. О том, как боевые действия советских и чешских партизан помогли восставшим жителям Праги сохранить столицу Чехословакии от уничтожения в последние дни войны говорится в заметке А. В. Русака «Советские партизаны в Пражском восстании (5—9 мая 1945 г.)» (1965, № 5).

Актуальному вопросу участия болгарских трудящихся в национально-освободительной борьбе югославского народа (1941 г.— сентябрь 1944 г.) посвящена статья И. В. Ганевича (1958, № 4). Автор, используя болгарские материалы, первый в советской историографии ярко и убедительно показал совместную борьбу болгарских и югославских партизан против фашистских захватчиков, которая, по выражению Г. Димитрова, расчистила путь к братскому сотрудничеству обеих стран. Статья интересна как тем, что она вводит в оборот новые факты о боевых действиях болгарских и югославских партизан, так и имеющимися в ней обобщениями. В обзоре «Международные театры движения Сопротивления» (1961, № 3) И. М. Кулинич дает характеристику деятельности Международной федерации борцов Сопротивления (ФИР) за 1959 и 1960 годы.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что журнал публикует материалы о героической борьбе славянских народов против гитлеровских поработителей. Однако, нам кажется, следовало бы чаще публиковать воспоминания свидетелей и активных участников партизанского движения. Это бы способствовало дальнейшему развитию и укреплению дружбы и сотрудничества между народами, воспитанию молодого поколения в духе пролетарского интернационализма.

На страницах журнала находят отражение и вопросы истории зарубежных славянских народов и их связей с украинским народом в период между двумя мировыми войнами. Материалы, касающиеся пребывания выдающегося деятеля болгарского и международного рабочего движения Георгия Димитрова в Одессе в 1926 г. (1964, № 2), и его письма в ЦК ВКП(б) с просьбой оказать помощь жене болгарского революционера Георгия Дамьянова, находившегося в то время в фашистском застенке в Болгарии (1966, № 2), приводятся в двух публикациях

украинского историка-болгариста П. С. Соханя. В сообщении Ш. Файзаева (1966, № 2) раскрывается картина мощного движения солидарности народов Советского Союза с болгарским народом в связи с антифашистским вооруженным восстанием в Болгарии в 1923 г. Сведения об установлении внешних экономических связей молодой Советской Украины в первые годы после окончания гражданской войны содержит сообщение А. Е. Джебжулы «Из истории украинско-чехословацких экономических связей в 1920—1922 г.» (1967, № 2). На основании материалов, извлеченных из фондов Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР, и чехословацкой прессы В. У. Павелко написала интересную статью о деятельности Общества культурного и экономического сближения с новой Россией, созданного в Чехословакии в 1925 г., и Союза друзей СССР, образованного летом 1930 г. В статье польского историка С. Вронского «Общественно-экономические отношения на Волыни накануне второй мировой войны» (1964, № 6) аргументированно доказывается, что там «существовали все основания для социального и политического протеста со стороны, прежде всего, украинского населения».

Два номера «Українського історичного журналу» можно по праву назвать «славянскими» номерами. Так, в одном из них (1962, № 5) была помещена специальная подборка «Из истории дружественных связей славянских народов»³, а в другом (1964, № 4) — «К истории связей славянских народов»⁴.

³ П. С. Соханя. Революционные болгарско-русские связи (1907—1914 гг.); Ф. П. Шевченко. Большевик Георгий Семенов — сын болгарского народа. Кроме того, в этом же номере были помещены заметки, сообщения, информации, также касающиеся истории славянских народов: В. М. Бейлиса «Новые сведения о славянах в Северной Африке в X в.», рецензии А. Ф. Кизченко на монографию И. Н. Мельниковой «Классовая борьба в Чехословакии в 1924—1929 гг.», В. А. Жебокрицкого на коллективный труд болгарских историков «Балканская война 1912—1913», А. К. Касименко и М. Ф. Пявко на книгу немецкого академика Эдуарда Винтера «Россия и папство», информация о расширенном заседании Ученого совета Института истории АН УССР в июне 1962 г. по случаю 80-летия со дня рождения великого сына болгарского народа, выдающегося борца за мир и коммунизм Георгия Димитрова.

⁴ П. С. Соханя. Георгий Димитров и Украина; А. Н. Шлепаков. Солидарность славян Америки с советским народом в годы Отечественной войны;

Более ранние периоды в истории зарубежных славянских народов и их связей с Украинной также занимают соответствующее место среди научных исследований, публикуемых на страницах журнала. Так, ряд статей советских и польских историков посвящен истории Польши и польско-русским связям. К 100-летию польского освободительного восстания 1863 г. журнал опубликовал две статьи — А. З. Барабоя «Историческое значение восстания 1863—1864 гг.» и В. У. Павелко «Участие украинцев в восстании» (1963, № 1), в которых вводится в научный оборот много архивных документов и по-новому оцениваются некоторые события.

Польский историк Э. Горнова пишет о том, как представители различных направлений польской общественности оценивали деятельность и творчество известного украинского писателя и политического деятеля прошлого века М. П. Драгоманова (1966, № 9). Красной нитью через все сообщение польского историка С. Козака о польско-украинских революционных связях в 1830—1863 гг. (1965, № 3) проходит мысль о том, что свободолюбивые традиции украинского и польского народов, их ненависть к угнетателям и стремление к освобождению, общие демократические идеалы в борьбе против самодержавия были важными факторами дальнейшего развития и укрепления польско-украинских революционных связей.

Используя неопубликованные архивные материалы, А. Брожек приводит интересные данные о занятости украинцев-отходников в тяжелой промышленности Верхней Силезии и делает вывод, что «начиная с 1908 г. количество украинских рабочих, занятых в тяжелой промышленности Верхней Силезии, намного

И. Г р о з и е н ч и к. К вопросу о единстве славянских народов в борьбе против фашизма; М. Д. С е м е н ч у к. Из интернационалистических традиций коммунистической прессы Чехословакии; П. М. К а л е н ч е н к о. Революционизирующая деятельность польских трудящихся, которые возвратились из Страны Советов (1918); Х. Х р и с т о в. Некоторые вопросы культурных связей южнославянских стран и Украины до 70-х годов XIX в.; В. А. Б о р н с. Из истории межславянских связей в 30-х и в начале 40-х годов XIX в. В номере помещены обзор В. Гостички «Современная чехословацкая историческая наука об истории Украины и чехословацко-украинских связях» и информация о сессии, посвященной 100-летию польского восстания 1863 г., которая была организована Бюро отделения общественных наук АН УССР и Украинским отделением Общества советско-польской дружбы в мае 1963 г.

превышает количество какой-нибудь другой группы иностранных рабочих и неуклонно возрастает» (1965, № 7). А. Поппе, привлекая многочисленные источники, в статье «Основание Софии Киевской» (1965, № 9), делает попытку уточнить дату основания этого величественного памятника древней Руси. Не менее интересные материалы, относящиеся к польским версиям «Перепiski запорожских казаков с турецким султаном» (1966, № 10), поместили в журнале польские историки М. Евстахевич и М. Инглот.

О связях великого украинского поэта Т. Г. Шевченко с представителями национально-освободительной борьбы Польши рассказывает в статье «Тарас Шевченко среди польских друзей» Г. Д. Вервес (1964, № 3). О значении Т. Г. Шевченко в развитии взглядов Зыгмунта Сераковского на украинский вопрос говорит польский историк Т. Будкевич (1961, № 1). Большой фактический материал содержится в сообщении А. И. Бортникова «Участие русских солдат и офицеров в польском восстании 1830—1831 гг.» (1962, № 2). На основании материалов, почерпнутых из фондов государственных архивов УССР, польских и советских публикаций, молодой польский историк В. Серчик написал исследование «Положение крестьян на Правобережной Украине (вторая половина XVIII в.)» (1962, № 4).

Ряд статей посвящается истории братского болгарского народа. О деятельности русских дипломатов после подавления Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии рассказывает болгарский историк Й. Митев (1966, № 10), подчеркивая, что представители России делали все возможное, чтобы прекратить жестокое уничтожение болгарского населения турецкими завоевателями после подавления восстания. В статье В. А. Жебокрицкого «Внутреннее положение Болгарии после Балканских войн 1912—1913 гг.» (1958, № 1) рассматриваются социально-экономические и политические проблемы, возникшие в Болгарии после ее поражения в межсоюзнической войне.

В сообщении А. К. Мартыненко «Из истории русско-болгарских отношений 1909—1910 гг.» (1959, № 3), написанном на новых архивных материалах, анализируются попытки русско-болгарского сближения в области экономической, политической и военной. Известный исследователь болгарско-украинских связей болгарский ученый П. Атанасов опубликовал (1965, № 9) статью о роли М. П. Драгоманова в укреплении украинско-болгарских связей. Перу П. Атанасова принадлежит и статья «Из прошлого болгаро-украинских связей» (1960, № 4).

Что касается югославянской тематики, то недостаточно исследованному вопросу участия украинских добровольцев в вос-

стании в Герцеговине и Боснии в 1875—1876 гг. посвящена статья Ю. Ю. Фомина (1965, № 8). Представляет интерес и сообщение Л. Г. Ляшенко, касающееся культурных связей Украины с Сербией в XIX в. (1963, № 6). Анализ русско-австрийских отношений в начале XVIII в. сделал на страницах журнала чехословацкий историк А. В. Флоровский (1965, № 3).

Журнал не оставляет без внимания и вопросы истории древних славян. На его страницах были опубликованы статьи В. П. Петрова «Древние славяне в V—VIII вв. (Летописные данные в свете археологических материалов)» (1966, № 3) и «Древние славяне и их происхождение (к проблеме славянского этногенезиса)» (1963, № 4). И. М. Гапусенко «Киевская Русь и Северное Причерноморье» (1961, № 6), М. Ф. Котляра «Русь на Дунае» (1966, № 9) и др.

С целью ознакомить украинского читателя с советской и зарубежной литературой по истории славянских народов журнал отводит много места рецензированию монографий, сборников документов, учебников и т. д. Журнал помещает также рецензии на книги болгарских и чехословацких авторов. Публиковались также отдельные обзоры исторических журналов, выходящих в зарубежных славянских странах.

Журнал систематически откликался и на книги советских историков, посвященные исследованию истории зарубежных славянских стран. Много внимания уделялось и материалам, характеризующим связь украинских историков со своими коллегами в зарубежных социалистических странах. Регулярно помещается информация о посещениях Украины и, в частности Институтом истории АН УССР, историками зарубежных стран и о поездках украинских историков в Польшу, Чехословакию, Болгарию и другие страны.

Систематически печатаются информация о славянских конгрессах, конференциях, сессиях, симпозиумах, собраниях, посвященных знаменательным датам в жизни народов социалистического сотрудничества: информации о VII Украинской славянской конференции, состоявшейся 30 сентября—3 октября 1966 г. в Днепропетровске (1966, № 12), о VI украинской славянской конференции в Черновцах, проходившей там в октябре 1964 г. (1965, № 1), о II Всеобщей международной конференции историков-славистов, состоявшейся в конце

октября 1963 г. в Киевском университете (1964, № 1), о V международном съезде славистов, который проходил 17—23 сентября 1963 г. в Софии (1964, № 1) и др.

Помещались в журнале и статьи, посвященные общим проблемам славяноведения и историографии⁵.

Польский историк М. Яворский на страницах журнала рассказал украинским читателям о 10-летней деятельности украинского общественно-культурного общества в Польше; директор Музея болгаро-советской дружбы в Софии Димитр Крумов — о работе этого Музея (1966, № 6); украинский историк П. С. Сохань — о летнем семинаре по болгарскому языку и литературе и I Международном конгрессе по балканистике, состоявшемся в августе—сентябре 1966 г. в Софии (1967, № 1).

Откликнулся журнал и на такие знаменательные даты, как 40-летие Коммунистической партии Чехословакии (1961, № 3), 20-летие Польской объединенной рабочей партии (1961, № 6; 1962, № 2); 60-летие со дня рождения Юлиуса Фучика (1963, № 1), 100-летие со дня смерти известного польского революционера демократа Зыгмунта Сераковского (1963, № 3), 80-летие со дня рождения болгарского революционера Асена Христева (1964, № 4) и др.

Таким образом, «Український історичний журнал» провел значительную работу по освещению истории зарубежных славянских стран. Если учесть, что это единственный исторический журнал на Украине, который только с 1965 г. начал выходить ежемесячно, то положительная оценка указанной работы будет еще более бесспорной.

⁵ А. К. К а с п и м е н к о. За дальнейшее развитие славяноведения на Украине (1961, № 3); П. М. К а л е п и ч е н к о. Изучение истории Болгарии на Украине (1962, № 1); И. М. Г е о д о р о в и ч. Проблемы восстановления независимости Польши в современной историографии (1963, № 3); А. В. С а н ц е в и ч. Украинская советская историография о послевоенных связях УССР с зарубежными странами (1967, № 2); А. В. Х л а н т ы — об основных работах, вышедших в 1961—1964 гг. в ужгородском издательстве «Карпаты» (1965, № 6); С. М. А н т о н ю к, И. Д. К у н д ю б а. Разработка вопросов истории Польши учеными Украины (1961, № 2) и др.

В. А. Жибокрицкий
И. М. Кулинич

ИСТОРИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ ВОРОНЕЖСКИХ СЛАВИСТОВ¹

Интерес к славянскому миру был характерен для воронежских историков и филологов еще задолго до основания в Воронеже университета. В наши дни коллектив кафедры всеобщей истории ВГУ не только продолжает эту добрую традицию, он сделал ее одним из основных направлений своей работы. Существенным вкладом в отечественное славяноведение являются научные труды воронежских ученых.

1-й выпуск «Славянского сборника» ВГУ, подготовленный по инициативе проф. И. Я. Бороздина к международному съезду славистов в Москве, вышел в свет почти 10 лет назад. Он еще не смел той четкой структуры, которую приобрели последующие выпуски. Однако его отличало богатство содержания, в нем приняли участие не только маститые, но и начинающие ученые.

Сохранив в дальнейшем эти традиции, редакция много сделала для усовершенствования своего издания.

«Славянский сборник» 1958 г. открывается статьёй проф. С. А. Никитина «Задачи советских историков в области изучения истории Югославии». Проф. Бороздин выступил на его страницах со статьёй «Н. Г. Чернышевский о сербском народе». Остальные статьи из истории Югославии посвящены средним векам. Из них следует остановиться на статьях А. Е. Москаленко «Данные хроники Фомы Сплитского о классовой борьбе в Сплите в конце XII — первой половине XIII в.» и С. П. Бобровой «К вопросу об условном землевладении в Сербии XIII—XIV вв.» (статья Н. П. Мананчиковой из истории Дубровника представляет собой только своего рода предисловие к опубликованным в сборнике отрывкам из статута 1272 г.). В работе А. Е. Москаленко речь идет о событиях, представляющих очень большой интерес для историка, но описанных в хронике скупно и односторонне и не нашедших полного освещения в исторической литературе. От внимания автора не ускользнула ни одна деталь, хоть сколько-нибудь проливающая свет на вопрос о характере и движущих силах происходивших в городе волнений. Рассматривая их в целом как проявления классовой борьбы, автор высказывает свои суждения весьма осторожно (это отличает основные разделы статьи от вводного, где, на наш взгляд, чувствуется некоторая предвзятость при оценке роли ремесла и сельского хозяйства в городской экономике: категорически и без достаточного веских оснований

отвергается точка зрения К. Шегвича, считающего «земледельцев» одной из прослоек городского населения, как несоместимая с представлением о городе — торгово-ремесленном центре). Заслуживающим вниманием кажется нам анализ данных хроники о событиях начала XIII в. Жестокая внутренняя борьба, вспыхнувшая в Сплите в конце 1230-х годов, характеризуется как гражданская война, в которой самое широкое участие приняли массы народа. Трудно на основании весьма скудных данных хроники сказать что-нибудь более определенное о характере описываемых в ней событий. Поэтому большой заслугой автора было уже то, что он поставил этот сложный вопрос.

Если работы, посвященные истории Далмации, ставят в первую очередь проблемы, требующие от авторов главным образом обращения к источникам, то те проблемы из истории средневековой Сербии, которые рассматривает в своих статьях С. П. Боброва, требуют критической переоценки работ предшественников. В вышеупомянутой статье Боброва пытается разобраться в сложной проблеме: какие категории условных владений, помимо давно описанной в исторической литературе пронии, существовали в феодальной Сербии. Наиболее старой из этих категорий автор считает владения войников, возникновение которых вполне обоснованно связывается с «законами св. Симеона и св. Саввы» (конец XII в.). После 1300 г. упоминания о них исчезают, по-видимому, под влиянием распространения пронии. Ясно и убедительно очертить круг связанных с владением землей прав и обязанностей войников автору не удалось (более того, истолкование выдержки из хрисовула 1308 г. о войнике Репане как владельце села с зависимыми людьми выглядит произвольным). Более любопытными кажутся выводы о характере владений милостников. Первые обнаруженные автором упоминания о них восходят к началу XIV в. Соображения автора о том, что мы здесь имеем дело с владениями на условиях административной службы, хотя и не подтверждаются конкретными сведениями, кажутся нам не лишены оснований. Наконец, автор рассматривает ряд документов, фиксирующих сделки, которые нам весьма напоминают западноевропейские *precaria oblata*, *precaria remuneratoria* и *precaria verbo regis*, но опять, как и раньше, не проводит последовательного сопоставления подчиненной баштины с пронией, существовавших в одно и то же время. Таким образом, одна из задач, сформулированных автором в начале статьи, — выяснить отношение различных категорий условных владений к пронии — до конца не разрешена, и

¹ «Славянский сборник», вып. 1, исторический, изд. Воронежского ун-та, 1958; «Вопросы истории славян», вып. 1 и 2, изд. Воронежского ун-та, 1963 и 1966.

остается пожелать, чтобы автор еще вернулся к этому вопросу.

В сборниках «Вопросы истории славян» прежде всего заметен неослабевающий интерес к вопросам средневековой городской жизни и аграрных отношений на территории Далмации и Дубровницкой республики.

Здесь хотелось бы прежде всего выделить большую статью Н. П. Мананчиковой «К вопросу об организации ремесла в Дубровнике XIV—XVI вв.» («Вопросы истории славян», вып. 2). В центре внимания автора — анализ данных, почерпнутых из статуту ремесленных «братств», на основе которого дается характеристика самих организаций с точки зрения сходства и различия между ними и средневековыми цехами в их типической форме.

Если говорить об историографии вопроса, то нельзя не обратить внимания на то, что буржуазные историки, вообще не слишком часто обращавшиеся к исследованию организации дубровницкого ремесла, как раз в изучении «братств» оставили некоторое наследие. Разработка этой проблемы продолжается в современной историографии, однако до сих пор нет единства мнений насчет того, можно ли называть ремесленные организации Дубровника цехами. Мананчикова считает их таковыми прежде всего на том основании, что «братства» создавались по профессионально-производственному признаку. Таким образом понятие «цех» приобретает более широкий смысл, нежели тот, который в него иногда вкладывается. Автор в этом вопросе солидаризуется с высказыванием В. В. Стоклицкой-Терешкович о чрезвычайном многообразии средневекового цеха.

Правильным представляется решение спорного вопроса о подмастерьях: совершенно ясно, что лицо, прошедшее срок ученичества, приобретающее высокую квалификацию (именно этот важный момент особо акцентируется автором) и работающее по найму в ремесленной мастерской с характерным для нее отсутствием разделения труда, под каким бы названием это лицо ни скрывалось, не может быть никем иным, кроме как подмастерьем.

Большой фактический материал собран в работе В. Ё. Захарова «К вопросу об аграрных отношениях в Задарском округе в XIII—XIV вв.» (вып. 2). В той части статьи, которая посвящена характеру земельной собственности, имеются ценные наблюдения относительно земельных владений городской коммуны и отдельных ремесленников. По вопросу о положении крестьянства автор в основном излагает данные источников, останавливая внимание читателя на частных, интересных фактах, так что работа приобретает до некоторой степени идиографический характер: даже о столь хорошо знакомом историкам явлении, как эмфитевиз, говорится в таком духе, как будто бы это

был чисто местный феномен. Впрочем, перед автором стояла достаточно трудная задача: разобраться в материале многочисленных и разнохарактерных документов; возможно, более глубокое обобщение этого материала явится следующим этапом в его научной работе.

Заслуживает внимания статья Э. И. Чудиновских «Торговые компании Трогир и Котора в конце XIII—XIV вв. по данным нотариальных актов» (вып. 2). Она насыщена цифровым материалом, сведенным в таблицы, позволяющим судить о формах торговых объединений и масштабах их деятельности. Интересны попытки разобраться в типологии предпринимательских обществ; к сожалению, интересные замечания об этом сделаны вскользь: в итоговых выводах автор нашел нужным упомянуть только о распространенности в далматинских городах торговых объединений типа «коменда».

Вообще надо признать, что, несмотря на чрезвычайно большой интерес современной югославской и советской историографии к проблеме социально-экономического строя далматинских городов, в этой области еще столько предстоит сделать, что даже самые скромные попытки внести что-то новое в изучение проблемы (такими представляются статьи Мананчиковой в «Славянском сборнике», а также Б. И. Борзунова и В. В. Захарова «Хозяйство и общественные отношения в Скрадине по данным его статута» — вып. 2) следует приветствовать.

Из работ историков-сербистов, посвященных проблемам средневековья, следует отметить большую статью С. П. Бобровой «Некоторые вопросы крестьянского землевладения в Сербии XII — первой половины XIV вв.» (вып. 1). Здесь автором сделана попытка проследить эволюцию прав сербского крестьянства на землю, учитывая как фактор времени, так и влияние местных условий, что в целом удалось. В статье наглядно показана роль, которую играли в росте феодального землевладения крестьянские дарения, являвшиеся следствием нужды, а то и вымогательства (правда, приведенная в связи с этим таблица кажется составленной несколько небрежно: непонятно, как соотносятся цифры, помещенные в ее конце, с находящимися выше). Достаточно обоснованной выглядит точка зрения по вопросу о содержании термина «земляне», обозначающего, по мысли автора, зависимых людей во владениях светских феодалов. Не вызывают возражений также выводы относительно юридического статуса крестьянской башины (на наш взгляд, здесь представляется сомнительным только одно: а именно, что данные Скопльского хрисовула 1300 г. относятся к башинам). Однако, доказывая различия в юридическом статусе башины и «наместия» или стаия, автор, как нам кажется, не слишком преуспел:

во-первых, оказалось невозможным провести последовательную грань между баштиной и стасью, во-вторых, не удалось выяснить права крестьян на «наместия» и более того, на наш взгляд, приведенная на стр. 20 выдержка из хрисовула Призренской церкви от 1326 г. заставляет подозревать, что в данном случае в понятие «наместия» включены крестьянские баштины и куплены.

Истории феодальной Сербии посвящена также статья Е. П. Наумова «К оценке социально-экономических изменений в Сербии, Македонии и Зете во второй половине XIV в.» (вып. 2); к сожалению, ее небольшой объем позволил автору только вскользь упомянуть, не ссылаясь на источники, о таком важном факте, как изменения в сословной структуре сербского общества.

Следует сказать и о двух статьях историографического направления. В одной из них — «Об изучении истории Дубровника» Н. П. Мананчиковой (вып. 1) — дается обзор югославянских, итальянских и немецких работ, который позволяет установить, какие проблемы истории Дубровника остаются до нашего времени нерешенными. Иную цель преследовал В. П. Грачев — автор статьи «К вопросу о жупах и жупанах» (вып. 2). Из массы трудов, посвященных феодализму у славян, он выбрал все то, что свидетельствует о господстве в домарксистской историографии ложной, надуманной концепции развития политических институтов у славянских народов и о проникновении этой концепции в новейшую историографию. Вскрыв ее несостоятельность, Грачев показал ее идеологические корни и в заключение в нескольких словах изложил свою точку зрения на возникновение государства у славян.

Статей, в которых ставятся вопросы новой и новейшей истории народов Югославии, в «Вопросах истории славян» всего две: «Революционная деятельность Р. Драговича в период создания Сербской социал-демократической партии» В. М. Повалева (вып. 1) и «К истории органов народно-демократической власти на территории Вардарской Македонии (1941 — август 1944 г.)» И. Яну (вып. 2), причем обе статьи построены на довольно ограниченной источниковедческой базе и носят несколько описательный характер.

Вклад воронежских историков в отечественную историографию народов Югославии не исчерпывается только упомянутыми статьями: ими осуществлены и опубликованы переводы некоторых важных источников по средневековой истории Далматинской Хорватии и Дубровника — фрагменты из дубровнического статута 1272 г. в переводе В. Г. Журавель («Славянский сборник») и «Описания Дубровника» Диверсиса в переводе С. А. Рыковой и с предисловием А. Е. Москаленко (там же), «Супетарский карту-

ляр» в переводе и с комментариями С. А. Рыковой (вып. 2). О большом интересе авторов сборников к истории народов Югославии свидетельствует их тесный контакт с югославскими историками, что позволяет им регулярно обмениваться новыми книгами со Сплитским городским музеем и архивом. В сборниках из выпуска в выпуск публикуются аннотации изданий, поступивших от сплитских коллег. Один из ведущих югославских историков академик Дж. С. Радончич прислал для второго выпуска «Вопросов истории славян» статью, где делится с читателями своими соображениями по поводу датировки «Жития» Константина Солунянина.

Средневековая болгарская тематика представлена в сборниках статьей известного болгарского медиевиста Д. Ангелова «Методы византийской дипломатии в отношениях с Болгарией по данным писем константинопольского патриарха Николая Мистика» (вып. 1) и рецензией И. А. Александровича на новейшие исследования о восстании Ивайлы («Славянский сборник»). Исследуя один из важнейших периодов в истории византийской дипломатии (события первой четверти X в.), Д. Ангелов приходит к вполне аргументированному заключению об очевидном контрасте между внешним миролюбием византийской дипломатии и ее подлинными целями. Автор справедливо полагает, что решение вопроса о методах византийской дипломатии в различные исторические периоды связано с выяснением политических и социальных целей господствующего класса империи.

И. А. Александрович рецензирует работу болгарского историка П. Х. Петрова «Встание на Ивайло» и одноименную статью советского историка П. О. Карышковского. Автор справедливо оценивает труд Петрова как серьезное исследование одного из важнейших событий истории болгарского народа, а работу Карышковского как восполнившую существенный пробел в советской медиевистике. Рецензент выявил и отдельные недостатки, присущие обеим статьям. Однако с некоторыми его утверждениями трудно согласиться, например, с замечанием, что Карышковскому удалось хорошо показать действия византийских войск под командованием М. Главы. Дело в том, что источник, на котором основывался автор, — поэма Мануила Фида является весьма неясным и сомнительным; его сведения могут быть использованы лишь с большими оговорками.

Некоторые проблемы новой истории Болгарии затронуты в статьях двух авторов: Н. Т. Сапроновой и М. М. Шевченко. Н. Т. Сапронова в статье «Апрельское восстание в Болгарии в освещении Захария Стоянова» («Славянский сборник») обратилась к изучению вопроса, на решение которого исследователи уже

потратили немало усилий. В статье справедливо отмечено, что Стоянов не сумел показать антифеодалную сущность восстания, видя в нем только национальное движение. Критикуя автора «Записок о болгарских восстаниях» за неправильное толкование вопроса о расстановке классовых сил в Апрельском восстании, Сапронова излагает свое понимание этого вопроса. Однако при этом автор допускает ряд неточностей. Основной движущей силой восстания Сапронова считает все крестьянство, а гегемоном движения — всю буржуазию. Правильнее, на наш взгляд, было бы говорить об активном участии в восстании мелкого и среднего крестьянства, измене сельской верхушки и о различии позиций мелкой, средней и крупной буржуазии в движении. Кстати, З. Стоянов справедливо указывал, что предательство чорбаджиев сыграло роковую роль в восстании. Он был прав также, отмечая в числе причин поражения разрозненность крестьянских отрядов, их плохую вооруженность. Поэтому вывод Н. Т. Сапроновой о неправоильном, идеалистическом толковании Стояновым причин поражения Апрельского восстания не выглядит вполне доказанным.

Статья М. М. Шевченко «Роль Г. В. Плеханова и В. И. Ленина в распространении и утверждении марксизма в Болгарии» («Славянский сборник») содержит важные выводы о влиянии Г. В. Плеханова и В. И. Ленина на болгарское революционное движение. Особенного внимания заслуживает установление того факта, что имя В. И. Ленина появилось на страницах болгарской социал-демократической печати не в 1902 г., как это было принято традиционно считать, а в начале 1896 г.

В статье Н. Т. Сапроновой «К. Маркс и Ф. Энгельс о восточном вопросе накануне Крымской войны» (вып. 1) дан весьма удачный систематический обзор взглядов Маркса и Энгельса на восточный вопрос.

Новейшая история Болгарии представлена в рецензируемых сборниках статьими А. Н. Горянинова «Освещение болгарских событий 1923—1925 гг. в советской прессе (по материалам «Правды» и «Известий»)» («Славянский сборник») и А. И. Доронченкова «Пути изучения передового опыта советского рабочего класса трудящихся Болгарии (1949—1957 гг.)» (вып. 2). Работа Горянинова основана на материалах, еще не известных историкам. Автор указал на то, что свыше 800 документов, посвященных Болгарии, опубликованы в «Правде» и «Известиях» за 1923—1925 гг. Поставленную перед собой задачу — показать, что материалы по истории Болгарии за 1923—1925 гг., имеющиеся в советской прессе, являются важным объектом для исследования, автор выполнил успешно.

Краткий, но чрезвычайно важный обзор документов Центрального архива ВЦСПС дал в указанной выше статье А. И. Доронченков.

С историей национально-освободительного и социалистического движения в Болгарии тесно связан вопрос, освещаемый в статье И. Яну «Из истории создания Внутренней македонско-одринской революционной организации» (вып. 1). Создатели ВМОРО использовали в своей деятельности опыт болгарских революционеров 1870-х годов; со своей стороны руководство БСДРП внимательно следило за деятельностью ВМОРО и оказывало на нее влияние. Именно попытка доказать наличие такой связи представляется в статье наиболее существенным моментом.

Значительно слабее представлена в сборниках польская проблематика. Авторы исследуют в основном польско-русские революционные связи и деятельность польских политических организаций в Советской России и СССР. В «Славянском сборнике» 1958 г. имеется небольшое сообщение Е. Г. Шуляковского «Из истории участия трудящихся поляков в борьбе за власть Советов в Воронежской губернии», большую часть которого составляет публикация материалов советской прессы 1918 г., и столь же краткое сообщение Б. С. Попкова «„Wolna Polska“ и образование Союза польских патриотов в СССР».

Две статьи А. И. Бортникова («Славянский сборник», вып. 2) посвящены исследованию отношений А. Н. Кузьмина-Каравая с польскими революционерами. Учет и критически оценен все публикации по этому вопросу, Бортников привлек к работе новые архивные материалы, и, если ему и не удалось выявить прямых указаний на знакомство Кузьмина-Каравая с Ш. Конарским до ареста последнего, то он убедительно раскрыл связи Каравая с другими польскими революционерами и русскими офицерами-декабристами. В свете этого предположение о прямых контактах Каравая с Конарским получило убедительную аргументацию.

Автор статьи «Борьба большевистской печати за укрепление русско-польских пролетарских связей (1910—1914 гг.)» (вып. 2) Б. Я. Табачников использовал обширную литературу, однако по непонятным причинам из поля его зрения выпал ряд относящихся к предмету работ (таких, как статья Я. Собчака в книге «Из истории польского рабочего движения», книги В. Найдус «Ленин в Польше», Ф. Тыха о ППС-левице). Б. Я. Табачников подробно изучил большевистские периодические издания. Жаль только, что в статье не сопоставлены данные о забастовочном движении в Польше из большевистской печати с данными из других источников. Статья содержит ценный материал о важной роли большевистской печати в борьбе против национального угнетения Польши и русификаторской политики царизма за единство действий русского и польского пролетариата. Однако большое количество вопро-

сов, затронутых автором, не позволило ему осветить их одинаково убедительно (в частности, вряд ли следовало походя решать вопросы внутрипартийной борьбы в РСДРП и СДКП(Л)).

Статья Г. В. Бердникова «К истории польско-итальянских революционных связей» (вып. 2) посвящена малонисследованной проблеме. Думается, что в ней правильно намечены основные вопросы; приведен конкретный материал первоисточников, извлеченный автором из архивов (правда, показания В. Косовского, занимающие большое место в статье, со ссылками на ЦГИА Литовской ССР уже были опубликованы несколько лет тому назад в сборнике «Русско-польские революционные связи», тт. I и II, совместном советско-польском издании). В целом статья представляется своеобразной заявкой на исследование важного вопроса.

Средневековая польская тематика освещена только в статье Л. В. Волковой «Социально-политические взгляды Яна Кохановского» («Славянский сборник»). Развитие общественной мысли у славянских народов в период феодализма — проблема необычайно интересная; однако, думается, что автору не следовало обходить молчанием имеющуюся историографию вопроса; хотелось бы также, чтобы в статье нашел какое-то подкрепление вывод о том, что Кохановский был «пламенным борцом» за экономические преобразования; кажется сомнительным, не будучи в статье никак обоснован, тезис о совпадении (хотя бы и частичном) воззрений шляхты и идеалов народных масс в сфере общественных отношений.

Солидным вкладом в историческую науку представляются помещенные в сборниках статьи Г. И. Липатниковой из средневековой истории Чехии. В статье «К истории основания Пражского университета» («Славянский сборник») последовательно проведена мысль о том, что создание университета диктовалось ходом общественного развития Чехии и прежде всего — нуждами феодальной монархии, являясь важной задачей политической программы Карла IV. В другой статье Липатниковой об изучении гуситского движения в русской исторической литературе 1840—1870-х годов (вып. 1) показано развитие русской историографии гуситизма в связи с политическими событиями и расстановкой социальных сил. Доклад, сделанный ею на заседании Ученого совета исторического факультета ВГУ совместно с кафедрой

истории ВГПИ, посвященном памяти Яна Гуса, выходит за рамки простого юбилейного выступления (вып. 1). В нем подводится своего рода краткий итог всему предшествующему изучению деятельности и системы взглядов Гуса. Единственно, что здесь нам представляется недостаточно продуманным, — это показ отношения Гуса к сословному строю, что, впрочем, скорее всего объясняется неразработанностью проблемы сословий вообще в нашей исторической литературе.

В сборниках имеется еще две статьи по истории Чехословакии: «Из истории советско-чехословацких культурных отношений» (об очерках Ю. Фучика) Т. И. Баскаковой, носящая скорее литературоведческий характер (вып. 2), и статья Ю. Ф. Иванова о работах А. Н. Ясинского по истории Чехии (там же). Сопоставляя точку зрения Ясинского на генезис чешского феодализма и его оценку немецкой колонизации с концепциями других буржуазных историков, Ю. Ф. Иванов показывает большой вклад, внесенный русским ученым в богемистику.

Всем сказанным не исчерпывается содержание сборников. В них нашлось место и для освещения проблем, связанных с историей народов СССР. За исключением сообщения И. А. Задонского о «Священной артели» (вып. 1), все посвященные этой проблематике статьи построены на анализе материала археологических раскопок и принадлежат двум авторам: А. Н. Москаленко и А. Д. Прихину. Значительным объемом и широтой выводов выделяется работа Москаленко «О возникновении древнерусских поселений на Дону» (вып. 2). Наверное, можно оспаривать правомерность помещения в сборниках этого рода материалов, но надо думать, что издатели, вообще достаточно последовательные в отборе материала, имели на то веские основания; явно выпадает из славяноведческой тематики только статья Е. К. Захарченко о деятельности вождей немецкого пролетариата (вып. 2).

Обстоятельные рецензии в разделе «Критика и библиография», своевременные и хорошо написанные заметки в разделе «Хроника» (хотя в его настоящем виде ему более подошло бы название «in memoriam») делают воронежские сборники еще более ценными. Остается только пожелать их издателям продолжать столь успешно начатое и полезное дело.

*И. М. Белянская, Л. В. Горина,
Е. С. Макова*

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ЮГОСЛАВСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

С 1965 г. отдел истории югославского рабочего движения Института по изучению рабочего движения в Белграде издает постоянно выходящий сборник «История рабочего движения». Ответственный редак-

тор сборника — видный югославский историк П. Морача, в редколлегню входят Д. Вйбер, Д. Биланджич, С. Дмитриевич, С. Милосавлевски, Б. Петранович и Д. Живкович.

В редакционном предисловии отмечается, что целью сборника является прежде всего публикация монографических статей, посвященных отдельным, относительно узким вопросам, имеющим, однако, значение для разработки более крупных тем.

Еще в 1962 г. был принят перспективный план разработки истории югославского рабочего движения, на основе которого строится теперь вся научная деятельность как отдела истории югославского рабочего движения Белградского института, так и соответствующих отделов институтов рабочего движения в республиках СФРЮ. В качестве конечной цели план предусматривает выпуск много-томного обобщающего труда по истории югославского рабочего движения. Непосредственная работа по созданию такого труда мыслится как второй этап в исследованиях, проводимых в институтах рабочего движения большим коллективом югославских историков и социологов. Пока же, на первом этапе, идет изучение отдельных, прежде всего наиболее важных проблем истории рабочего и революционного движения, социалистической революции и строительства социализма в Югославии. Результаты исследований, проводимых на первом этапе, и публикуются на страницах нового сборника.

В первых трех номерах, вышедших в 1965—1966 гг.¹, опубликовано 19 работ. Не вдаваясь в их анализ и оценку (каждая такая монографическая статья требовала бы отдельной рецензии), посмотрим лишь, какова проблематика и общий характер публикуемых исследований, поскольку это, очевидно, в какой-то мере отражает степень разработанности истории югославского рабочего движения на нынешнем этапе ее изучения, а также определяет лицо самого издания.

Почти все помещенные в сборнике работы посвящены новейшему периоду, до сих пор менее всего исследованному в истории югославского рабочего движения. Отсутствуют сюжеты, относящиеся к концу XIX в., а начало XX в. представлено лишь статьей С. Кесича «Отношение сербской социал-демократии к рабочему движению Боснии и Герцеговины до 1908 г.» (№ 2). Такое внимание к новейшей истории рабочего движения само по себе делает новое издание особенно интересным.

Однако распределение тематики, так сказать «внутри» этого периода, далеко не одинаково. Половина работ посвящена различным проблемам югославского рабочего и революционного движения в межвоенные годы, треть — народно-освободительной войне и народной революции и лишь одна шестая — послевоенному

времени. В одних случаях — это результат общего положения в югославской исторической науке (что касается, например, послевоенного периода), в других — свидетельство, видимо, особого внимания «Истории рабочего движения» к определенным темам (как произошло с периодом между двумя мировыми войнами).

Из проблематики межвоенного двадцатилетия особое внимание уделено сюжетам, связанным с мощным революционным подъемом 1918—1920 гг., которые в последнее время стали занимать все большее место в югославской исторической литературе. Здесь в центре исследования — острая идейная и политическая борьба между реформизмом и революционным направлением, ставшая в условиях краха социал-демократизма и образования Коммунистической партии Югославии стержнем развития югославского рабочего движения. Эти проблемы рассматриваются в статье Д. Живковича «Борьба против реформистов в рабочем движении Хорватии и Славонии (апрель 1919— август 1920)» (№ 1) и в обширной работе В. Ковачева «Идеологическая и политическая борьба в рабочем движении Хорватии и Славонии 1917—1919 гг.», из которой опубликована пока лишь первая часть, затрагивающая события с мая 1917 по май 1918 г. (№ 3). При всей важности поднимаемых в этих работах проблем нельзя, однако, не заметить, что борьба между различными течениями в рабочем движении за пределами Хорватии, в других частях Югославии, не нашла пока отражения на страницах сборника.

Что касается других проблем этого периода, то в новом издании нашел освещение лишь один довольно узкий вопрос об участии женщин в рабочем движении этих лет, рассматриваемый в статье Й. Кецман (№ 2).

Весьма скупо — только двумя статьями — представлена в первых трех номерах сборника проблематика югославского рабочего движения 20-х годов. К тому же только одна из них — работа Д. Живковича «Деятельность Спмы Милюша в рабочем движении и КПЮ до 1925 г.» (№ 3) — в определенной мере затрагивает внутренние процессы в югославском рабочем движении и компартии. Статья же М. Николича посвящена солидарности югославского пролетариата с борьбой болгарских рабочих и крестьян в 1923 г. (№ 2).

Полнее представлены на страницах сборника 30-е годы. М. Босич в двух статьях рассматривает сравнительно важные моменты в деятельности КПЮ, когда партия стала вновь превращаться в серьезную политическую силу: усилия КПЮ по созданию Единой рабочей партии в 1935 г. (№ 3) и деятельность коммунистов в связи с парламентскими выборами 1938 г. (№ 2). Другие две статьи, написанные М. Васичем, посвящены развитию Союза коммунистической моло-

¹ «Istorija radničkog pokreta». Zbornik radova, № 1, Beograd, 1965, 396 s.; № 2, Beograd, 1965, 458 s.; № 3, Beograd, 1966, 378 s.

дежи и прогрессивного молодежного движения в Югославии в 1933—1934 гг. (№ 2) и движению югославской молодежи в защиту мира в 1936 г. (№ 3).

Едва ли какой-нибудь другой сюжет привлеч на протяжении послевоенных лет большее внимание югославских историков, чем освободительная война и народная революция 1941—1945 гг. В материалах, опубликованных в «Истории рабочего движения», этот период представлен также довольно полно, хотя, возможно, и скромнее, чем следовало ожидать. Помещенные в сборнике работы затрагивают в основном две относительно малоизученные темы. Первая — подготовка и начало восстания 1941 г. Ей посвящены статьи Д. Кеича «Подготовка к восстанию в Воеводине в 1941 г.» (№ 3) и Б. Ковачевича и С. Скоко «Июньское восстание 1941 г. в Герцеговине» (№ 1). Другая — организация жизни на освобожденных территориях — рассматривается в статьях Н. Живковича, который исследует деятельность органов народно-освободительного движения на освобожденных территориях в 1941 г. (№ 1), С. Милошевича — об освобожденной территории с центром в Фоче в первой половине 1942 г. (№ 2) и М. Огризовича — об организованной органами народной власти системе просвещения и воспитания молодого поколения в Хорватии

в 1943—1944 гг. (№ 3). К периоду освободительной войны относится также работа П. Качавенды «Кризис четнического движения Дражи Михайловича во второй половине 1942 г.» (№ 1).

В сборнике помещены интересные и содержательные работы одного из пионеров в изучении послевоенной истории Югославии Б. Петрановича, посвященные методологии и организации исследования (№ 1), периодизации (№ 2), проблеме источников (№ 3). Можно только сожалеть, что такого рода вопросы подняты на страницах нового издания лишь в связи с послевоенным периодом.

Отметим в заключение, что почти все статьи, опубликованные в первых трех номерах «Истории рабочего движения», базируются на солидном, преимущественно совершенно новом документальном материале — архивах, прессе и т. д. Но в то же время в большинстве работ, как правило, отсутствуют значительные обобщения (исключение составляют статьи Петрановича и Качавенды; трудно пока что-либо сказать о работе Ковачевича, поскольку опубликована лишь ее первая часть). Тем не менее материалы, вошедшие в новое издание, внесли заметный вклад в изучение истории югославского рабочего движения.

Л. Я. Гибианский

J. DOLEŽAL. *Jediná cesta*. Praha, 1966, 324 s.

И. ДОЛЕЖАЛ. *Единственный путь*

Новая книга известного чехословацкого историка, перу которого принадлежит ряд монографических работ по истории движения Сопротивления¹, посвящена вопросам возникновения и развития вооруженных форм борьбы чешского народа против нацистов в годы войны, а именно партизанскому движению и Майскому восстанию 1945 года. Большое внимание в этой связи автор уделил анализу таких форм сопротивления, как диверсии и саботаж, рассматривая их в качестве важных предпосылок развертывания вооруженной борьбы с захватчиками.

Автор отмечает, что осуществляя акты диверсий и саботажа на предприятиях и железных дорогах, диверсионные группы приобретали боевой опыт, позволивший им в дальнейшем превратиться в партизанские группы и отряды. Однако долгое время развитие партизанского движения в Чешских землях задерживалось рядом объективных и субъективных факторов. Здесь наряду с отсутствием

опыта партизанской борьбы и разрозненностью сил движения Сопротивления, определенную роль играло психологическое воздействие фашистского террора, а также призывы буржуазной эмиграции к воздержанию от открытых выступлений против оккупантов.

Едва ли можно согласиться с автором в том, что в первый период войны «в известной степени преобладало идеологическое влияние буржуазии» (стр. 52). Если это утверждение можно считать верным по отношению к мелкобуржуазным слоям, принимавшим участие в мирных манифестациях, проходивших с согласия нацистов, то значительное количество забастовок в 1939 и 1940 гг. свидетельствует о преобладающем влиянии КПЧ на рабочих.

Автор отмечает наличие в стране двух концепций развития движения Сопротивления — буржуазной, для которой был характерен расчет на пассивное ожидание победы западных держав, и революционной, проводившейся в жизнь коммунистами.

В подъеме движения Сопротивления на новую высшую ступень, по справедливому мнению Долежала, первоочередную заслугу имела деятельность КПЧ. Именно с деятельностью КПЧ автор связывает увеличение числа актов саботажа и ди-

¹ И. Долежал является автором двух крупных монографий: «Slovenské národné povstanie» и «Medzinárodná solidarita v slovenskom národnom povstaní» (в соавторстве с И. Грозивенчиком), публикаций документов и большого числа статей.

версий на предприятиях и железных дорогах, что имело важное значение в период напряженных боев на советско-германском фронте.

Большое место И. Долежал уделяет вопросу о роли в чешском движении Сопротивления советских людей (бежавших военнопленных и гражданских лиц, мобилизованных на работу в Германию), подчеркивая их чувство ответственности за судьбы родины и человечества, высокое сознание личного и интернационального долга в борьбе с общим врагом (стр. 100).

Советские люди находили широкую поддержку у местного населения, которое кормило и укрывало их от нацистов. Подавляющее большинство оказавшихся на территории Чехословакии советских людей вступило в партизанские группы, нередко проявляя и собственную инициативу в создании партизанских групп и отрядов.

Характеризуя роль в движении Сопротивления советских людей, И. Долежал пишет: «Бывших военнопленных мы найдем во всех звеньях движения Сопротивления — в подпольных коммунистических группах, в военных подпольных подразделениях, в организациях с революционной программой движения и в других — с программой менее радикальной» (стр. 110).

Автор приводит много имен советских людей, активно участвовавших, в том числе — героически погибших, в борьбе с врагом: среди них — офицеры Советской Армии Казанков, Майков, Петров, Жуковский, Брускин, Кудрявцев, А. Николаичик, прославленный подпольщик С. П. Везденев и другие. Автор приходит к обоснованному выводу, что участие советских людей в чешском движении Сопротивления было одним из важных факторов развертывания широкого партизанского движения в Чешских землях.

Касаясь вопроса о помощи десантных групп с Востока (из СССР) и с Запада (из Англии), И. Долежал устанавливает принципиальное различие в их деятельности. Небольшие по численности (2—3 человека) группы из Англии имели своей целью, главным образом, сбор разведывательных данных. Поэтому они не сыграли существенной роли в развитии партизанского движения.

Главной задачей более многочисленных (8—15 человек) советско-чехословацких групп была помощь в организации в стране партизанского движения. Поэтому появление этих групп в конце 1944 и начале 1945 г. в Чешских землях привело к резкой активизации партизанской борьбы. Действия этих групп, по справедливому мнению автора, сыграли огромную роль в преодолении глубокой депрессии, которая постигла чешское движение Сопротивления в связи с террором нацистов после убийства Гейдриха.

И. Долежал показывает также воздействие партизанского движения на формирование новых революционных органов власти — национальных комитетов, находившихся в основном под руководством коммунистов и сплачивавших разные социальные слои нации. Национальные комитеты стали надежными помощниками партизанских отрядов в борьбе против нацистских захватчиков (стр. 194). Он отмечает, что широко развернувшаяся антифашистская борьба, и особенно партизанское движение, оказали решающее воздействие на судьбы будущей республики. Эта борьба способствовала революционной активизации масс и выдвижению ими радикальных требований, включая осуществление национализации важнейших предприятий и банков, проведение земельной реформы и т. п. (стр. 210).

Вместе с тем в книге подчеркивается, что командование партизанских отрядов, возглавляемых советскими людьми, поддерживалось от вмешательства в решение дел, касающихся будущего политического устройства страны (стр. 226).

В заключительной главе книги показана роль партизанских отрядов в осуществлении Майского восстания 1945 г. в Чехии и Моравии. Автор отмечает, что накануне восстания в Чешских землях действовало около 120 партизанских групп и отрядов общей численностью в 7500 бойцов (стр. 179). Они составили ядро вооруженных сил восставшего народа.

Автор останавливается на слабых сторонах партизанского движения в Чешских землях: его большой организационной раздробленности, отсутствии единого руководящего военного центра, в результате чего так и не была создана народная армия ни накануне, ни в ходе народного восстания.

В основном выводы автора не вызывают возражений. Однако ряд положений, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Едва ли будет правильно утверждать, как это делает автор, что для оппозиционной части буржуазии, то есть в первую очередь буржуазной эмиграции, возглавляемой Бенешем, было характерно стремление пойти на все уступки революционному крылу движения Сопротивления (стр. 316). Здесь автор явно находится под влиянием распространенного сейчас в чехословацкой историографии взгляда на Бенеша, как на дальновидного и радикального деятеля. Требуют серьезной проверки и уточнения данные о размерах партизанских отрядов, которые во многих случаях значительно преувеличены.

В целом книга является серьезной, политически актуальной, научной работой. Собранные автором обширные материалы об участии советских людей в движении Сопротивления делают книгу особенно интересной для советских читателей.

А. И. Недорезов

МОНОГРАФИЯ О КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ

Крестьянское движение в Королевстве Польском в пореформенный период — одна из важных и сложных проблем истории польского народа во второй половине XIX в. — оставалось до последнего времени слабоизученным. Лишь отдельные его вопросы в той или иной мере затрагивались или рассматривались в научных и публицистических работах. Вышедшая недавно книга Гелены Бродовской «Крестьянское движение в Королевстве Польском в 1864—1904 гг.»¹ является первой и, на наш взгляд, удачной попыткой глубокого и всестороннего освещения этой проблемы. Автором были внимательно изучены литература вопроса, опубликованные источники, документальные материалы польских и советских архивов, периодическая печать.

В монографии Г. Бродовской раскрывается глубокое недовольство широких масс крестьян аграрной политикой царизма. Крестьяне добивались возвращения отнятых у них земель, увеличения своих наделов, противились измерению и размежеванию земель, самовольно пользовались помещичьими пастбищами и лесами. При этом нередко происходили острые столкновения крестьян с помещиками и властями. По данным автора, в 1864—1871 гг. крестьяне около 80 деревень отказывались принимать ликвидационные таблицы, в которых фиксировались их поземельные права; в то же время было 79 случаев сопротивления крестьян проводимым измерениям и разграничениям наделных и помещичьих земель (стр. 30, 32). В 1864—1904 гг. в связи с измерением и размежеванием земель состоялось 270 значительных выступлений крестьян в 207 деревнях (стр. 58). Немало было в те годы и случаев захвата крестьянами помещичьих земель и построек. Только в трех повятах Петровской губернии произошло 44 таких случая (стр. 44). Анализируя эти выступления, автор вскрывает основные тенденции и формы аграрного движения и справедливо указывает, что приводимые им данные далеко не исчерпывают ни разнообразия, ни размаха борьбы крестьян за землю.

Одной из важнейших форм аграрного движения, говорится в книге, была борьба крестьян за сервитуты. В условиях малоземелья право крестьян пользоваться некоторыми помещичьими угодьями имело важное значение для их хозяйства, и крестьяне стремились сохранить и по возможности расширить свои сервитутные права. Помещики же, напротив, были заинтересованы в ограничении

сервитутов и скорейшей их ликвидации на выгодных для себя условиях. Ликвидация сервитутов производилась по добровольному соглашению сторон, заупражняемые сервитуты крестьяне получали определенное количество земли. Основываясь на некоторых данных, автор утверждает, что вознаграждение за отменяемые сервитуты возрастало и на рубеже XIX и XX вв. оно увеличилось по сравнению с 70-ми годами почти в три раза (стр. 105—106). К подобному выводу пришел и Кшиштоф Гронёвский, изучавший аграрные отношения в Королевстве Польском в 1871—1914 гг.² Это положение, на наш взгляд, требует дополнительных доказательств. Вывод об увеличении вознаграждения за сервитуты делается, главным образом, на основании размера участка земли, получаемого крестьянами, при этом, однако, остается неизвестной величина или ценность упраздняемого сервитута, а также ценность земельного участка. А без этих данных едва ли можно сделать такое заключение.

Много внимания в книге уделяется отношению крестьян к гминному управлению и гминным судам. Отметив полицейско-бюрократические черты местного управления, автор далее рассматривает различные формы протеста крестьян против гнета и произвола низших административных, полицейских и судебных властей. Уклонение крестьян от участия в гминных и сельских сходах, жалобы в связи с неутверждением властями в должности лиц, избранных крестьянами, протесты против назначения войтов и писарей, требования замены неугодных крестьянам должностных лиц гминного и сельского управления, жалобы на действия войтов и солтысов и решения гминных судов, неисполнение постановлений сходов и судов и распоряжений солтысов и войтов, отказ от уплаты гминных сборов, сопротивление при занятии имущества на покрытие недоимок и другие подобные действия крестьян были характерными и наиболее распространенными формами их борьбы против существующей системы управления и насилия царских властей. Автор констатирует некоторое оживление гминной деятельности в конце 80-х годов и на рубеже XIX—XX вв. в связи с ростом сознательности крестьян, активизацией борьбы за подлинное самоуправление и успешным национально-освободительных стремлений.

² K. Gronowski. Kwestia agrarna w Królestwie Polskim. 1871—1914. Warszawa, 1966. См. также нашу рецензию: «Советское славяноведение», 1967, № 3, стр. 84.

¹ H. Brodowska. Ruch chłopski po uwłaszczeniu w Królestwie Polskim. 18 4—1904. Warszawa, 1967, 388 s.

Обстоятельно показаны в книге положение сельской школы и отношение к ней крестьян. Касаясь политических целей указа 1864 г. о начальном образовании, автор указывает на стремление царизма использовать школу для привлечения крестьян на свою сторону и воспитания подрастающего поколения в духе покорности и преданности существующему режиму. Начальные школы в деревне содержались за счет гмин и сельских обществ и лишь в отдельных случаях правительство выдавало пособие для устройства училищ. Предусматривалось участие гминного и сельского управления в заведывании школами. На первых порах, как отмечается в монографии, крестьяне, заинтересованные в обучении своих детей, устранили школы и по возможности обеспечивали их всем необходимым. Однако начавшаяся вскоре русификация школы и ограничение общественных начал в школьном деле изменили позицию крестьян. Сократилось число школ и учащихся, во многих местах крестьяне отказывались вносить причитающуюся училищную складку, а попытки властей взыскать недоимки встречали подчас сильное противодействие со стороны крестьян. Вместе с тем значительное распространение получило тайное обучение детей. В деревнях создавались и некоторое время действовали тайные школы, в которых обучалось иногда до 20 и более детей. Автору удалось выявить 67 таких школ в Келецкой губ., 49 — в Петровской, 203 — в Радомской, 18 — в Люблинской, 39 — в Плоцкой, 55 — в Калишской губ., существовавших в 1870—1904 гг. Это, разумеется, далеко не полные данные, но и они убедительно свидетельствуют о размахе этой формы начального образования. Тайным обучением занимались учителя, удаленные из казенных школ, грамотные крестьяне и крестьянки, учащиеся школ, оставшие солдаты и т. п. Занятия в школах были нерегулярными, и уровень обучения в них был низким. Власти преследовали тайное обучение, обнаруженные школы закрывались, а учителя и устроители школ подвергались штрафам и другим наказаниям.

В монографии содержатся интересные данные о влиянии восстания 1863 г. на развитие национального и классового

сознания крестьян. Живая память о восстании пробуждала и укрепляла национальные чувства, усиливала антицаристские настроения и национально-освободительные стремления. Однако часть крестьян, связывавшая повстанческое движение с произволом шляхты, относилась сдержанно или неблагоприятно к национально-освободительному движению. Обнаруживаются в деревне и следы деятельности эмигрантских организаций: в высказываниях крестьян отражались идеи и надежды различных групп политической эмиграции.

Глубоко освещен вопрос об отношении крестьян к царю. Анализ материалов показывает, что указы 1864 г. способствовали росту иллюзий о добром царе среди многих крестьян. В дальнейшем крестьяне на собственном опыте все более убеждались в ошибочности этих представлений. Их борьба за улучшение своего положения объективно имела антицаристский характер. Вместе с тем крестьяне часто открыто выражали свое враждебное отношение к царю, оскорбляли его бранными словами. По неполным данным, только в 1867—1881 гг. было свыше 320 таких случаев (стр. 303). Однако среди части крестьян сохранялись надежды на перемены к лучшему при новом царе.

При рассмотрении крестьянского движения автор учитывает социальную дифференциацию и отмечает различия в позиции отдельных слоев крестьян. Хотелось бы, однако, чтобы этому вопросу было уделено больше внимания. По мере развития капитализма, как нам кажется, все более усиливались противоречия в общем движении крестьян. Не получило в книге должного освещения и отношение крестьян к государственному налогам и поборам — отказ крестьян вносить подати и сопротивление при взыскании недоимок являлись одной из важных форм крестьянского движения той поры.

В заключении книги автор указывает на большое значение крестьянского движения для развития аграрных отношений и общественно-политической жизни в деревне. Богатая материалами и новыми выводами монография Г. Бродовской является ценным исследованием.

И. Костюшко

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ. Политика. Подготовил к печати В. В. Зеленин. Перевод и комментарий А. Л. Гольдберг. Под редакцией академика М. Н. Тихомирова. «Наука», 1965, 736 стр.

Издательство «Наука» выпустило в свет труд Юрия Крижанича «Политика». Книга представляет собой изданный с переводом и комментарием публицистический трактат известного хорватского уче-

ного и общественно-политического деятеля Юрия Крижанича «Беседы о правлении» или «Razgovori ob vladatelystwie», написанный им в 1663—1666 гг. в Тольське, в период сибирской ссылки.

Трактат состоит из разных завершенных и незавершенных произведений, предназначенных для отправки в Москву царю Алексею Михайловичу¹.

В «Политике» Юрий Крижанич выступает перед нами как патриот, дальновидный политик и, одновременно, — как крупный писатель, стилист, написавший свое сочинение на искусственном, им впервые созданном «всеславянском» языке, лексика которого состоит из общеславянских, церковнославянских, русских, сербско-хорватских и польских слов.

Значение «Политики» как исторического источника и литературного произведения трудно переоценить. Открытое П. А. Безсоновым в 1857 г. в Синодальной библиотеке, это сочинение Юрия Крижанича было опубликовано в приложении к журналу «Русская беседа» в 1859 г. и в виде двухтомника в 1859—1860 гг.² Оба издания, воспроизводившие примерно $\frac{3}{5}$ сборника Крижанича, давно стали библиографической редкостью. К тому же, эдичионные приемы П. А. Безсонова, с точки зрения современной текстологии, были несовершенны: оригинал, написанный латиницей, передавался в кирилловской транскрипции; в подстрочных примечаниях давались выборочно лишь отдельные варианты и разночтения; в некоторых случаях допускалась произвольная перестановка отрывков текста, что иногда создавало путаницу и затрудняло чтение.

Настоящее издание представляет собой по сути дела первое научное воспроизведение латинского авторского текста с сохранением большинства особенностей правописания, в том числе слитного написания союзов и частиц с соподчиненными словами, с раскрытием титулов широко употребительных слов в соответствии с их преимущественным написанием в рукописи. Все исправления, словозамены, добавления и примечания Юрия Крижанича на полях всегда тщательно отмечаются издателями в подстрочных примечаниях, что позволяет следить за творческим процессом работы Юрия Крижанича, многократно правившего и редактировавшего свой текст. В «Политике» много раз цитируются библейские тек-

сты, сочинения античных европейских авторов. Как правило, все эти цитаты отмечаются в издании в тексте и в подстрочных примечаниях.

У неискущенного читателя может возникнуть мнение, что перед издателем «Политики» Юрия Крижанича стояла сравнительно простая задача: точно воспроизвести текст единственно сохранившейся рукописи, не обращаясь к сличению ее с другими текстами. Однако достаточно посмотреть на факсимиле стр. 78, 86 и 206 рукописи, приведенных в издании, чтобы убедиться, какие огромные трудности пришлось преодолеть В. В. Зеленину для того, чтобы разобратся в многократных авторских правках и дополнениях, делающих почти каждую страницу рукописи трудночитаемой. Здесь требовалось поистине огромное упорство, кропотливость, тщательность, внимание и большие палеографические и лингвистические познания, для того чтобы не только транскрибировать текст, но и критически его прочитать.

К сожалению, во вступительной статье к изданию, почему-то помещенной в конце (на стр. 695—700) книги, дается лишь беглое палеографическое описание основной рукописи. В этом описании имеются пробелы: так, отсутствуют указания на количество букв в строке (в среднем), на размер страницы, ничего не сообщается о владельческих приписках, пометах, наклейках, штампах, старых номерах, которые так важны для определения внешней истории рукописного сборника. Филадельфийские рукописи характеризуются слишком бегло и с отсылками только на альбомы Тромонина и Лихачева, без привлечения иных альбомов-справочников: Черчилля, Хивуда, Гераклитова. Филадельфия «Щит с крестом» (стр. 1—140, 161—280 рукописи) вообще не идентифицирована ни с одной из известных или близких к ней филадельфийских.

Настоящее издание «Политики» ценно не только для историков и литературоведов, но и для лингвистов, так как впервые дает исследователям добротный, апробированный текст: А. А. Шахматов, М. Г. Долобо, Т. Экман строили свое исследование «Политики» на недостаточно точном издании П. А. Безсонова. Остается надеяться, что, располагая настоящим изданием и рукописным подлинником, будущие лингвисты и палеографы составят исчерпывающую характеристику языковых особенностей рукописи и по достоинству оценят вклад Юрия Крижанича в славянское языкознание XVII в.

Перевод «Политики» на современный русский язык, сделанный А. И. Гольдбергом, еще одно свидетельство в пользу необходимости критического перевода памятника, активного отношения переводчика к тексту. Логичность и вместе с тем изящность слога хорватского писателя современный читатель русского перевода

¹ Наличие в рукописи Крижанича, наряду с «Беседами о правлении», исторических очерков, полемических трактатов, аллегорических притч и других фрагментов свидетельствует, вопреки мнению Л. М. Мордуховича (Л. М. М о р д у х о в и ч. Неопубликованный трактат Юрия Крижанича. — «Советское славяноведение», 1966, № 2, стр. 66, прим. 6), что эта рукопись состоит из близких друг к другу по содержанию, но разных по форме сочинений Крижанича.

² Ю р и й К р и ж а н и ч. Русское государство в половине XVII в., ч. 1—2. М., 1859—1860.

«Политики» чувствует вполне, не переставая, вместе с тем, поражаться необыкновенной эрудиции Юрия Крижанича, глубине и смелости его суждений.

Заслуживает одобрения принцип подхода переводчика к особо трудным терминам в области права, военного дела и т. п., которые либо «изобретены» Юрием Крижаничем, либо относятся к числу редко встречающихся в русской письменности. Так, А. Л. Гольдберг, сохраняя в тексте такие слова, как «чужебесие», «гостогонство», «мудроборцы», «людодерство», придает переводу своеобразный колорит, приближающий русский текст к подлиннику. В этой связи хочется сказать о необходимости составления в будущем особого словаря наиболее употребительных Юрием Крижаничем слов.

Мы надеемся, что вслед за переводом А. Л. Гольдберга появятся и другие переводы «Политики» и, в первую очередь, на сербско-хорватский язык³.

Большую и полезную для читателей работу проделал А. Л. Гольдберг по составлению интересного и ценного комментария к «Политике» Юрия Крижанича. В настоящее время работа по комменти-

рованию «Политики» не завершена. Исследователям предстоит найти немало интересного. Так, например, невыясненным остается значение военных терминов *Chegéster*, *Punyál*, *Túlích*, *Bradatka*, *Karwas*; можно также спорить, какой народ имеет в виду Ю. Крижанич под «черкасами»: украинцев или кавказцев и т. п.

Одним из серьезных недостатков настоящего издания мы считаем отсутствие вступительной статьи, в которой давалась бы развернутая характеристика литературной и общественно-политической деятельности Юрия Крижанича, сообщались бы основные факты его биографии. Обидно, что в таком солидном и полезном издании отсутствуют именной, географический и предметный указатели. Снижает ценность издания и отсутствие в нем перечня сочинений Юрия Крижанича и хотя бы краткого рекомендательного списка литературы о хорватском писателе⁴.

Несмотря на ряд высказанных выше критических замечаний, издание В. В. Зелениным и А. Л. Гольдбергом «Политики» Юрия Крижанича следует высоко оценить. Это издание, несомненно, будет способствовать дальнейшему плодотворному изучению творчества Крижанича.

³ Вряд ли следует считать удачным перевод отрывков из «Политики» на сербско-хорватский язык по изданию П. А. Безсонова, выпущенный в свет в Югославии в 1947 г. См. J. Križanić. *Politjka ili razgovori o vladalaštvu*. Preveo M. Malinar. Uvod V. Bogdanova. Zagreb, 1947.

⁴ В настоящее время насчитывается свыше 160 научных работ на русском, сербско-хорватском, английском, немецком, французском, чешском, польском, голландском и итальянском языках, посвященных Юрию Крижаничу.

Ю. К. Бегунов

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «ПОЛИТИЧЕСКИХ ДУМ» Ю. КРИЖАНИЧА

П. А. Безсонов более ста лет тому назад впервые ознакомил читателей с главным произведением ученого хорвата. Эта публикация, вызвавшая у исследователей огромный интерес, не ослабевавший до настоящего времени, имеет существенные недостатки и к тому же давно уже стала библиографической редкостью. Поэтому новое академическое издание сочинения Крижанича встречено советской и мировой общественностью с большим удовлетворением.

Одним из крупных недостатков издания Безсонова являлось то, что в нем часть рукописи, написанная Крижаничем на своеобразном «славянском языке» латиницей, была дана в кирилловской транскрипции. Новое издание воспроизводит текст по автографу и имеет большой палеографический аппарат.

Статья В. В. Зеленина, напечатанная в конце книги, содержит необходимые археографические сведения о рукописи Крижанича и поясняет особенности публикации, которая отражает «процесс работы автора над сочинением, а также

последующую его редакцию» (стр. 696—697). Кроме того, в ней (стр. 698—700), а также в комментариях к переводу (стр. 701) даются разъяснения, касающиеся особенностей языка Крижанича.

Тем не менее новое издание труда Крижанича не освобождает от необходимости обращения к рукописи и не заменяет полностью публикации Безсонова. Последний из 778 страниц автографа напечатал всего 465, а настоящее издание охватывает материал, содержащийся только в первой части безсоновского издания, то есть 289 страниц рукописи.

Необходимость обращения к рукописи вызывается уже самим ее названием. Безсонов дал всему манускрипту, не имеющему названия на титульном листе, произвольное наименование «Русское государство в половине XVII века» (ч. I, М., 1859; ч. II, М., 1860), но правильно его рассматривал как единое произведение. В новом издании основное произведение Крижанича выпущено под условным названием «Политика» (стр. 6), хотя в разных местах рукописи Крижанич

давал наименованше своему труду «Беседы о правлении», «Политические думы» (изд. Безсонова, ч. II, стр. 3), «Размышление о пароде» («Политика», М., 1965, стр. 104), «О делах славянских» (копия рукописи, лист 1, ЦГАДА, ф. 184, ед. хр. 1409).

Нельзя согласиться с автором комментариев, что сочинение «Беседы о правлении», именуемое часто в литературе «Политика», якобы «является частью большого сборника, написанного Крижаничем» (стр. 702), то есть содержит материал первой книги в издании Безсонова. Достаточно указать, что кроме Безсонова рукопись Крижанича как цельное произведение рассматривал С. Белокуров, называя ее «Политикой» и под названием «Политика» в 1947 г. в Загребе были изданы с пропусками обе книги безсоновского издания в переводе на хорватский язык.

«Беседы о правлении» А. Л. Гольдбергом рассматриваются как «законченное», «самостоятельное произведение», представляющее собой «беловой список», подготовленный «для отправки в Москву» (стр. 702). Где же в таком случае черновой список рукописи, о котором никто и никогда не упоминал. В статье В. В. Зеленина, напротив, правильно подчеркивается, что «рукопись „Политики“ является единственным экземпляром этого сочинения Крижанича» (стр. 696). О том, что рукопись предназначалась для отправки царю в Москву, мы узнаем из «Proloquium», находящегося на стр. 290 рукописи, не вошедшей в новое издание «Политики», где автор и называет весь манускрипт «Политические думы».

Рецензируемая публикация отнюдь не является «самостоятельным» и тем более «законченным» произведением, так как по всей рукописи, на что указывает и Зеленин (стр. 696), проходят сделанные автором вставки и дополнения с указанием о перенесении с конца ее в начало и наоборот целых параграфов и даже разделов. Так, например, текст с конца 604 и начала 605 стр. перенесен на стр. 234 в качестве § 55, раздела 32, ч. III (см. стр. 296, прим. 1). Текст стр. 605, начиная со слов «Nostrum regale officium...», вся стр. 606 и стр. 607, кончая фразой «Quid enim est Kraly...», по указанию автора, должны быть перенесены на стр. 229 и составят продолжение § 49, раздела 32, ч. III¹. На стр. 724, поместив маргинальную надпись: «Ignavia et Armatuza inertia», Крижанич отсылает к стр. 67, где помещены § 5—7, раздела 4, ч. II «O Woiâkesh» (см. стр. 81). На стр. 519 автор отсылает к страницам 135 и 235 рукописи и т. д. Не убедительной является ссылка на Сильвестра Медведева (702—703), написавшего на внутренней стороне верхней обложки руко-

писи «Полололатинская о разделах», так как Крижанич называл в ней разделами не «отдельные статьи» (703), а главы, на которые разбита и так называемая комментатором «законченная» часть рукописи.

Неопубликованная часть рукописи по своему содержанию представляет собой структурно не оформленный материал, относящийся к трем основным частям произведения: «О богатстве», «О силе», «О мудрости» и позволяющий их глубже уяснить. Этот материал в комментариях неправильно рассматривается как «новые сочинения» и разбивается искусственно на десять «четко разграниченных частей» (702). Так, отнесенные к десятой части «Экономические статьи» (702) находятся в действительности в разных местах рукописи и в них развиваются идеи, содержащиеся в 1-й части «Политики» под названием «О богатстве», а также в § 35, 36, раздела 32, ч. III и других разделах². То же относится и к любой другой «части», отнесенной комментатором к «новым сочинениям».

Читателю не разъясняется, какой материал использован при публикации «Политики». Дело в том, что в рукописи утерян первый лист (две страницы). Он содержал сохранившиеся в копии, а также в фотокопии и опущенные Безсоновым рассуждения Крижанича под названием «De officio boni Regis, Aphorismus» и начало «Predgowôrîe» до второго пункта § 5, вошедшее в издание Безсонова и не сохранившееся ни в копии, ни в фотокопия.

Следовательно, во-первых, при издании «Политики» для напечатания начала «Predgowôrîe» могло быть использовано только издание Безсонова с воспроизведением латиницы. Поэтому, во-вторых, неправомерно был опущен призывающий к единству всех славян эпитаф к рукописи, имеющийся в фотокопии (ЦГАДА, ф. 184, ед. хр. 1408, лист. 2) и напечатанный Безсоновым. В-третьих, также неправомерно было полностью опущено упомянутое начало рукописи «De officio boni Regis, Aphorismus» и лишь оставлены, по Безсонову, заглавие «Razgowori ob wladatelystwu» и дата «1663 aprîlis 15», стоявшие в утерянном листе. Не напечатаны так же, как и у Безсонова, сохранившиеся лишь в фотокопии три варианта оглавления рукописи (Kasalo)³.

В новом издании сделанные Крижаничем на полях приписки без указания, к какому месту они относятся «включены...» в текст либо в конце параграфа, против

¹ Весь этот текст в новом издании напечатан в «Дополнениях» (стр. 363—365).

² См. также опубликованные нами «Вопросы казны». — «Исторический архив», 1958, № 1 и «О недопустимости растраты хлеба». — «Советское славяноведение», 1966, № 2.

³ Архив АН СССР, Ленинград, ф. 134, оп. 2, ед. хр. 275.

которого они приписаны, либо включены в него по смыслу» (696). В ряде случаев лучше, чем у Безонова, продумано включение в текст таких приписок автора. Например, в ч. III раздела 2 под названием «Рассуждение о мудрости, знании и философии» на полях после латинской приписки «Simplicius...» и т. д. (106) помещен § 6 «Знание духовное и мирское», составляющий органическое целое с предыдущим изложением. Крижанич до этого, рассматривая бога лишь в качестве первопричины мира, развивал теорию причинности Аристотеля и приходил к выводу, что философствовать — это значит выяснять на основе опыта, понимаемого им в духе материалистического сенсуализма, причины всяких вещей (105, 459). В связи с этим в § 6 он дает классификацию наук, в которой отделяет философию от богословия. Поэтому в новом издании «Политики» этот параграф правильно включен в текст 2-го раздела, в то время как Безонов совершенно произвольно поместил его в качестве дополнения к разделу 3 и тем самым нарушил стройность изложения.

Однако в других местах включение в текст приписок автора в виде отдельных фраз «по смыслу» как раз нарушает логику изложения⁴. Вместе с тем в опубликованном тексте имеются отступления от указаний автора. На стр. 485 рукописи Крижанич сделал помету о перенесении сюда со стр. 139 всего раздела 17, ч. III «Ob Inogódnom swátaniu», что также свидетельствует о целостности рукописи. Это требование было выполнено Безоновым и оставлено без внимания в новом издании (см. «Русское государство...», ч. I, стр. 221 прим. (а) и «Политика», стр. 175).

Встречаются погрешности в воспроизведении самого текста. В разделе 36 весь § 24 со слов: «Нбо Даниил предсказал...» и т. д. зачеркнут и поэтому он правильно помещен не в тексте, как у Безонова, а в «Дополнениях». Но при этом оказались опущенными две последние фразы этого параграфа: «Nezadowólni, welyu Mirskoiu Oblastiu zachotèli sut i duchowniui oblast nasé prewest (: i ot Rimskije stolici otcúziti :)...» и т. д. (ЦГАДА, ф. 384, ед. хр. 1799, стр. 277). На стр. 48 и 49 «Политики» в § 14 и в конце § 15 дважды напечатана по недосмотру одна и та же приписка, сделанная на стр. 37 рукописи и начинающаяся словами: «Na iéden grád nakínut». Имеются погрешности в воспроизведении текста и в других местах.

Большим достижением нового издания является то, что наряду с текстом подлинника дается полный его перевод на литературный русский язык, а также

наличие комментариев. Однако перевод и комментарии не свободны от существенных недостатков. Приведем некоторые из них. В разделе 1, ч. I (стр. 23) Крижанич по существу выступает с критикой меркантилистического отождествления богатства с деньгами. Он ставит вопрос, какое государство «se cenit hít bogáto» («ценит себя богатым») и отвечает: «Bogáto se mnít» («Богатым мнит себя») государство, в котором добываются «золото, серебро и иные руды». Слова «ценит себя» и «мнит себя» переводчик передает одним и тем же словом «считается», в силу чего полемическая форма изложения принимает утвердительный характер.

В комментариях говорится, что «кмет — крепостной крестьянин», а «крестьянин, селянин, тежак — земледелец; собирательное понятие, охватывающее всех сельских жителей» (стр. 711). Потому естественно было бы ожидать, что термин «кмет» при переводе будет фигурировать в этом прокомментированном значении. Однако А. Л. Гольдберг то воспроизводит его, то заменяет словом «крестьянин», что имеет место даже в одном и том же абзаце (см., например, стр. 414, 456, 469, 576, 612, 613 и др.). Это можно объяснить только тем, что в действительности Крижанич термин «кмет» в зависимости от контекста употребляет двояко: в смысле свободного крестьянина и крепостного. Употребляя этот термин в первом значении, Крижанич «кмета» противопоставляет «рабу». Он совершенно определенно пишет: «Кмет собственно значит то же, что тежак (земледелец. — Л. М.), или селянин, а Раб — постоянный и несвободный слуга...» (изд. Безонова, ч. II, стр. 309. Выделено автором). На стр. 724 сам комментатор признает, что, по Крижаничу, «селяне» — это «вольные крестьяне» и тем не менее вновь здесь же подчеркивает, что от сих Крижанич отличает «крепостных (кметы)», в то время как это прямо противоречит приведенному высказыванию ученого хорвата («кмет ... или селяшпи»).

Крижанич принимал в соображение положение крестьян, существовавшее до их закрепощения, и в разделе 32, § 39 он от имени царя провозглашает «милости крестьянам на будущее (nawrèd)». В переводе же эти высказывания Крижанича передаются как подтверждение царя о сохранении впредь существующего, т. е. крепостного положения крестьян. Слова «усиленные» («ukrèplyeni»), «утверждаем» («utweržàem»), относящиеся к будущим милостям крестьянам, переведены соответственно «подтверждаются», «подтверждаем»; слово «ктерпш» опущено, а после слова «милости» («mílosti») добавлено слово «оказанные», то есть уже предоставленные. В результате такого перевода весь этот абзац звучит как циничная апология Крижаничем крепостничества, именуе-

⁴ См., в частности, вставку на стр. 214 («Non acmulanda...»), которая к тому же неточно переведена с латинского (560).

мого им якобы «милостью», уже оказанной царем крестьянам (ср. стр. 273 и 613). На самом же деле Крижанич считал, что царь должен заботиться «всячески о процветании народа и прежде всего, чтобы все жили безопасно и как подобает свободному гражданину (*libere*) пользовались и наслаждались своим имуществом (*substantiis*)»⁵. В переводе и коммен-

⁵ Ю. Крижанич. Политические думы, ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. 1799, л. 557.

тарнях имеется ряд и других неточностей.

Однако, несмотря на наличие недостатков, в целом мы разделяем мнение академика М. Н. Тихомирова, что новое издание даже части главного произведения Крижанича с переводом на современный русский язык с комментариями и статьямп окажет помощь в деле изучения всего литературного наследия «великого славянского патриота».

Л. М. Мордухович

ИСТОРИЯ БОЛГАРИИ ГЛАЗАМИ ПРОГРЕССИВНЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ¹

Издающийся во Франции ежемесячник «*Les cahiers de l'Histoire*» в номере за май 1966 г. (№ 56) содержит очерк истории Болгарии с древнейших времен до наших дней. Небольшой авторский коллектив в составе Илэра Кюни (*Hilaire Cuny*), Жана Хюгонно (*Jean Hugonnot*) и Бернара Изелэна (*Bernard Iselin*) компетентно и в доступной форме прослеживает многовековую историю болгарского народа. Объясняя причины, побудившие их написать очерк, авторы отмечают, что до сих пор во Франции мало знают болгарский народ и иногда плохо судят о нем, а невежество порождает много предрассудков.

Работа французских историков во многом способствует преодолению этих предрассудков. Очерк написан без предубеждений. Его авторы стремятся показать своим соотечественникам историческое прошлое болгарского народа таким, каким оно было в действительности. Они не остаются равнодушными ни к тяжелым испытаниям и страданиям, нередко выпавшим на долю этого народа, ни к героическим подвигам его мужественных сыновей. Другим характерным моментом является то, что в полном соответствии с исторической истиной авторы показывают тесные русско-болгарские связи, прогрессивную роль русско-болгарской дружбы в истории Болгарии. Вполне естественно также, что в очерке тщательно выделены и основные этапы взаимоотношений французского и болгарского народов, показано все то, что сближало эти народы на протяжении веков. Авторы облегчают французским читателям восприятие материала тем, что приводят многочисленные параллели и сравнения событий из истории Болгарии, Франции и Западной Европы.

«Как нельзя понять историю Франции, абстрагируясь от Парижа — сердца и

мозга страны, — пишут авторы очерка, — так же невозможно предвидеть себе прошлое болгарского народа, не имея постоянно перед глазами Стару-планину, балканские горы, которые во все времена были убежищем и арсеналом для народа, борovéhoго за свою независимость... Именно здесь образовалась болгарская нация...» (стр. 2).

На протяжении 120 страниц журнала прослеживаются исторические судьбы Болгарии. Авторы увлеченно рассказывают о периоде античности, когда местное фракийское население, пережившее эфемерную власть римлян, нашествие готов, гуннов, сарматов и множества других варварских племен, сумело сохранить свою этническую самостоятельность; об изменении этнического состава населения в V—VII вв., когда Балканский полуостров занимают славянские племена, имевшие численное превосходство и ассимилировавшие автохтонов-фракийцев; о замене существовавшей социальной системы рабства и колоната славянской общиной; о союзе семи мизийских славянских племен, образовавшемся в VII в. для отпора Византии и постепенно принявшем характер государства; о зарождении феодализма в VIII в.; о нашествии протоболгар и их растворении в славянской массе; о Первом болгарском царстве и принятии христианства.

Останавливаясь на деятельности славянских просветителей и создании в IX в. славянского алфавита, с которым было связано широкое развитие славянской письменности и становление славянской литературы, авторы сравнивают это историческое событие с положением в странах Западной Европы, где на протяжении не только этого, но и многих последующих веков единственным языком, на котором составлялись книги, все еще продолжала оставаться латынь. Достижение полной языковой самостоятельности в самом начале средневековья, — подчеркивают авторы, — помогло болгарскому народу сохранить свою национальную самобытность. Ныне славянским

¹ «*La Bulgarie des origines à nos jours*». Par Hilaire Cuny, Jean Hugonnot, Bernard Iselin et la collaboration de Camille Drevet. — «*Les cahiers de l'Histoire*», 1966, № 56.

алфавитом пользуется более 200 миллионов человек (стр. 22).

Шаг за шагом прослеживают авторы историю первого болгарского государства, его расцвет при царе Симеоне, его падение и подчинение Византией. В работе анализируются социально-экономические причины мощного антифеодального крестьянского движения в форме религиозной ереси богомилства (X в.). «В восстании богомилов, — пишут они, — мы видим первое проявление национального самосознания болгарского народа. Богомилство — форма религиозной ереси, направленная против официальной религии, которая поддерживала существующий строй, в действительности являлось по сути своей доктриной социальных требований, вызванной особенно недовольством крестьян, сгибающихся под тяжестью феодальных повинностей...» (стр. 24).

Авторы анализируют развитие богомилского движения и в период византийского господства (1018—1187) и Второго болгарского царства (1187—1396), когда феодальной страной в Болгарии достиг своего наивысшего развития. Касаясь восстания Ивайло (1277—1280), которое они характеризуют как «великую болгарскую жакерню», авторы пишут: «Еще не наступили те времена, когда поднявшиеся без тщательно продуманного плана болгарские крестьяне могли, подобно французским крестьянам в союзе с мелкой буржуазией в 1789 г., одержать верх над своими врагами — крупными земельными собственниками. И все же, как и все великие крестьянские восстания в средние века, скромный болгарский пастух Ивайло и его соратники, возродив традиции богомилов, проложили дорогу таким крупным европейским восстаниям, какими стали гуситские войны и великая крестьянская война XVI века, очагом которой явилась Германия» (стр. 39).

С большим драматизмом описывается в работе ожесточенное сопротивление болгарского народа турецкому завоеванию, его пятнадцатилетняя героическая борьба против господства турецких феодалов. «В то самое время, когда Франция Дюгеклена и Жанны д'Арк напрягала силы, чтобы изгнать из королевства английских захватчиков, болгарский народ вел подобную же битву, осуществлял подобную же эпопею. Она навсегда запечатлелась в памяти всех угнетенных, всех тех, кто на протяжении последующих веков, проникнувшись пламенным патриотизмом,... утверждал континуитет истории болгарского народа, богатство его традиций сопротивления угнетателям» (стр. 43).

Авторы показывают, какими пагубными для болгарского народа были последствия турецкого завоевания. В то время как страны Западной Европы переживали период Ренессанса, политическое, экономическое, социальное и культурное

развитие болгарского народа задерживал деспотизм турецких феодалов и духовный гнет греческого духовенства. Однако благодаря культурному и моральному капиталу, накопленному на протяжении столетий, болгарский народ сумел сохранить ясное сознание своей национальной самобытности, свой язык, свои традиции и литературу, одним словом, свой национальный гений (стр. 45).

Касаясь франко-болгарских взаимоотношений того времени, авторы подчеркивают, что тяжелая участь и героическая борьба народных масс Болгарии против пятнадцатого господства турецких феодалов не оставили безразличной Францию Ронсара, Фенелона и Вольтера. Вместе с тем, как показывают авторы, определенное воздействие на болгарскую общественность оказали идеи французских энциклопедистов и Великой французской революции.

Значительное место в рассматриваемой работе уделено гайдукскому движению, многочисленным восстаниям болгар против турецких порабитителей, болгарскому национальному Возрождению и национально-освободительному движению XVIII—XIX вв. Перед читателем встает высокопатриотическая фигура Паисия Хилендарского, голос которого, прозвучав в решительный момент как *vox populi*, рассеял сомнения относительно перспектив освобождения болгарского народа. Его «История славяноболгарская» характеризуется авторами очерка как настоящий манифест болгарского патриотизма, как призыв к болгарскому народу пробудиться и восстать с оружием в руках против своих угнетателей. ярко обрисованы фигуры видных деятелей болгарского Возрождения, руководителей народно-освободительной борьбы, выдающихся революционеров Раковского, Каравелова, Левского, Ботева и многих других. В работе рассказывается о деятельности Болгарского революционного центрального комитета и подготовке общеполитического национально-освободительного восстания, о героическом Апрельском восстании 1876 г. Отмечая негодование передовой общественности Европы по поводу зверского подавления восстания турецкими властями, авторы, в частности, приводят гневные слова Виктора Гюго, поднявшего свой голос в защиту болгарского народа и в поддержку его законных требований.

Важное место в очерке отводится рассказу о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Авторы показывают, что русско-болгарская боевая дружба, неоднократно проявлявшаяся во время русско-турецких войн XVIII и первой половины XIX в., наиболее ярко проявилась во время обороны Шипки, в боях за Плевну, Стару-Загору и в других сражениях, где бок о бок с русскими войсками героически сражались и болгарские ополченцы. Го-

всря о значении русско-турецкой войны 1877—1878 гг. для Болгарии, авторы пишут: «Эта победоносная война означала для Болгарии окончательное упитожение турецкого феодального режима и наступление буржуазной демократии. Она подтвердила также нерушимость многовековой дружбы, которая всегда господствовала между русскими и болгарским народами, независимо от режимов, существовавших в обеих странах» (стр. 81).

Довольно много внимания авторы уделяют позиции великих европейских держав по болгарскому вопросу в период борьбы за становление самостоятельного болгарского государства после русско-турецкой войны и во время балканских войн 1912—1913 гг. Правда, рассматривая Берлинский конгресс 1878 г. и его постановления, они умалчивают о позиции Франции, которая, как известно, вслед за Австро-Венгрией и Англией, выступила за расчленение Сан-Стефанской Болгарии. Однако в дальнейшем они приводят слова французского дипломата и известного историка Габриэля Аното, в значительной мере восполняющие этот пробел. После того, как в 1912—1913 гг. балканские государства объединенными усилиями разгромили Турцию и освободили значительную часть находившегося под турецким гнетом населения, Аното цинично писал: «Все участвуют в пире; все наши партнеры как будто готовы урвать ножку или крылышко. Не наивно ли будет с нашей стороны оставаться за порогом и нюхать запахи жаркого? Когда-то, на Берлинском конгрессе, мы придерживались „политики чистых рук“. Но поскольку не могли обойтись без нас, нам тогда все же предстояло Туше. Почему же не сделать сегодня что-нибудь аналогичное?... Почему бы нам не получить причитающуюся нам компенсацию будь то в Азии, Африке или же в Европе?» (стр. 90). Таким образом, в очерке разоблачается корыстная политика и вмешательство правящих кругов Франции и других империалистических держав, стремившихся погреть руки на освободительной борьбе балканских народов.

В параграфе, посвященном участию Болгарии в первой мировой войне, рассказывается об интернационалистской позиции Георгия ДIMITрова и других болгарских революционных марксистов, энергично выступивших против империалистической войны, «как к тому призвал Жорес» (стр. 95). Здесь же показано огромное революционизирующее влияние на болгарских трудящихся Великой Октябрьской социалистической революции, идеи которой широко пропагандировались партией тесных социалистов.

Периоду между двумя мировыми войнами в очерке уделено всего несколько страниц. Рассказав о фашистском перевороте 9 июня 1923 г., в результате которого «Болгария была отброшена на мно-

гие десятилетия назад» (стр. 103), авторы лишь кратко упоминают о Сентябрьском восстании того же года, подавленном с невиданной жестокостью фашистским режимом Цанкова. Они повествуют о развернувшейся во всем мире кампании протеста против белого террора в Болгарии и, в частности, об участии в этой кампании Анри Барбюса, выступившего со своим известным памфлетом «Палачи».

Придерживаясь хронологического принципа, авторы прослеживают затем политическое развитие Болгарии в последующие годы, вплоть до утверждения монархо-фашистской диктатуры во главе с царем Борисом и присоединения страны к гитлеровской оси 1 марта 1941 г.

Ответом на оккупацию болгарской территории нацистской Германией и на антинациональную политику фашистских правителей явился взрыв негодования народных масс. В работе рассказывается о движении Сопротивления болгарского народа, возглавленном коммунистами, которые установили контакт со всеми антифашистскими патриотическими силами и образовали вместе с ними единый Отечественный фронт. Авторы излагают программу Отечественного фронта, рассказывают о партизанском движении, начавшемся сразу же после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз и получившем особенно широкий размах после поражения немецких захватчиков в битве на Волге. Они прослеживают изменение международного и внутриполитического положения Болгарии в ходе войны, назревание политического кризиса в стране, тщетные попытки монархо-фашистских правителей сманеврировать и предотвратить неумолимо приближавшийся крах своего режима.

Специальный параграф работы посвящен народному восстанию 9 сентября 1944 г. и освобождению Болгарии Советской Армией. В этой части труда рассмотрены также важнейшие события первого периода развития народно-демократической Болгарии: подписание соглашения о перемирии с союзными державами, участие Болгарии в Отечественной войне против гитлеровской Германии, проведение аграрной реформы, провозглашение народной республики, выборы в Великое народное собрание.

Последний раздел исторического очерка озаглавлен: «Утверждение социалистического режима». В нем рассказывается о принятии конституции Народной Республики Болгария, подписании мирного договора в феврале 1947 г., проведении национализации промышленности, о курсе народной власти на преимущественное развитие тяжелой промышленности и коллективных земледельческих хозяйств. И хотя в этом разделе то и дело проскальзывают термины, внедрившиеся в буржуазную историографию Запада

в период холодной войны («спутник Советского Союза», «железный занавес» и т. п.), авторы неизбежно приходят к выводу: глубокие преобразования этого периода привели к впечатляющему подъему экономического уровня этой прежде отсталой страны (стр. 120).

К рассмотренному нами историческому очерку приложен небольшой комментарий Камиллы Древе (Camille Drevet), посвященный развитию аграрного вопроса в Болгарии за период от освобождения страны от турецкого ига и до наших дней. Автор рисует тяжелое положение болгарской деревни при капитализме, рассказывает о преобразованиях, проведенных при народной власти, и о достижениях кооперированного сельского хозяйства социалистической Болгарии. Яркие примеры и иллюстрации, приводимые в работе, свидетельствуют о резком контрасте между прежней отсталой и нынешней социалистической деревней.

Очерк французских историков не лишен отдельных недостатков. Так, по нашему мнению, в нем следовало уделить больше внимания периоду новой и но-

вейшей истории. Если, например, периоду турецкого ига авторы посвящают 42 страницы, то периоду 1878—1918 гг. — только 17 страниц, а всему последующему периоду, включая и народно-демократическую Болгарию — не более 20 страниц. Встречаются и некоторые фактические неточности. В частности, на стр. 108 авторы трактуют возвращение Болгарии в 1940 г. Южной Добруджи исключительно как заслугу нацистской Германии. Между тем, как свидетельствуют факты, единственной великой державой, занявшей принципиальную, доброжелательную позицию в отношении справедливых требований Болгарии по вопросу о Южной Добрудже, был Советский Союз.

Можно предъявить ряд пожеланий и в отношении приложенного списка литературы.

В целом же рецензируемая работа является весьма полезным вкладом французских исследователей в дело ознакомления своих соотечественников с историей болгарского народа.

Л. Б. Валев

ПАМЯТИ ЗДЕНЕКА НЕЕДЛЫ

Первым сборником, посвященным памяти Зденека Неедлы, был изданный в 1964 г. в Советском Союзе совместно чехословацкими и советскими авторами научный сборник «Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый»¹.

В 1966 г. в Чехословакии в Издательстве политической литературы вышел сборник воспоминаний «Памяти Зденека Неедлы», объединивший материалы, опубликованные в чехословацкой и иностранной печати в марте — мае 1962 года. Выход в свет этого сборника представляется тем более значительным событием, что, как пишет Вацлав Врavec во вступительной статье, «творчество Неедлы сегодня не стоит в центре внимания и не используется так, как бы оно этого заслуживало»².

По своему характеру и содержанию материалы сборника могут быть разделены на две группы. Во-первых, это статьи и очерки, рассматривающие ту или иную область научной и общественной деятельности Зденека Неедлы. Во-вторых, воспоминания различных по профессии и общественному положению людей, лично знавших З. Неедлы. Остановимся на некоторых работах, где речь идет о Неедлы-ученом.

Йозеф Мацек в работе «История и современность в творчестве Зденека Неедлы» сосредоточил свое внимание на марксистской концепции в научной деятельности З. Неедлы. Неразрывная связь между историей и современностью характеризует многие работы ученого. Безусловно, это помогло ему правильно определить направление современного и будущего развития, найти свое место в центре революционной борьбы народа. В этом заключается гарантия жизнеспособности его научного наследия. Всем своим творчеством З. Неедлы доказал, как надо понимать общественную функцию науки, пишет Й. Мацек. Не только исследовать и открывать, но и способствовать своими трудами созданию нового общества — вот чем руководствовался ученый, обращаясь к героическим страницам национальной истории: гуситской революции и национальному Возрождению, открывая значение трудящихся масс в историческом процессе. Й. Мацек задумывается над вопросом, почему Неедлы, не всегда понимая суть происходящих в России событий, сразу понял значение Октябрьской революции. Именно потому, отвечает Й. Мацек, что он познал логику исторического развития своего народа. И уже на основе этого знания, в процессе научного творчества пришел к пониманию социалистической революции и произведений классиков марксизма-ленинизма. Й. Мацек сравнивает Зденека Неедлы с такими мысли-

¹ См. рецензию: J. L a n g. Sovětský sborník o díle Z. Nejedlého. — «Nová mysl», 1965, № 2.

² «Na paměť Zdeňka Nejedlého». Praha, 1966, s. 7.

телями, как Ромен Роллан, Максим Горький.

Столь же высоко оценивают научную деятельность З. Нееды Ярослав Харват («Учитель истории»), Олдржих Ржига («Один из выдающихся историков мира»). Спорной представляется точка зрения Вацлава Пекарка («Зденек Нееды»), ставящего вопрос об исключительности личности Нееды как явления глубоко национального, «не имеющего себе подобных у других народов».

Антонин Сыхра («Труд не завершен») обосновывает свою точку зрения на новаторство Нееды-историка. Для него недостаточно вскрыть смысл фактов, постичь логику происходящего, открыть закономерности развития — в своих монографиях он стремится дать конкретный образ эпохи. И здесь Нееды-ученому помогает Нееды-художник. А. Сыхра приходит к мысли, что подобный взгляд художника на историю уже с самого начала творческого пути предопределил его интерес к искусству. Ученым нового типа З. Нееды выступил в своих монографиях о художниках. Автор статьи отмечает умение Нееды видеть искусство в тесной связи с общественной жизнью, демократизм его концепции. Нееды вскрывает общественные корни, побуждения, закономерности художественного творчества.

Серьезным исследованием ряда проблем эстетики З. Нееды представляется работа Милоша Томчика «Эстетические взгляды и критическая практика». В первой части статьи автор рассматривает проблему соотношения искусства и общества в творчестве З. Нееды. М. Томчик подчеркивает, что уже в самом начале своего пути Нееды отказывается от анализа внутренних противоречий в искусстве начала XX в., а выясняет жизненные истоки и цели искусства. Нееды никогда не придерживался взгляда, что искусство является пассивным отражением действительности. Решающим фактором для него всегда являлась личность самого художника. Программность ранних работ З. Нееды заключается в требовании активного отношения искусства к жизни, доступности произведений искусства широким народным массам. Уже тогда высказывает Нееды мысль, что искусство будущего должно принадлежать народу.

Проблеме реализма в творчестве З. Нееды посвящается следующий раздел в работе М. Томчика. Автор анализирует статью «О подлинном реализме и ложном» и подчеркивает творческое отношение Нееды к этому художественному направлению. Борясь за реализм, Нееды боролся за настоящее искусство; по его мнению, то, что не является искусством вообще, не может быть и реалистическим искусством. Критерием в искусстве является не реализм, а само искусство. Ученый допускал аналогию между твор-

чеством Л. Толстого и Метерлинка, но никак не Толстого и чешского натуралиста Заградника-Бродского. Нееды учил различать подлинный реализм и ложный. Подлинный — это высшая форма современного искусства. Псевдореализм — отсутствие творчества, продукция ремесленничества, «искусство» мешанина. М. Томчик считает, что высказывания З. Нееды о реализме не потеряли своей актуальности до настоящего времени. С точки зрения сегодняшней ситуации в эстетике рассматривает М. Томчик отношение З. Нееды к классическому наследию. Те, кто не видел в прошлом настоящего искусства и считал, что новое искусство можно создать на принципах чистого авангардизма, обвиняли Нееды в традиционализме, не понимая при этом, что традиция была для Нееды не возвратом к старому, а побуждением к творчеству. Много поучительного может найти современный художник и критик в отношении Нееды к новому искусству, в его умении отличить творческий поиск от эпигонаства, подлинное достижение от того, что, едва родившись, уже принадлежит прошлому.

Еще одна грань таланта ученого и художника предстает перед нами в работе Богуслава Гавранка «Зденек Нееды и чешский язык». В этой статье рассматриваются особенности языка З. Нееды. Автор подчеркивает прежде всего понятность, доступность языка Нееды, достигаемые хорошим построением предложений, подбором уместных слов. Элементы ораторского искусства не были для Нееды самоцелью, они служили идее, замыслу выступления.

Много пишется в сборнике об отношении Зденека Нееды к Советскому Союзу. Юлиус Доланский («Будитель, борец, человек») рассматривает эту проблему в аспекте чешского русофильства. Как исключительную заслугу З. Нееды подчеркивает автор то, что традиционное чешское русофильство ученый наполнил новым содержанием. Со времен Возрождения жила в чешском народе вера в помощь России в его национально-освободительной борьбе. Эта вера, окрашенная в национальные тона, с новой силой вспыхнула в годы первой мировой войны. Гениальность Нееды, утверждает Доланский, проявилась в том, что он на примере Советского Союза указал чешскому и словацкому народам путь к подлинному освобождению, «поставил чешский патриотизм вместе с русофильскими симпатиями на широкую основу социалистического интернационализма».

В сборник вошли работы советских ученых, дающих высокую оценку деятельности и научному наследию З. Нееды, верного друга Советского Союза.

Несколько слов о воспоминаниях. Фрагментек Кубка («Пан профессор»), знавший Нееды на протяжении 40 лет, рассказы-

вает о наиболее запомнившихся встречах. В 20—30-е годы автор часто слушал лекции и выступления З. Неедлы, видел его на собраниях деятелей культуры. После войны, в октябре 1948 г., Ф. Кубка встретался с З. Неедлы в Софии, где проходило заседание президиума Славянского комитета. Из воспоминаний Кубки мы узнаем о последнем выступлении З. Неедлы в Национальном театре на праздновании 100-летия со дня смерти Б. Немцовой.

Об участии З. Неедлы в открытии Святоацлавского съезда социал-демократии в сентябре 1920 г. рассказывает Йозеф Зора («Из 20-х годов»). Осенью 1920 и весной 1921 гг. Неедлы много энергии и творческой выдумки отдает народным вечерам искусства, организованным силами Рабочего драматического коллектива. Й. Зора вспоминает эпизод бегства от полиции после одного из выступлений Неедлы в Народном доме на Смихове. В сборнике мы найдем воспоминания Карела Гануша («Наш Зденек Неедлы»), личного секретаря первого министра школ и просвещения освобожденной Чехословакии.

Зденек Неедлы и Реалистический театр — этой странице из жизни ученого посвящен рассказ Карела Палоуша «В нашем театре». Театр был для Неедлы дружным коллективом, связанным единой направленностью, общим духом. Будучи учителем, большим другом актеров, З. Неедлы требовал от них политической

сознательности, создания жизненно правдивых спектаклей о человеческих характерах и поступках. Не менее значительным, по мнению автора, было требование «чешскости», предъявляемое Неедлы к Реалистическому театру.

Воспоминания Ярмилы Глазоровой («Где смерти уже нет») воссоздают перед нами обстановку жизни и отдыха З. Неедлы и его семьи в Турнове. Писательница рассказывает о последнем лете хозяина Турнова.

Нельзя не упомянуть поэтического рассказа Милады Червинковой «В его комнате светило солнце» о последних месяцах и днях жизни З. Неедлы, о его последних работах. Летом 1961 г. Неедлы подготовил к печати переработанное издание биографии Б. Сметаны, снабдив его предисловием «История моего изучения Сметаны». По свидетельству М. Червинковой, осенью Неедлы увлекла новая тема — студенческое сопротивление в реальной гимназии в Врповицах в 1942—1943 гг. Пока хватало сил, Неедлы продолжал работать. Но болезнь и смерть помешали осуществлению его замыслов.

Ценным дополнением к материалам сборника являются фотографии. Наряду с редкими снимками, рассказывающими о жизни и деятельности З. Неедлы, здесь собраны фотокопии важнейших биографических документов.

С. Гречишников

КНИГА О Л. СТАФФЕ

31 мая 1967 г. исполнилось 10 лет со дня смерти польского поэта Л. Стаффа. Статьи, рецензии, эссе, книги написаны о стаффовской поэзии. Много теплых строк — воспоминаний посвящено Стаффу. Его стихи по-прежнему живут, и по-прежнему обращаются к ним польские критики и литературоведы.

Среди работ, вышедших в последние годы, наряду с оригинальными исследованиями Е. Квятковского, привлекают к себе внимание работы И. Мацеевской: публикации неизданных писем поэта, статьи, касающиеся раннего творчества Стаффа, итогом которых явилась книга¹ о львовском периоде творчества поэта, периоде 1901—1911 гг.

В монографии тонко передана атмосфера Львова конца XIX — начала XX в. и образ молодого Стаффа, образ, уже забытый сейчас: Стаффа — энтузиаста литературного общества, влюбленного в поэзию, жадно впитывающего в себя все

новое в литературе, философии, естественных науках. Две взаимосвязанные линии в формировании его творческого облика акцентирует исследователь. Это, во-первых, систематическое накопление знаний о культуре, литературе, философии разных стран, в том числе Польши; во-вторых, линия поисков собственного поэтического пути.

Проблема: Стафф и польский, шире, европейский модернизм — центральная проблема исследования. Усвоение поэтической практики поколения «Молодой Польши» в соединении с антимодернистским, антидекадентским бунтом становится своеобразным знаменем поэзии стаффовского времени. Эти два противоречивых момента чувствуются в первом поэтическом сборнике Стаффа 1901 г. И. Мацеевская отмечает, что антимодернистский, в большей степени «теоретический» стаффовский бунт долго еще будет соединяться с символистской практикой поэта.

Наиболее ценными нам представляются последние главы книги, ибо они — ключ к проникновению в тайны «стаффизма». Оригинальна здесь интерпретация

¹ I. Maciejewska. L. Staff. Lwowski okres twórczości. Warszawa, PIW, 1965, 344 s., 4 hlb.

стаффовской «лирики мечты». Точка зрения автора исследования, что только в нескольких очень ранних стихотворениях Стаффа мир мечты преобладает над действительностью, полемика направлена против концепции А. Сандауэра.

В польском литературоведении рядом с именем Стаффа стоит определение: поэт-философ. Мацевская вскрывает все многообразие философских истоков стаффовской лирики: Возрождение, философия древности, Ницше и христианская культура. Одновременно автор исследования делает тонкий набросок «стаффовской» философии жизни, подчеркивая ее «земной», гуманистический характер.

Завершается книга главой о классицизме Стаффа — автора сборника «Цветущая ветвь» (1908 г.). Интеллектуализм, рационализм, гармоническая концепция человеческой личности, опирающаяся прежде всего на традиции античности, традиции Возрождения, строгая логика художественной конструкции — все это чер-

ты истинно стаффовские. Сомнение вызывает лишь сам термин «классицизм», термин, с нашей точки зрения, искусственный в применении к поэзии XX в. В лирике «Цветущей ветви», несомненно, слышится отзвук французской поэзии классического Возрождения, поэзии парнасцев. Но стаффовская поэзия выходит за рамки увлечения или влияния. Ясность мировосприятия и классичность формы отвечают стаффовской поэтической индивидуальности. К поэзии Стаффа, по нашему мнению, больше подходит определение «классическая», чем «классицистическая».

В целом же, говоря о книге, еще раз хочется подчеркнуть ее обаяние, обаяние этого нового исследования о поэте, где образ Стаффа, образ, кажущийся на первый взгляд традиционным, покоряет своей свежестью. Эта свежесть — и в новизне материала, и в акцентах, и в живом и ясном языке исследователя.

Н. Богомолова

«Rukověť humanistického básnictví v Čechách a na Morave». Založili A. Truhlář a K. Hrdina. Pokrač. J. Hejnic a J. Martinek. T. 1. A — C. Praha, Academia, 1966, 532 s.

Руководство по гуманистической поэзии в Чехии и Моравии

Издательство Чехословацкой академии наук приступило к выпуску шеститомного справочно-библиографического труда, включающего сведения о развитии поэзии на латинском и греческом языках в Чехии и Моравии с конца XV до начала XVII в. Замысел труда и отчасти его осуществление принадлежали А. Трухларжу и К. Грдине, в 1908 и 1918 гг. выпустивших две части «Руководства по гуманистической литературе, в особенности поэзии, в Чехии и Моравии XVI в.». Однако предпринятая в те годы работа не была закончена.

Приступая к новому воплощению давнего замысла, И. Гейниц и Я. Мартинек, используя материалы своих предшественников, внесли ряд существенных уточнений и в план издания и в методику его построения. В частности, они ограничились только сбором сведений об авторах поэтических произведений и приняли более сжатые правила описания и обработки материала. Как указывается в предисловии, в «Руководство» включены данные только об авторах, писавших на греческом и латинском языках на территории Чехии и Моравии. В некоторых случаях имеются упоминания об их литературной деятельности в других жанрах, а также об их произведениях на чешском языке.

Выпуск «Руководства», как можно судить по первому тому, будет иметь существенное значение в разработке проблем гуманистической культуры в Чешских

землях, что в настоящий период относится к числу важных задач исторической науки и литературоведения. Достаточно указать, что уже первым в теме приведены подробнейшие сведения о таких видных представителях гуманистической культуры XV—XVI вв., как Адам Даниэль из Велеславина, Августин Оломоуцкий, Мартин Баханек, Вацлав Будовец из Будова, Ян Кампанус, Матвей из Колина и др.

Нельзя в то же время не отметить несколько, как нам представляется, ограниченный подход авторов к самой трактовке объекта их исследования. При всей значимости и важности той роли, которую сыграли чешские поэты, писавшие на греческом и латинском языках, в истории чешской культуры и ее международных контактов (достаточно напомнить Матвея из Колина), — все же не это направление выражало коренные потребности чешской культуры. К сожалению, представители другого, национального направления в гуманистической поэзии в рассматриваемый труд вошли лишь постольку, поскольку они шисали еще и по-латыни или по-гречески. Думается, что, возобновляя замысел полувекковой давности, следовало бы пересмотреть принятые А. Трухларжем и К. Грдиной языковые ограничения. Ибо, на наш взгляд, неправильно считать гуманистической поэзией в Чехии и Моравии лишь поэзию, создававшуюся на одном из античных языков. Это обстоятельство не может не сказаться и на ши-

роте значения нового пособия и на характере отражения в нем материала. Хочется пожелать, чтобы ценный и столь необходимый исследователям труд в будущем был бы дополнен такими же под-

робными сведениями о гуманистической поэзии в Чешских землях на чешском языке.

А. С. Мылтыков

К ОЦЕНКЕ ТВОРЧЕСТВА ГРИГОРИЯ ЦАМБЛАКА

Как известно, биография и творчество Григория Цамблака (около 1364—1419 или 1420 гг.), занимающего видное место в истории русской и балканской литератур, и в настоящее время вызывает немалые споры и разногласия среди ученых разных стран, высказывающих нередко противоположные мнения о пребывании Цамблака на Балканах и об авторстве приписываемых ему сочинений (в том числе — Жития Иоанна Нового)¹. К сожалению, и в выпущенной недавно книге П. Русева и А. Давидова «Григорий Цамблук в Румынии и в старой румынской литературе», равно как и в рецензии на нее Ю. К. Бегунова («Советское славяноведение», 1967, № 2, стр. 84—85), многие текстологические трудности и нерешенные вопросы творческого пути Цамблака либо обойдены, либо получили одностороннее, поверхностное и потому излишне оптимистическое освещение.

Так, прежде всего, обстоит дело с проблемой атрибуции Жития Иоанна Нового, которое, по мнению видного исследователя истории болгарской литературы В. С. Киселкова, вовсе не было написано Цамблком. От книги Русева и Давидова, посвященной преимущественно этому средневековому памятнику (который они считают сочинением Цамблака), мы были бы вправе ожидать подробного анализа вопроса о том, был ли Цамблук автором Жития Иоанна Нового, тем более что книга вышла в свет как академиче-

ское издание (Институт балканистики БАН). Однако вместо обстоятельного рассмотрения этого важного вопроса авторы книги, насчитывающей 197 страниц (с текстом Жития), ограничились лишь одной сноской (на стр. 57), в которой затронуты проблемы авторства Жития Иоанна Нового.

Более того, нельзя согласиться с мнением рецензента (Ю. К. Бегунова), будто эта единственная сноска «опровергает также мнение ученых, считавших, что Цамблук в 1402—1403 гг. еще жил в Сербии и, следовательно, не мог быть автором» этого Жития. Дело в том, что П. Русев в данной сноске полемизирует лишь с В. С. Киселковым, причем очень бегло и, на наш взгляд, совершенно неубедительно: игнорируются некоторые из доводов Киселкова относительно авторства Жития. Главный же пункт сомнений Киселкова и, заметим, других (например, И. Снегарова) — можно ли говорить о тождестве Цамблака и некоего Григория, прибывшего в Молдавию в 1401 г., — а также остальные его аргументы Русев оставил без ответа.

Он не ответил и на утверждения югославских ученых (Дж. Радопчича, П. Поповича, Д. Павловича и др.), считающих, что в 1402—1405/6 годах Цамблук жил в Сербии, а следовательно, не мог находиться одновременно (в 1401—1406 гг., по словам Русева) в Молдавии.

Итак, мы можем отметить, что данная книга не представляется шагом вперед в плане тщательных текстологических исследований творчества Цамблака. Она во многом повторяет устаревшие оценки, обходит нерешенные и сложные вопросы истории средневековой литературы балканских народов, а что касается Жития Иоанна Нового — она оставляет непоколебленной основную аргументацию В. С. Киселкова.

Е. Н.

¹ См. Я. Радопчич. Творци и дела старе српске књижевности. Титовград, 1963, стр. 175; В. С. Киселков. Проуки и очерти по старобългарска литература. София, 1956, стр. 231—260 (ср. «Славянский архив», М., 1963, стр. 60—72); И. Снегаров. К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV — начале XV в. — В сб.: «Международные связи России до XVII в.», М., 1961, стр. 269.

«*Studien zur Geschichte Osteuropas*». III Teil. Gedenkband für Heinrich Felix Schmid. Graz — Köln. 1966, 175 S.

Очерки по истории Восточной Европы

В конце 1966 г. вышел пятый том серии Венского архива по истории славянства и Восточной Европы, издаваемого Институтом по изучению истории Восточной

Европы и Юго-Востока при Венском университете, составляющий в то же время третью часть очерков по истории Восточной Европы (начали выходить с 1956 г.).

Он посвящен памяти скончавшегося в марте 1963 г. выдающегося австрийского слависта проф. Генриха Феликса Шмида.

Проф. Г. Ф. Шмид был специалистом по средневековому церковному праву, но его интересы и научная деятельность охватывали широкий круг проблем, связанных с историей и культурой народов славянских стран. Он много сделал для того, чтобы рассеять националистические предрассудки в понимании культуры и истории народов славянских стран на Западе. В 1948 г. проф. Г. Ф. Шмид возглавил существовавший с 1907 г. Семинар по истории Восточной Европы, который с 1956 г. был преобразован в Институт по изучению истории Восточной Европы и Юго-Востока. Благодаря тому, что проф. Г. Ф. Шмид был в 1960 г. избран председателем Международного комитета исторических наук, а также являлся членом исполкома Международной комиссии по изучению славянских стран, возглавлявшийся им институт получил широкую известность за пределами Австрии и вступил в деловые контакты и сотрудничество со многими зарубежными историческими учреждениями. Об этих контактах свидетельствует и выпущенный сборник. В нем приняло участие двенадцать ученых из социалистических и капиталистических стран. К. Дайковичу (Румыния) написал статью об истории Дакии, И. Дуйчев (Болгария) — о Кирилле и Мефодии, М. Костенчич (Югославия) — о структуре крестьянского права в феодальном обществе; В. Майзель (Польша) — о связях польских ремесленников и цехов с зарубежными странами с X по XIII в.; Э. Малыш (Венгрия) — об исторической роли церкви в Венгрии;

Ю. Матушевский (Польша) — о влиянии «Саксонского зеркала» на польское земельное право; Й. Полишенский (Чехословакия) — о влиянии идей Эссениуса и Фраделлиуса на поздний гуманизм в Центральной Европе. Статья Г. Штекля (ФРГ) посвящена анализу встречающегося в галицко-волянской летописи термина «печатник»; Г. Нейбаурер (ФРГ) рассказывает об одном аугсбургском сообщении по поводу так называемой московской «смуты» в начале XVII в.; Й. Матль (Австрия) прослеживает отражение крестьянского вопроса в новейшей польской и русской литературе; Г. Хунгер (Австрия) рассматривает в своей статье исполнение поста христианами в качестве одной из форм десятины в ранневизантийском периоде и, наконец, О. Халецкий (США) написал для сборника статью о культурно-исторических проблемах восточной политики Польши. В основу статьи О. Халецкого положены едва ли обоснованные взгляды на Польшу как государство, историческая миссия которого на протяжении целого тысячелетия состояла лишь в «распространении и содействии распространению западной культуры среди своих восточных соседей, включая литовцев» (стр. 22).

Выпущенный Венским институтом по изучению Восточной Европы и Юго-Востока сборник — свидетельство, с одной стороны, растущего интереса к различным проблемам истории народов стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, а с другой — укрепления научных контактов между историками различных стран.

М. Р. Тульчинский

В. СТАНКОВ. *Имперфектът в съвременния български книжовен език*. София, 1966, 146 стр.

В. СТАНКОВ. *Имперфект в современном болгарском литературном языке*

Книга В. Станкова — интересное исследование, очень актуальное и полемичное. Автор предлагает модель современной системы времен индикатива болгарского языка, рассмотрение которой приобретает тем больший интерес, что основные положения автора разделяют и другие болгарские лингвисты (М. Леонидова, Ц. Младенов, М. Янакиев).

Книга В. Станкова состоит из введения, заключения и четырех глав: I. Имперфект — настоящее в прошедшем; II. Ориентационное время имперфекта — способы его выражения; III. Имперфект и аорист; IV. Модальное употребление имперфекта.

В. Станков справедливо отмечает, что вопрос о значении имперфекта принадлежит к числу наиболее спорных (стр. 3).

Известно, что одни ученые считают имперфект относительным временем, т. е. временем со сложной (двойной) темпоральной ориентацией действия (Л. Андрейчин, Д. Поцов, Ст. Стоянов, М. Деянова), другие ставят под сомнение существование сложной ориентации имперфектного действия (Ю. С. Маслов, Е. И. Демина). В связи с этим основной задачей В. Станков ставит себе «решение вопроса о темпоральной ориентации имперфекта» (стр. 9).

Во введении рассматриваются некоторые теоретические вопросы, касающиеся методов лингвистического анализа. Исследователи значения болгарских времён, не удовлетворяясь традиционными способами описания, в последние годы пытаются применять методы структурно-

го анализа. Так, часто используется понятие морфологической корреляции, которое обязывает исследователя к поискам инвариантного значения изучаемой формы. Однако пользуются этим понятием по-разному. Одни стремятся найти общие семантические признаки во всех употреблениях временной формы, другие ищут семантические инварианты только в переносных употреблениях.

Автор рецензируемой книги признает основательность сомнений некоторых исследователей «в пользу поисков семантического инварианта, присутствующего во всех употреблениях данной формы» (стр. 16). Он пишет: «Бесспорно язык есть система, но в ней нет стройности математической системы. Язык — плод длительного развития и содержит напластования многих эпох... К языковым явлениям надо подходить конкретно. Там, где позволяет языковый материал, было бы полезно найти семантический инвариант в некоторых употреблениях данной формы. Однако во многих случаях точнее было бы некоторые из значений определенной языковой формы рассматривать отдельно, как параллельно существующие, а не включать преднамеренно в одно общее значение» (стр. 16—17; разрядка наша. — И. Б.).

Очень часто упреки в прямолинейности, надуманности схем, предлагаемых в работах по структурной лингвистике, бывают справедливыми. Поэтому В. Станков прав, когда призывает к конкретному подходу к языковому материалу. Но то обстоятельство, что мы не овладели искусством функционального анализа, не дает еще основания ставить под сомнение полезность самого метода. Однако дело не только в этом. Часто неудачи в поисках семантического инварианта той или иной формы времени связаны с непосредственным применением функционального анализа или в угоду тяготеющей над нами традиции, или в угоду так называемого «историзма». И то и другое приводит к смешению синхронии и диахронии, против чего решительно выступал еще Ф. Соссюр. Выделенные слова в цитате из книги В. Станкова настораживают именно в этом смысле. Такого рода непоследовательность, по нашему мнению, проявляют некоторые исследователи, в том числе и автор рецензируемой книги, в решении вопроса о формах настоящего времени.

В. Станков признает, что «формы настоящего времени» в придаточных предложениях (условных и временных) исполняют «очевидно чужие временные функции» (стр. 50), где они «одинаковы по функции со значением будущего времени» (стр. 51). Однако выделить их в особую парадигму в качестве алломорфа граммы будущего времени он, как и

другие исследователи, считает неправомерным на том основании, что по происхождению это формы настоящего времени и что они употребляются в этих предложениях в современном болгарском языке с тем же значением, что и в древнеболгарском. Но при этом не учитывается то весьма существенное обстоятельство, что при тождественности значения анализируемых форм времени и в старом и в современном языке в рассматриваемом употреблении содержание граммы настоящего времени в целом с момента оформления категории будущего времени изменилось. Об этом говорит уже сам факт увеличения числа членов, участвующих в противопоставлении граммы времени (ср. прошедшее — настоящее, прошедшее — настоящее — будущее). Последовательно проведенный функциональный анализ временных форм, именуемых «настоящим временем», с неизбежностью, как нам представляется, приводит к необходимости признать наличие трех рядов омошмов: 1) формы собственного настоящего времени, 2) формы будущего простого и 3) формы стилистического настоящего времени (*praesens historicum* и *praesens propheticum*). Кончается введение очень кратким изложением модели времен современного болгарского языка (стр. 22—24). Автор понимает, что изложенная им схематично система времен нуждается в конкретных доказательствах. Свою задачу он ограничивает рассмотрением доказательств только для некоторых времен — преимущественно имперфекта и настоящего времени и лишь «в известной мере для аориста и перфекта» (стр. 25).

Исследование В. Станкова опирается на большой фактический материал, искусно собранный и хорошо документированный. Последнее особенно хочется подчеркнуть, так как часто в работах по глаголу примеры не документируются с достаточной точностью, что отчасти их обедняет, поскольку лишает возможности других исследователей ими пользоваться, особенно тогда, когда приводимый контекст оказывается недостаточным. Между тем осмысление одних и тех же фактов исследователями, придерживающимися разных точек зрения на сущность противопоставления времен болгарского индикатива, представляется весьма полезным.

От традиционных описаний работа В. Станкова выгодно отличается тем, что, хотя автор посвящает свое исследование только одному времени, он всегда имеет в виду всю систему времен в целом и постоянно по ходу изложения проводит различного рода сопоставления значений имперфекта со значениями других времен. Так, широко и обстоятельно сопоставляется употребление форм имперфекта и настоящего времени (I глава). Автор убедительно показывает правомерность определения имперфекта как «настоящего

в прошедшем», которое оспаривается сторонниками «видовой интерпретации» значений имперфекта. На большом материале сопоставляется также употребление форм имперфекта и аориста (стр. 119—130). Это сопоставление подводит к выводу о том, что различие между имперфектом и аористом — не видовое ни в «узком», ни в «широком» смысле слова (стр. 130), что оно носит чисто временной характер.

Основной вывод автора о том, что «имперфект — время со сложной ориентацией действия» (стр. 142), т. е. относительное время, а аорист — абсолютное время, не представляется спорным, хотя с конкретной интерпретацией содержания граммем этих времен, а также настоящего времени и перфекта, далеко не всегда можно согласиться. Оппоненты В. Станкова уже указывали на излишнюю сложность предложенной им модели¹.

Темпоральное значение всякой глагольной формы, по мнению Станкова, заключается в следующем. Прежде всего он имеет в виду «выражение глагольной формой отношения ориентационного момента действия к моменту речи» (стр. 20). Это отношение может быть трех видов: 1) ориентационный момент совпадает с моментом речи или включает его в свои рамки; 2) ориентационный момент находится до момента речи; 3) ориентационный момент следует за моментом речи. «Это первый темпоральный дифференциальный признак глагольной формы» (стр. 20). Вторым признаком является выражение глагольной формой «отношения действия к данному ориентационному моменту» (стр. 20). Это отношение также может быть трех видов: 1) действие совпадает со своим ориентационным моментом или охватывает его; 2) действие предшествует своему ориентационному моменту; 3) действие следует за своим ориентационным моментом. «В первом случае речь идет о настоящих действиях, во втором — о прошедших, в третьем — о будущих» (стр. 20). Третьим темпоральным признаком глагольной формы является выраженная ею непрерывность (континуативность), прекращенность (неконтинуативность) или неуказание на непрерывность-прекращенность действия в ориентационный момент действия. Мы склонны думать, что эту модель, действительно, можно было бы упростить, отказавшись от третьего дифференциального признака. В нем, по существу, в ином словесном употреблении переосмыслиется содержание первого и второго признаков, если не иметь в виду, на чем настаи-

вает автор, видовой законченности-незаконченности.

Существенным недостатком в предложенной В. Станковым модели, с нашей точки зрения, является неразличение не на словах, а по существу понятий «момент речи» и «настоящий момент». В. Станков сводит различия между этими понятиями к количественным. Аорист и перфект у него получают одинаковую темпоральную характеристику: ориентационным моментом для того и для другого служит «настоящий момент» (стр. 23). Для В. Станкова аорист и перфект — это одно время; они различаются не темпоральным, а модальным признаком. Между тем темпоральное различие между этими временами есть, и оно ясно очерчивается, если только не отождествлять «настоящий момент» с «моментом речи»: и то и другое время указывают на прошедшее действие, но в р а з н ы х с и с т е м а х о т с ч е т а. Перфект действительно всегда определяет отнесенность действия к прошлому относительно «настоящего момента», если под этим моментом разуметь не время акта коммуникации (момент речи), а время тех событий сообщения, в связи с которыми упоминаются действия, обозначенные перфектом. Время этих событий, если они называются, а не подразумеваются, в болгарских текстах обозначаются формами настоящего времени. Аористом тоже может обозначаться действие такой временной характеристики. Но аористом обозначаются и действия, определяемые как отнесенные к прошлому и в других системах отсчета или, прежде всего, относительно момента речи, когда речь идет о независимых событиях, или относительно времени какого-либо прошедшего действия сообщения (прошедший момент), когда указание на систему отсчета оказывается несущественным. Таким образом, определение аориста как времени, указывающего на отнесенность обозначаемого им действия к прошлому относительно «настоящего момента», по крайней мере неполно.

Вызывает сомнение интерпретация автором существа морфологической оппозиции для плана содержания, в частности, квалификация характера оппозиций между некоторыми временами как эквиополентных. Мы имеем в виду противопоставление презенса прошедшим и будущим временам (стр. 53). В. Станков защищает тезис о том, что презенс составляет с ними эквиополентные оппозиции, поскольку «действия в прямом употреблении презенса маркированы с очевидностью определяемым темпоральным признаком: они — одновременны („съвременни“) моменту речи» (стр. 53). Формами же прошедших и будущих времен такого рода действия обозначены быть не могут. Все это действительно так, но ход рассуждения В. Станкова, на наш взгляд, неверен. И вот почему.

¹ К. И в а н о в а. Два нови дисертационни труда върху темпоралната система на съвременния български книжовен език. — «Български език», год. XVI, 1966, кн. 1, стр. 86—87.

Из того обстоятельства, что данная граммема имеет в своем составе значение (а), а другая граммема в своем составе этого значения не содержит (ā), еще не следует, что они составляют морфологическую оппозицию, хотя бы и эквиолентную. Это необходимое, но, на наш взгляд, еще недостаточное условие. Для того чтобы можно было констатировать эквиолентную или субординационную противопоставленность данных грамматических форм в плане содержания, надо вычислить еще два момента. Содержит ли граммема, характеризующаяся отсутствием значения (а), значение (б), противоположное, вернее, противопологаемое значению (а). Констатировать же противопологаемость значений (а) и (б) мы можем лишь тогда, когда найдем такую архиграмему, которая в своем составе будет содержать оба значения.

Таким образом, для развернутого противопоставления характерно наличие трех элементов: двух маркированных, находящихся между собой в эквиолентной оппозиции, и третьего, нейтрального, члена, с которым каждый из двух первых членов составляет привативную оппозицию. Однако чаще мы имеем дело с двумя членами, один из которых является маркированным по одному из значений дифференциального признака, а другой несет функции как второго маркированного члена, так и третьего нейтрального члена. Ср., например, корреляция по признаку пола: 1) *телок* (только мужского пола) — *теленка* (и мужского и женского пола) — *телка* (только женского пола) и 2) *волчица* (только женского пола) — *волк* (и мужского и женского пола).

Очевидно, что констатация наличия у форм настоящего времени в болгарском языке «собственного» значения, т. е. такого значения, которое не могут принимать ни прошедшее, ни будущее время, еще не может служить основанием, как полагает автор рецензируемой книги, для квалификации оппозиции между этими временами как эквиолентной (стр. 53). С нашей точки зрения, больше основания имеют те исследователи, которые квалифицируют эту оппозицию как привативную, а граммеме настоящего времени отводят в этой оппозиции роль немаркированного (нейтрального) члена. Дело в том, что формы настоящего времени в самом употреблении (не в качестве настоящего исторического и будущего простого) выступают и в других значениях, которые отмечает и В. Станков, но которые он неосновательно, с нашей точки зрения, игнорирует при определении общего значения этой формы.

В книге В. Станкова неоднозначно употребляется термин «модальные значения», чем впрочем грешат многие работы.

Все времена в рамках изъявительного наклонения автор делит на две группы, между которыми имеются, по его мне-

нию, «несомненные модальные различия» (стр. 106): пзъявительно-нейтральные времена (сегашно, минало неопределено = перфект, бъдеще в миналото, бъдеще, бъдеще предварително), которые не сообщают о том, делается ли высказывание о действии на основании собственно наблюдения или нет, и изъявительно-личные времена (минало свършено = аорист, минало несвършено = имперфект, минало предварително = плюсквамперфект). Куда относит автор будущее в прошедшем (бъдеще в миналото), остается неясным, так как оно называется при перечислении времен, относящихся и к первой и ко второй группам. Эти группы времен, по мнению автора, находятся в субординационной оппозиции по признаку «личного — прямого или косвенного (?)» — наблюдения говорящим сообщаемого им действия» (стр. 106). Как строятся корреляции между отдельными временами названных групп, автор ничего не говорит. Он рассматривает лишь корреляцию между аористом и перфектом, которые представляют наиболее простой случай, поскольку автор считает (как сказано выше, неосновательно) их одним временем (минало свършено).

При анализе противопоставленности аориста перфекту автор заменяет указанный признак признаком «временной определенности действия» (стр. 113) на основании следующего рассуждения, которое нам представляется неубедительным: «Адресат сообщения, воспринимающий высказывание о действии в форме аориста, ... получает информацию... и о том, что... говорящий был свидетелем действия, вследствие чего он оказывается осведомленным и о времени совершения действия» (стр. 108). Неясно также, почему признак «временной определенности действия» относится к числу «модальных оттенков» (стр. 113).

По существу дела можно сказать следующее. Если под «определенностью времени действия» разумеется тот отрезок времени, который занимает каждое реально совершившееся действие², то «определенность» такого отрезка складывается из ряда показателей и может быть охарактеризована в зависимости от их использования с различной степенью точности. Аорист, как и другие грамматические времена, определяет время в самом первом приближении. Он указывает на то, что действие произошло в такой отрезок времени, который предшествовал моменту отсчета, т. е. является «прошедшим отрезком». Для того чтобы добиться большей определенности в представлении адресата сообщения о действии, обозначенном аористом или каким-

² Ц. Младенов. Миналите времена в брезнишкия говор. — «Статии и материали по болгарской диалектологии», вып. 9, М., 1959.

либо другим временем, говорящий должен использовать неглагольные средства, с помощью которых выражается в языке исчисление времени. Иного способа выразить «связанность действия со временем его совершения» (стр. 112), по нашему мнению, нет ни в болгарском, ни в других славянских языках с иной системой времен.

Вопрос об аористе и перфекте излага-

ется В. Станковым несколько общо. Надо полагать, что в следующей работе, на которую автор сделал заявку (стр. 112), общие рассуждения будут подкреплены анализом столь же богатого, хорошо организованного фактического материала, как это сделано в рецензируемой работе относительно имперфекта.

И. К. Бунина

НОВЫЙ ПОЛАБСКИЙ СЛОВАРЬ

Несмотря на то, что за последние годы вышел ряд книг лексикографического характера по полабскому языку¹, слависты все еще ощущают необходимость в полном словаре полабского языка. Первый выпуск полабского этимологического словаря Т. Лера-Сплавинского и К. Полянского, изданный в 1962 г., доходит только до буквы *d'*. Выпущенный Р. Олешом словарь Хеннига представляет собой фототипическое воспроизведение рукописного первоисточника по полабскому языку и не предназначен служить справочным пособием. Более подходит к этой цели подготовленный свыше полтора года тому назад, но изданный только недавно Р. Олешом словарь Юглера, тем более, что он снабжен примечаниями с указанием ошибок и разночтений. Этот словарь, однако, воспроизводит написания источников, что затрудняет использование его специалистами по полабскому языку, поскольку прочтение записей полабских глосс возможно лишь для полабистов. Словарь, приложенный к своду полабских источников П. Роста, не совсем полон, а предложенная в нем транскрипция слов после трудов Т. Лера-Сплавинского, Н. Трубецкого и других ученых уже не соответствует нашим представлениям о фонологической и грамматической системах полабского языка. Поэтому и те, кто специально занимается проблемами полабистики, и более широкий круг филологов, стремящихся использовать полабский материал в своих исследованиях по славистике и германистике, нуждаются в полном и удобном для пользования словаре полабского языка.

В определенной мере эти потребности удовлетворяет теперь новый полабский словарь, который издательство Мouton выпустило как шестьдесят первый том серии «Славистических изданий и перепечаток». Это — «Полабско-английский словарь» К. Полянского и Дж. А. Зенер-

та². Учитывая специфическое положение полабского языка среди славянских языков, скудость источников по этому мертвому языку, отсутствие полного современного словаря полабского языка, было бы неверно считать названный словарь обычным двуязычным переводным словарем. Как по своему назначению, так и по работе, проделанной составителями (среди которых один из ведущих представителей современной полабистики — К. Полянский), — это словарь филологический, специальный.

Новый полабский словарь состоит из восьми частей. Первая часть (стр. 7—21) содержит обзор источников словаря. Несколько странным кажется то, что здесь под единой буквенной нумерацией оказались и подлинные первоисточники (такие, как словарь Хеннига, словарики, тексты и материалы Пфеддингера, Домейера, Бокера, Бухгольца, Митхофа, Иоганна Парум-Шульце, Анонима и др.) и в известном смысле примыкающий к ним, хотя и не самостоятельный словарь Юглера, и издания этих источников П. Роста и Р. Олеша. Речь идет, разумеется, не о том, что эти издания не следовало использовать в качестве источников для словаря, но лишь о том, что указывать их в списке следовало бы особо; это, видимо, касается и текста Мюллера, который вполне обоснованно исключен из числа источников словаря как подделка по фигурирует в том же едином списке.

Во втором разделе (стр. 22—26) очень сжато, но четко и содержательно даны важнейшие сведения по полабской фонологии в синхроническом плане и с точки зрения генезиса звуковой системы полабского языка. Третий раздел (стр. 27—30) включает указания о пользовании словарем и содержит списки сокращений и принятый в словаре алфавитный порядок. В отличие от принятого в большей части последних работ по полабистике обозначения одного из редуцированных как *э*, в словаре он передается как *ä*, что впол-

¹ См. А. Е. Супрун. Новые издания по полабской лексикографии и лексикологии. — «Советское славяноведение», 1966, № 2.

² K. P o l a ń s k i, J. A. S e h n e r t. Polabian-English Dictionary. («Slavistic Printings and Reprintings», LXI). Mouton & Co, The Hague — Paris, 1967, 239 p.

не последовательно, так как другой редуцированный передается через *ě* (у Трубецкого соответственно *ä* и *ǔ*). В библиографическом четвертом разделе (стр. 31) названы десять основных книг по полабскому языку.

Пятая часть (стр. 32—186) представляет собой собственно словарь. Он строится на основе алфавитного расположения транскрибированных полабских слов. В качестве заглавных приводятся слова в дошедших до нас грамматических формах; если дошло несколько форм слова, то они группируются в гнездо. Как в основной статье гнезда, так и в дополнительных статьях, напечатанных с отступом, даются необходимые грамматические пометы (часть речи, род, число, падеж, время, лицо и под.). После грамматической характеристики в скобках приводится этимология слова — либо дополабская (как известно, не всегда тождественная праславянской) форма, либо форма слова в источнике заимствования, большей частью средне- и нижненемецком. Далее следует английский перевод слова, обычно соответствующий немецким или французским эквивалентам полабских слов, которые имеются в первоисточниках. Ошибки в эквиваленте первоисточника в английском переводе устраняются. Иногда английская часть словарной статьи содержит не однословный перевод, а толкование. За английским переводом в скобках следует немецкий или французский эквивалент, который приведен в первоисточнике (кроме тех случаев, когда он явно ошибочен, вроде возникшего, очевидно, по недоразумению в словаре Пфеффингера понимания выражения *röl mailē* 'пол мили' как 'дотуда'). Здесь же отмечаются и все источники, в которых слово встречается. В словарь внесены и встречающиеся в первоисточниках сочетания слов, имеющие нередко идиоматические переводы, например, *lesně vrex* 'harzelnut' ('лесной орех').

К основной части словаря можно сделать некоторые замечания, касающиеся прочтения отдельных слов, тем более, что иногда в словаре встречаются новые прочтения, не получившие еще в литературе развернутого обоснования; они касаются, однако, скорее частных случаев. В тех случаях, когда дополнительные статьи должны были бы оказаться не рядом с основными (например, дополнительная статья *vibe* 'обе' к основной статье *vāboj* 'оба'), следовало бы, пожалуй, дать в соответствующих местах отсылочные статьи. К раскрытию семантики слов и в этом словаре придется, видимо, относиться критически, поскольку она, как правило, передает лишь понимание первоисточника, не всегда безупречное; разумеется, было бы нереальным на данном этапе ожидать от авторов иного решения сложного вопроса о семантике полабских слов.

Едва ли правомерно требовать от словаря рассматриваемого типа приведения всех написаний первоисточников, так как это, вероятно, слишком увеличило бы его объем, но думается все же, что по крайней мере иногда такие написания были бы полезны, особенно в тех случаях, когда имеются сомнения относительно структуры тех или иных слов. Во всяком случае, такие написания не менее важны, нежели подчас довольно громоздкие пояснения первоисточников по-немецки и по-французски, которые воспроизводятся полностью, с сохранением орфографии немецкой или французской части источника, а затем переводятся на английский. Это тем более важно отметить, что словарь предназначается для специалистов-филологов. Подобно тому как отсутствие транслитерации в воспроизведении словаря Хеннига Р. Олешом и отсутствие транскрипции в изданном им же словаре Юглера вынуждает обращаться и к другим словарям, так и словарь К. Полянского — Дж. А. Зенерта не сможет полностью заменить упомянутых в начале рецензии изданий. Нельзя не поблагодарить составителей словаря за большой труд по филологической обработке чуть ли не каждого слова, в результате которой была дана транскрипция этих слов, но вместе с тем приходится констатировать, что первичные написания слов в источниках филологам еще понадобятся.

Можно пожалеть также, что оснащенный рядом полезных вспомогательных указателей словарь не содержит важного для его широкого использования индекса этимонов, поскольку этимоны в полабском языке претерпели довольно значительные изменения и неспециалисту их нелегко обнаружить в словаре.

В шестом разделе (стр. 187—189) приведено три десятка оставшихся неясными полабских слов и форм. Здесь составители, естественно, не могли избежать приведения оригинальных написаний первоисточников, так как затранскрибировать можно было лишь понятые части этих слов и выражений; впрочем эти написания, сопровождаемые эквивалентами первоисточников и их английскими переводами, смогут быть использованы лишь при обращении к изданиям памятников, поскольку данных об орфографии первоисточников в словаре нет.

Седьмая глава словаря (стр. 190—220) названа «Полабская фразеология». Это, видимо, не совсем точно. На самом деле в этом разделе приведены не только сколько-нибудь устойчивые, но и вообще все сочетания слов, предложения и тексты, имеющиеся в первоисточниках. Это чрезвычайно ценно для тех, кто интересуется вопросами полабской грамматики. Расположены «фразы» по мере появления их в источниках; «фразы» даются в английском переводе и в переводе

источника, но без приведения оригинальных написаний. По сути дела эта глава оказывается своеобразной и полной хрестоматией полабских текстов.

Последняя восьмая часть книги (стр. 221—239) представляет собой обратный (инверсивный) полабский словарь. Для удобства пользования слова в этой части расположены по частям речи и категориям, что вполне оправдано, так как развитая омонимия окончаний и трудности в различении значений слов без дополнительных указаний затрудняли бы пользование обычным обратным словарем. Обратный словарь будет безусловно полезен для дальнейшего изучения полабского словообразования и морфологии. Уместность дальнейших исследований в области полабского словообразования можно показать на небольшом примере.

В «Полабской грамматике» Т. Лера-Сплавинского³ отмечается, что в полабском языке только у существительного *tākās* сохранился суффикс *-ačь* для обозначения действующего лица (дополабская форма **tākāčь*). Но слово *tohlāc* (средне-нижненемецкое *toveren + ačь*) 'колдун, волшебник' тоже имеет этот суффикс. Словарь К. Полянского и Дж. А. Зенерта предлагает также новое чтение слова *janos* (мн. ч. *janosē*), которое возводится к дополабскому **jednačь* и переводится имя как 'единственный сын' ('*only son*'). Слово это встречается в словаре Хеннига как полабский эквивалент немецкого *Einig*. Еще Ф. Лорентц⁴ видел в этом слове существительное со значением 'Einiger, Versöhner, Vermittler', т. е. 'посредник', что находит точные соответствия в польском языке и в поморских диалектах, в то время как обозначения 'единственного сына' в славянских языках имеют скорее суффикс **-akъ*. Однако при таком толковании оказывается неясной вторая часть сложного слова *tarüjjanosē* 'триединый'. Лорентц предлагал устранить ее, приняв это слово за искусственное образование, что действительно имеет основание; при таком понимании требует дополнительных пояснений *düjosē* 'двойный'. Указанные трудности не снимаются и пониманием, предложенным в словаре, но до более развернутого обоснования семантически кажется более вероятной гипотеза Ф. Лорентца; однако и в том и в другом случае в полабском языке можно предполагать наличие третьего агентивного существительного на **-ačь*. Но есть и еще три слова с суффиксом **-ačь*, которые, хотя и не относятся к названиям действующих лиц, могут быть подведены под категорию деятелей. Два из них — названия птиц *bikās* (средне-нижненемецкое *bicken* 'долбить' + **ačь*; слово пропущено в этимологическом словаре, но прокомментиро-

вано К. Полянским в «Морфологии заимствований») 'дятел' и *flaitāc* (из *flaitot*; средне-нижненемецкое *flaiten* 'играть на флейте, свистеть') 'славка (?)'. Третье *cirkos* (**čřkačь*) 'сверчок', для которого можно привести точное украинское диалектное соответствие *циркач* (видимо, не связанное с поздним омонимичным литературным *циркач* 'артист цирка'), зафиксированное недавно составителями Карпатского лингвистического атласа. Суффикс **-ačь* оказывается, таким образом, одним из сравнительно активных полабских суффиксов, способных образовывать имена деятелей (носителем агентивности мог быть человек или другое живое существо). Можно выразить сожаление, что *janos* не попало в субстантивную часть обратного словаря, вероятно, «по-старому» оставшись в адъективной, но нет сомнения в полноте полабских словообразовательных исследований, для которых обратный словарь весьма пригодится.

Рецензируемый словарь представляет собой как бы предварительный итог исследований по полабистике, опережая задерживающиеся пока выпуски этимологического словаря К. Полянского и обещанный Р. Олешом полный полабский словарь. Незначительное число неясных слов, если даже учесть и то, что придется, вероятно, еще вернуться и к анализу некоторых слов основного корпуса словаря, свидетельствует о большой работе, которая проделана полабистами по филологической критике и лингвистической расшифровке полабских источников. Этимологические ссылки при большинстве слов подтверждают результативность исследований в области этимологии и исторической лексикологии полабского языка.

Проведенная в словаре сплошная транскрипция и грамматическая инвентаризация полабского языкового материала не только подводит итог работам в области полабской фонологии, морфологии и лексикологии, но и представляет собой базу для дальнейших исследований. С одной стороны, теперь можно надеяться на более последовательное и более основательное привлечение полабского языкового материала в унифицированной и не вызывающей колебаний и сомнений форме. С другой стороны, этот словарь явится толчком для новых работ в узкой области полабистики, поскольку при его внимательном изучении становятся очевидными неясности и пробелы, которые имеются в этой области. Конечной целью таких исследований могло бы стать новое описание грамматической и словообразовательной системы полабского языка, основанное как на внутриполабских реконструкциях по возможности системного характера, так и на расширяющемся в последнее время включении полабского материала в общую систему межславянских соответствий.

³ T. L e h r-S p ł a w i n s k i. Gramatyka połabska. Lwów, 1929, s. 147.

⁴ F. L o r e n t z. Polabisches. — «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. III, 1926, s. 315 f.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1967 г.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН
ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

В целях европейской стабилизации. (О новых двусторонних договорах о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенных Польшей и Чехословакией, ГДР и Польшей, ГДР и Чехословакией.) «Новое время», 1967, № 13, с. 1—2.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Болгарией. (Подписан в Софии 12 мая 1967 г.) «Правда», 1967, 14 мая.

Дружба, братство, единство навеки. Партийно-правительственная делегация СССР в Болгарии. (10—13 мая 1967 г.) «Правда», 1967, 11—14 мая.

За мир и безопасность в Европе. Заявление европейских коммунистических и рабочих партий — участниц конференции в Карловых Варах (24—26 апреля 1967 г.). «Правда», 1967, 27 апреля.

Конференция европейских коммунистических и рабочих партий по вопросам безопасности в Европе. Карловы Вары, 24—26 апреля 1967 г. «Правда», 1967, 25—29 апреля.

Метелица Л. В. Великий Октябрь и мировая система социализма. Препоп. ист. в школе, 1967, № 2, с. 17—29.

Рапацкий А. Путь к прочному миру. (Интервью министра иностранных дел Польской Народной Республики корреспонденту «Правды».) «Правда», 1967, 15 мая.

Советско-болгарское коммюнике о пребывании партийно-правительственной делегации Советского Союза в Народной Республике Болгарии (10—13 мая 1967 г.). «Правда», 1967, 14 мая.

Хомутов Н. ПНР — Англия. Полезные контакты. (Об официальном визите министра иностранных дел ПНР А. Рапацкого в Англию в конце февраля 1967 г.) «Междунар. жизнь», 1967, № 4, с. 119—120.

Шульчинский Л. Ребро Франца Иозефа. (Польский публицист о «восточной политике» нового правительства ФРГ.) «Новое время», 1967, № 12, с. 14—16.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Балицкая П. Укрепление системы экономических рычагов в промышленности Польши. «Экономика Советской Украины», 1967, № 4, с. 89—91.

Богомолов О. Некоторые проблемы специализации и кооперирования производства между странами СЭВ. Мировая эконом. и междунар. отношения, 1967, № 5, с. 73—81.

Бочкова В. Банковская реформа в Болгарии. «Деньги и кредит», 1967, № 4, с. 86—88.

Бутаков Д. У чехословацких строителей. (О новом порядке поощрения досрочного строительства в Чехословакии.) Экономич. газета, 1967, № 14, с. 39.

В интересах промышленности и торговли. (О деятельности Общесударственного института изучения рынка в Югославии в Белграде и Загребе.) Экономич. газета, 1967, № 12, с. 38.

Вацудик М. Забота о благоустройстве столицы (Чехословакии Праги). «Партийная жизнь», 1967, № 9, с. 71—73.

Влчек Й. Темпы, пропорции. (О росте общественного производства в связи с новой системой планирования в Чехословакии.) Экономич. газета, 1967, № 18, с. 35.

Гоцев Г. Болгария — страна, развивающая международный туризм. Экономич. газета, 1967, № 11, с. 41.

Жуков В., Ольсевич Ю. Интернациональные затраты и сотрудничество стран СЭВ. Вопр. экономики, 1967, № 3, с. 70—80.

Закон о четвертом пятилетнем плане развития народного хозяйства ЧССР (1966—1970 гг.). Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1967, № 1, с. 111—116.

Зоуфалы К. Изучение потребительского спроса (в условиях совершенствования планирования и руководства народным хозяйством Чехословакии). Экономич. газета, 1967, № 12, с. 38—39.

Комиссаров А. Расширение экспорта машин и оборудования Польшей. БИКИ, 1967, 22 апр., № 48, с. 5.

Кулигин П. Хозяйственные реформы и внешняя торговля стран социалистической системы. Научн. докл. высш. школы. Экономич. науки, 1967, № 3, с. 22—31.

Кустовые совещания по Черноморскому и Беломорско-Балтийскому бассейнам (Констанца, сентябрь 1966 г.; Росток, ноябрь 1966 г.). Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1967, № 1, с. 61—62.

Левиньски П. Вперед много дел. (О деятельности Постоянной комиссии СЭВ по транспорту.) Экономич. газета, 1967, № 15, с. 39.

Малюгин В., Амстиков И. М. Опыт, эксперименты, перспективы. (О новой системе управления строительством в Чехословакии.) «Экономика строительства», 1967, № 4, с. 59—63.

Микудьский К. Трудовые ресурсы братских стран социализма. Научн. докл. высш. школы. Экономич. науки, 1967, № 3, с. 32—40.

Мирский З. Болгария: труженики земли. (О первом съезде трудовых кооперативных земледельческих хозяйств Болгарии. София, 28—30 марта 1967 г.) «Новое время», 1967, № 15, с. 16.

Мозохина А. Г. О совершенствовании системы органов управления промышленностью в ряде европейских социалистических стран. Советск. гос. и право, 1967, № 4, с. 82—87.

Москальков С. П. Территориальная концентрация промышленности и ее измерение (на примере Польши). Вестн. Моск. ун-та. География, 1967, № 2, с. 59—66.

Научно-техническое сотрудничество СССР со странами — членами СЭВ. Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1967, № 1, с. 63—67.

Некоторые показатели развития мировой системы социализма. Вестн. статистики, 1967, № 4, с. 93—96.

Обзор деятельности Постоянной комиссии СЭВ по черной металлургии за 1956—1966 гг. Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1967, № 1, с. 11—20.

Основные задания пятилетнего плана развития народного хозяйства ПНР на 1966—1970 гг. Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1967, № 1, с. 108—111.

Панкин М. С. Развитие торгово-экономических связей ПНР и ГДР со странами Юго-Восточной Азии. БИКИ, 1967. Приложение 3, с. 29—76.

Перечень некоторых статей и других материалов, опубликованных в газетах и журналах стран — членов СЭВ по вопросам экономического сотрудничества и развития экономики. Октябрь — декабрь 1966 г.). Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1967, № 1, с. 119—126.

Попов И. Основные направления технического прогресса в европейских странах — членах СЭВ. Вopr. экономики, 1967, № 3, с. 101—110.

Птичкин Н. Социалистическое сотрудничество крепнет и развивается. (О XX сессии СЭВ. София, 8—10 декабря 1967 г.) Внешн. торговля, 1967, № 2, с. 38—39.

Раевская Э. Выравнивание уровня экономического развития социалистических стран. Научн. докл. высш. школы. Экономич. науки, 1967, № 3, с. 12—21.

Ружаньски Г. На главных направлениях. (Выполнение плана первого года пятилетки странами — членами СЭВ.) Экономич. газета, 1967, № 10, с. 38—39.

Семи́н Н. Взаимная польза сотрудничества (между социалистическими и развивающимися странами). Экономич. газета, 1967, № 14, с. 39.

Содействие ЧССР в индустриализации Индии. Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1967, № 1, с. 82—85.

Сторожев В. Преобразование сельского хозяйства социалистических стран. Эконом. сельск. х-ва, 1967, № 4, с. 114—118.

Узунов М. Кооперация в жизни болгарского народа. Советск. потреб. кооперация, 1967, № 3, с. 56—58.

Фаддеев Н. СЭВ — сотрудничество равноправных наций. Междунар. жизнь, 1967, № 4, с. 8—16.

Фадеев В. Платность фондов в строительстве. (В связи с мероприятиями по совершенствованию системы планирования и руководства народным хозяйством в социалистических странах.) Экономич. газета, 1967, № 15, с. 40.

Шатас Ю. Ю. Двустороннее сотрудничество СССР с другими социалистическими странами в области мирного использования атомной энергии. Тр. АН Лит. ССР. Обществ. науки. Вильнюс, 1966, № 3, с. 32—42.

Шимон Б. Основные вопросы экономической политики КПЧ. Экономич. газета, 1967, № 18, с. 32—33.

Шимунек О. Чехословацко-советское экономическое сотрудничество: результаты и перспективы. Экономич. газета, 1967, № 18, с. 33—34.

Шульц З. Чехословакия: реформа в действии. «Новое время», 1967, № 17, с. 24—25.

Югославия. (Итоги развития народного хозяйства в 1966 г.) Экономич. газета, 1967, № 16, с. 40.

3. Партийная жизнь

Велчев Б. По пути дальнейшего организационного и идейного укрепления партии. (В связи с решениями IX съезда БКП.) «Партийная жизнь», 1967, № 6, с. 70—75.

Гендрих И. Об укреплении единства социалистического общества. «Коммунист», 1967, № 6, с. 82—97.

Козел Я. Проблемы идейно-политического единства партии. (О реализации решений XIII съезда КПЧ.) «Проблемы мира и социализма», 1967, № 3, с. 41—47.

4. Государственное строительство и право

Бриных Е. В. Споры об имущественной ответственности в практике Государственного арбитража ЧССР. (По страницам чехословацкого журнала «Ар-

битражная практика»). Советск. гос-во и право, 1967, № 4, с. 87—91.

Заворотько П. Виконання судових постанов у Чехословацькій Соціалістичній Республіці. «Радянське право», Київ, № 3, с. 93—95.

Йованович Б. Конституционные суды Югославии. Советск. гос-во и право, 1967, № 3, с. 113—123.

Колмаков В. П. Обзор работ по криминалистике и судебной экспертизе, напечатанных в журнале «Проблемы криминалистики» Польской Народной Республики. «Криминалистика и судебная экспертиза», Киев, 1967, вып. 3, с. 405—413.

Машанов П., Соколова Н. Из года в год. (Дальнейшее улучшение социального обеспечения в социалистических странах.) Соц. обеспечение, 1967, № 3, с. 62—63.

Турецкий М. В. Проблемы пенитенциарной политики и пенитенциарного права в Польской Народной Республике. Вестн. Моск. ун-та, Право, 1967, № 2, с. 39—54.

Шабанов М. Р. Комиссии народного контроля Чехословацкой Социалистической Республики. Уч. зап. Всесоюз. юридич. заочного ин-та, 1967, вып. 15. Сборник работ преподавателей Куйбышевского факультета ВЮЗИ, с. 162—173.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Георгиев Л. Трибуна революционной марксистской мысли в Болгарии. К 70-летию со дня выхода в свет первого номера журнала «Новое время». Полит. самообразов., 1967, № 3, с. 90—92.

Губогло М. О происхождении гагаузов. «Коммунист Молдавии», Кишинев, 1967, № 2, с. 71—75.

Златковская Т. Д., Иванова Ю. В., Маркова Л. В. Вопросы этнографии на Первом международном конгрессе балканских исследователей в Софии (26 авг.—1 сент. 1966 г.). Советск. этнография, 1967, № 1, с. 149—154.

Кізченко А. Ф. З історії радянсько-чехословацьких відносин напередодні другої світової війни (1935—1938 рр.). «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1967, вип. 4, с. 67—81.

Копылов В. Г. Об участии интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции. Вопр. истории, 1967, № 3, с. 126—134.

Кундюба І. Д. Характер і деякі особливості народно-демократичної революції в Польщі (1944 г.). «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1967, вип. 4, с. 22—32.

Кухараў Б. Я. Аграрны крызіс у Заходняй Беларусі і яго абстрактне (1929—1933 гг.). «Весті АН БССР». Серыя грамадскіх навук, Мінск, 1967, № 1, с. 58—65.

Магазінер О. І. Агресивна антіслов'янська політика Габсбургської монархії і балканська війна 1912—1913 рр. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1967, вип. 4, с. 140—152.

Мартиненко А. К. Підтримка Росією Болгарії в її боротьбі за зміцнення державного суверенітету в 1896—1899 рр. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1967, вип. 4, с. 110—116.

Мейер М. С. Османская держава и балканские народы. (Обзор публикаций и исследований историков Юго-Восточной Европы.) «Народы Азии и Африки», 1967, № 1, с. 133—142.

Парис М. Дорогой дружбы. (Значение Октября для социалистических стран.) Политич. самообразов., 1967, № 3, с. 85—90.

Петров Ф. П. Развитие дружественных отношений между Болгарией и Чехословакией (XV—XX вв.). Вопр. истории, 1967, № 3, с. 42—52.

Пляшко Г. А. З історії польсько-українських революційних зв'язків 60-х років XIX ст. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1967, вип. 4, с. 117—123.

Поспелов П. Н., Смирнов А. Ф. Карл Маркс о роли польского вопроса в европейской политике. (Новые материалы). Нов. и новейшая история, 1967, № 2, с. 14—28.

Савченко М. В дарунок польским друзьям. (К соглашению о передаче Польше некоторых правовых, философских, исторических, географических и др. изданий, относящихся к 1814—1939 гг.) «Архіви України», Київ, 1967, № 2, с. 90.

Соболева Н. А. К проблеме обращения пражских грошей в русских землях в XIV—XV вв. Вестн. Моск. ун-та. История, 1967, № 2, с. 49—61.

Судец В. А. Советский Союз и Болгария. «Новое время», 1967, № 12, с. 9—10.

Тодоров С. На пути к развитому социалистическому обществу. (О программе развития социалистической Болгарии в связи с решениями IX съезда БКП. Ноябрь 1966 г.) Пробл. мира и социализма, Прага, 1967, № 4, с. 20—29.

Трофимова И. Болгария: съезд Земледельческого союза. «Новое время», 1967, № 19, с. 14—15.

Файзієв Ш. Пролетарська солідарність народів СРСР с трудящими Болгарії в зв'язку з вересневим антифашистським повстанням 1923 р. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1967, вип. 7, с. 55—66.

Фрейденберг М. М. О специфике городского ремесла в Далматин-

ской Хорватии XIII—XIV вв. Уч. зап. Псковск. гос. пед. ин-та, 1966, вып. 32. Общественные и исторические науки, ч. 2, с. 58—74.

Черній А. І. Політична підтримка Радянським Союзом Болгарії в її боротьбі за зміцнення національної незалежності в 1944—1947 рр. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1967, вип. 4, с. 42—54.

Шмераль Б. Богумир Шмераль о Советской России в 1920 г. (Отрывки из книги «Правда о Советской России», написанной в 1920 г. и переизданной в Чехословакии в 1966 г.) «История СССР», 1967, № 2, с. 184—189.

Эйсымонт В. С. Польско-западногерманские отношения в 1956—1962 гг. Уч. зап. Омск. гос. пед. ин-та, 1967, вып. 27. Серия новой и новейшей истории, с. 3—43.

2. Культура

Брейтбурд Г. Споры о критике в Варшаве. (Встреча литературных критиков 17 стран, созванная польской секцией Европейского сообщества писателей, посвященная теме: «Литературная критика, проблема национальной литературы и универсальность современной культуры». Варшава, ноябрь 1966 г.) Вопр. литературы, 1967, № 3, с. 250—252.

В. Б. Конгресс польской культуры. (К 1000-летию Польского государства. Варшава, октябрь 1966 г.) Вопр. литературы, 1967, № 3, с. 197—199.

Иванова В. М. Проблемы гуманизма в современной югославской философской литературе. Научн. докл. высш. школы. Философские науки, 1967, № 2, с. 163—169.

Иванович К. А. Трудовое обучение и профессиональная ориентация в школах социалистической Югославии. Советск. педагогика, 1967, № 4, с. 133—142.

Илпев С. Возникновение социалистического реализма в Болгарии. «Социалистический реализм и проблемы эстетики». М., 1967, вып. 1, с. 28—55.

Карцева З. И. Болгарские писатели. (О встрече славистов МГУ с болгарскими писателями 12 октября 1966 г.) Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1967, № 2, с. 85—86.

Касвин Г., Савина А. Пионерия стран социализма. (О пионерских и молодежных организациях европейских социалистических стран.) Народн. образов., 1967, № 4, с. 105—110.

Келдыш Ю. Живое прошлое. (О международном фестивале старинной музыки стран Восточной и Средней Европы. Быдгощ, 10—16 сентября 1966 г.) Сов. музыка, 1967, № 3, с. 116—124.

Кравцов Н. И. Поэзия Сильвие Страхимира Краньчевича. (1865—1908). Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1967, № 2, с. 44—56.

Маринска Р. Народный мастер Болгарии. (О творчестве Стояна Венева в связи с выставкой его картин в Москве.) «Творчество», 1967, № 2, с. 21.

Савицкая В. Ксаверий Дуниковский. «Творчество», 1967, № 4, с. 20—22.

Славин К. Школа общественного воспитания. (Ежи Боссак и становление польского документального кино. 1929—1939 гг.) «Искусство кино», 1967, № 3, с. 97—103.

Сливовский Р. Литературная русистика в народной Польше. Вопр. литературы, 1967, № 4, с. 253—255.

Стоянов С. Художник-демократ. (К 70-летию болгарского композитора П. Стайнова.) Сов. музыка, 1967, № 3, с. 114—116.

Уразова Л. Живопись Чеслава Жешиньского. «Искусство», 1967, № 3, с. 57—59.

Цонев Й. Книга Николая Островского в Болгарии. (О первом подпольном переводе «Как закалялась сталь» в Болгарии в 1935 г.) Вопр. литературы, 1967, № 4, с. 251—252.

Шабалева М. Ф., Зиновьев С. И. Великий гуманист и педагог. К 375-летию со дня рождения Яна Амоса Коменского. Вестн. высш. школы, 1967, № 3, с. 49—52.

Шаронава Т. Ян Амос Каменскі. «Народная асвета», Минск, 1967, № 3, с. 90—93.

3. Языкознание

Андел В. П. Про функції словотворчих морфем -stvo і -stvi в чеській та інших слов'янських мовах. Вісник Львівськ. держ. ун-ту. Серія філологічна, 1966, вип. 4, с. 108—112.

Журавлев В. Владислав¹ Маркович Илич-Свитыч (1934—1966). (Некролог). Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1967, № 2, с. 95—96.

Кондрашов Н. А. Научная деятельность акад. Фр. Травничка. (К пятилетию со дня смерти). Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1966, т. 163, Русский язык, вып. 12, с. 243—258.

Трофимович К. К. Омонімія, синонімія і нейтралізація закінчень у лужицькій відміні іменників. Вісник Львівськ. держ. ун-ту. Серія філологічна, 1966, вип. 4, с. 101—106.

Чешко Е. В. Система падежей древнеболгарского языка. Вопр. языкознания, 1967, № 2, с. 49—63.

¹ В издании ошибочно—Вячеслав(Ред.)

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1966, № 6

Х р. Х р и с т о в, В. Б о ж и н о в, Ц в. Т о д о р о в а. О написании много- томной истории Болгарии; Н. Т о д о р о в. Первый конгресс балканистов и его значение; Д. Д и м и т р о в, Х р. К ё с е в. Партизанское движение в Шестой повстанческой оперативной зоне; Л. Е р и х о н о в. Любен Каравелов в переписке русских дипломатов; Б. Р. Я н о в с к и й. Неизвестный знатный болгарский род в России; В. Б о ж и н о в. Политика США по отношению к Болгарии в 1944 г.; О наших дискуссиях; Ж. Н а т а п. Ха- рактер, сущность и главные этапы в раз- витии болгарского фашизма.

1967, № 1

Ж. Н а т а н. Задачи болгарской исто- рической науки в свете решений IX съез- да Болгарской коммунистической пар- тии; Б р. Д ж о р д ж е в и ч. Борьба Сербской социалистической партии про- тив войны, за мир и Балканскую федера- цию (1914—1915); Р. А в р а м о в. Не- которые вопросы народного фронта во Франции; В. Х а д ж и н и к о л о в. Болгария — первая страна Народного фронта рабочих и крестьян до VII кон- гресса Коминтерна; И. М и т е в. Бесса- рабские болгары и освобождение Болга- рии; М. В е л е в а. Димитр Страшири- ров — историк болгарского Возрождения; Я. Й о ц о в. О некоторых вопросах болгарского фашизма; Н. Т о д о р о в. Пись- мо Л. Вулгариса к П. Хитову.

№ 2

Д. Ш а р л а к о в. Отечественный фронт и новейшая история Болгарии; А. П а н т е в. Политика английского ли- берального правительства по отношению к Болгарии в 1880—1885 гг.; М. В е л и ч к о в а. Борьба софийского рабочего мо- лодёжного союза против «Бранника»; С. Д а м я н о в. Ломский заговор (1867—1868); В. Х а д ж и н и к о л о в. Пер- вое представительство Интуриста в Болга- рии; Г. Д. Т о д о р о в. Зарождение и начало развития болгарской историогра- фии (681—1018); В. М и т е в. О периоде фашистской диктатуры в Болгарии с 1934 по 1944 г.

«Литературна мисъл», 1967, № 1

Н. Н и к о л о в. Баллада в творчест- ве Пенчо Славейкова; А. Н а т е в. Драма и сценарий; С. Х а д ж и к о с е в. Символизм в болгарской литературе и влия- ние на него французского символизма; Д. Л е н о в. Переводная беллетристика и так называемые «болгарские переработ- ки» в период Возрождения; Ч. Д о б р е в.

Некоторые проблемы реализма в творчест- ве Вахтангова; Л. Г е о р г и е в. Моло- дые поэты. Пырван Стефанов. Христо Фо- тев; Т. А н а с т а с о в. Берковские со- бытия и лица в творчестве Вазова.

№ 2

П. З а р е в. Народопсихология и ли- тература; Теоретико-историческая мо- дель болгарской литературы от Осво- бождения до первой мировой войны; Г. Д и м о в. Иван Вазов и борьба за созда- ние национально-самобытной реалисти- ческой литературы; М. М и н к о в. Шек- спир, Флетчер и Расин. О ренессансной и барочной традиции; Е. К о н с т а н т и н о в а. Крушения «маленького мира»; В. О з е р о в. В исторической проекции. С позиций марксизма-ленинизма; В. К о л е в с к и. Советская литература в журнале «Изкуство и критика»; Е. Г е о р г и е в. А. С. Пушкин и болгары.

№ 3

М. Н и к о л о в. Современное мифо- творчество и развенчание мифов; Л. Г е о р г и е в. Фелетоны Георгия Кир- кова; С. Б а е в а. Неофит Бозвели и Петко Славейков; Ж. А в д ж и е в. Ли- тературный критик и публицист-марк- сизм; Р. Д и м ч е в а. Сентенция и по- словица в болгарской литературе Возрож- дения; К. М е ч е в. Целеустремленный рассказ; Х. Й о р д а н о в. Великая Ок- тябрьская социалистическая революция и развитие болгарской литературы.

«Език и литература», 1967, № 1

Я. С т а н и с л а в. К вопросу об ис- следовании Киевских лптков; С. Р у с а к и е в. Творческий путь Леонида Анд- реева; С. С т о й к о в а. Отражение действительности в фольклоре; Ю. Б е г у н о в. Русская компиляция второй поло- вины XIV в. «О Богумиле попе»; Д. М и н е в. Вновь открытые ранние стихотво- рения Асена Расцветникова; С. С т е ф а н о в. О фонетических значениях двух письменных знаков, принадлежащих сов- ременной болгарской графической системе.

№ 2

К. П о п о в. Отражение аналитизма на структуре и развитии болгарского пред- ложения; Д. Б л а г о й. Роман Лермон- това «Герой нашего времени»; П. С г а л л. Алгебраическая модель языка; С. Р у с а к и е в. Путь Валерия Брюсова к рево- люции; Б. Ц е н к о в. Творчество Эма- нуила Попдимитрова; В. Б о р щ у к о в. Концепция целостной личности в эстетике и творчестве Горького; Ст. С т е ф а н о в. Дублирование знаков в болгарской гра- фической системе; Р. Р у с е в. Одно не- ясное место в романе «Под игом».

№ 3

И. Дзеве́рин. Ленин и проблема народности литературы; В. Коле́вски. Советская литература в журнале «Новис»; И. Бо́ндарь. Из истории *verba discendi* в русском и болгарском языках; Р. Ни́цолова. Обособление в болгарских народных говорах; В. Бо́рщук о в. Концепция целостности личности в эстетике и творчестве Горького; С. Ива́нчев. Количественный анализ перевода; Б. Шкли́фов. Глагольная система в костурском говоре.

«Български език», 1967, № 1

И. То́доров. К вопросу о первообразе «Истории» Паисия; М. Гео́ргиева. К вопросу о мелодике болгарского языка; К. Ни́чева. К характеристике фразеологизмов в болгарском языке; Б. Спмео́нов. Происхождение названия *Добруджа*; Р. Бе́рнар. От Николая Гоголя до Фредерика Мистрала (по поводу тур. *levend*, болг. *levémt*); М. Вы́гленов. О происхождении слов *тайфун* и *фарфор*; А. Спа́сова. О некоторых терминах, связанных с обработкой камня и заимствованных непосредственно из итальянского языка; Ст. Па́сильев. Боян Пенев и его научный стиль; М. Сл. Младе́нов. О членной форме *Дядото* как прозвище Дмитрия Благоева; М. Вы́гленов. Неправильное употребление глагола *отразявам*; Л. Андре́йчин. Правильные формы некоторых числительных имен; Б. Спмео́нов. *Рикшет* или *рекушет*.

№ 2

Л. Андре́йчин. Институт болгарского языка Болгарской академии наук (25 лет со времени его основания); З. Ге́надьева-Му́тафчиева. Финальные союзы в современном болгарском языке; С. Гео́ргиев. Лексико-семантическая модификация первичного числительного *един* в современном болгарском языке; Р. Ру́синов. К вопросу о лексической паронимии в современном болгарском языке; И. Пе́нчев. К вопросу о временах в современном болгарском языке; И. До́брев. К вопросу о прототипах древнеболгарского глаголического тетраевангельского текста *Codex Zographensis*; С. Ива́нчев. Существительные, обозначающие единичные предметы, в болгарском языке; М. О́дран. Судьба одного арабизма в славянских языках.

«Zeitschrift für Slavistik», 1967, № 1

Н. Гра́сгоф, Г. Шту́рм, Г. Ци́генгейст. К 60-летию проф. д-ра Г. Г. Вильфельда; Е. Ма́ндель. «Ткачи» Герхарта Гаутмана в России; И. О́пелик. Зрелый творческий период Ольб-

рахта sub specie его переводов из Т. Манна и Л. Фейхтвангера; Д. Фре́йданк. Интерпретация одного греческо-церковнославянского перевода в Изборнике 1076 года; И. Гы́лыбон. Древнеболгарский писатель о древнеболгарском артикле; Г. Пу́рт. Библиография славистических публикаций в Германской Демократической Республике в 1963—1964 гг.; Ф. Хи́нц. Библиография к Истории кашубской литературы. II. Ян Патоцк; Е. Пе́хштедт. Запись Л. Н. Толстого в книге для приезжающих в «Hotel zum Kronprinzen» в Лейпциге; Б. Ви́дера. Средневековые берестяные грамоты в Пскове и Смоленске.

«Kwartalnik historyczny», 1967, № 1

Д. и А. По́пше. Дедичи на Руси; А. Ко́делле. Литва и балтийская политика Яна III Собеского в 1675—1679 гг.; П. Ста́вецкий. Французский заем 1936 г.; К. Ты́менецкий. Начало средневековья; Ю. Ба́рдах. Церковные братства на русских землях Речи Посполитой в XVI—XVII вв.; А. Ге́йштор. О преподавании истории в университетах; Т. Ла́догурский. Замечания по поводу исторического атласа Польши; В. Па́луцкий. Исторический атлас Польши второй половины XVI в.; К. Сля́ский. Полонистика в шведских, норвежских и датских собраниях; Я. Ре́йхман. О новых работах турецких историков.

«Przegląd historyczny», 1967, № 1

Т. Ля́лк. О циркуляции металлических монет в Польше в X—XII вв.; В. Бо́рис. Выборы в Галлии и прения по вопросу о ликвидации крепостного права в венском парламенте в 1848 г.; А. Га́льос. Эволюция взглядов на деятельность Фридриха Гольштейна; Я. Ка́нцевич. Заграничный Союз польских социалистов. Его образование, организационные принципы и руководство с 1893 по 1896 г.; Я. Су́лэвский. Два неизвестных номера газеты «Merkuriusz Polski» за 1661 г.; Т. Фе́досова, К. Гро́нэвский. Письма Сигизмунда Сераковского Владимиру Спасовичу; А. Вы́робиш. Проблема падения ремесла и хозяйственного кризиса польских городов. XVI или XVII столетие?

«Z pola walki», 1967, № 1

К. Ка́вецка я. Независимая Социалистическая партия труда в Польше в 1921—1928 гг.; Я. Ще́бленский. Проблемы организационного развития ПОРП после объединения ПНР с ППС (декабрь 1948 — ноябрь 1949 г.); Т. Да́нишевский. Коммунисты и национальный вопрос в 30-е годы XX в.; Протоколы заседаний Партийного совета ППС

фракции (1909—1914 гг.), ч. II, 1912 г. — подготовил к печати А. Гарлицкий; Э. Шыр Генрих Торуньчик — последний командир бригады им. Я. Домбровского в Испании; Г. Торуньчик. О возникновении штурмового батальона в корпуса внутренней безопасности; А. Каминьский. Из деятельности Варшавской организации ППС в 1945—1946 гг.

«Pamiętnik literacki», 1967, № 1

В. Вайтрауб. Эллинизм Кохановского и его поэта; Я. Росновская. Связи творчества Дзержковского с литературой и искусством Запада; М. Стемпень. Казимеж Келлес-Крауз об искусстве и литературе; Ч. Згожельский. «Серебряное и черное» Леховя; Ф. Пелловский. Из истории отглагольных названий со значением лица. Существительные с формантом *-ciel* в XVI веке.

№ 2

И. Шевченко. Размышления о «Шахматах» Яна Кохановского; З. Новак. Конформационные адаптации «Альбертусов». Из истории формирования конформационной сатирической поэтики в Польше XVII в.; К. Вька. Норвид в Кракове; Я. Мачеевский. «Объединение Филиппи» и лагерь «молодых»; М. Гловиньский. Язык критических работ Игнация Матушевского; В. Писарак. Понятие лексического поля и его значение в стилистических исследованиях.

«Slavia orientalis», 1967, № 1

Т. Колаковский. Иван Крылов на польских сценах; П. Берков. Некоторые образы мировой литературы в интерпретации советских украинских поэтов; М. Лесюв. Глагольное спряжение в западноукраинских драматических произведениях XVII и начала XVIII века; М. Чурак. Заметки о приписках на рукописях Михаила Федеровского; Я. Зомбовская. Заметки о префиксально-суффиксальном способе словообразования в современном русском языке.

«Język polski», 1967, № 1

Е. Островская. Поэтичность синтаксиса древнейшего польского стихотворения; К. Писаркова. Местоимение в польском предложении; В. Маньчак. «Трансформационная» грамматика и здравый рассудок; А. Хейнц. Несколько замечаний о современном языковедении; М. Карась. О диалектной лексике. 7. *Swychać-słychać*; Б. Речкова. Радуга и синонимы; Б. Линдерт. Несколько замечаний о языковых архаизмах, встречающихся на территории города Люблина.

№ 2

В. Ташицкий. К вопросу о слове современных польских фамилий; З. Тополинская. Категории лица в польском языке; Г. Гурнович. Результаты исследования родовых местных названий в польском языке на фоне других славянских языков; М. Карась. Из диалектного словаря. 8. Диалектное *-padać (się)*; Ю. Речек. Древнепольские слова *przebytek, przybytek* и подобные; И. Табаковская. Дееспричастия в письменном языке учащихся старших классов начальной школы в Силезии; В. Р. Жепка. Polemический дуэт по поводу грамматической терминологии О. Копчинского; А. Стеффен. Еще раз о словах *dzyga* и *fruga*; З. Броцкий. *Zabezpieczyć bezpieczeństwo*; Б. Геровский, Я. Витковская. Язык переводов русской художественной прозы.

«Romanoslavica», 1966, XIII

Юбилейная сессия «Иоан Богдан и история румынской культуры» (Бухарест — Брашов 8—10 декабря 1964 г.); Э. Петрович. Место Иоана Богдана в румынской науке; П. Константиnescу-Яшь, К. Н. Велики. Иоан Богдан — историк; Г. Михайлаэ. Филологическое и лингвистическое наследие Иоана Богдана; В. Костакел. Вклад Иоана Богдана в изучение средневековых румынских институтов; Л. Джамондиаконице. Деятельность Иоана Богдана в румынской Академии; Дж. Сп. Радойчиц. «Bulgaralbanitoblahos» и «Serbalbanitobulgaroblahos» — две эпические характеристики Юго-Восточной Европы в XIV—XV вв. Никодим Тисманский и Григорий Цамблак; И. Курц. Заметки о балканизмах старославянского языка; П. П. Панаитеску. Еще раз о берладской грамоте 1134 г.; И. К. Кицимия. Народные романы, проникшие к румынам через посредство славян: Александрия; П. Олтяну. «Няговская постанла» в свете первого Учительного евангелия Кореси (около 1564 г.); Д. Фечору, Д. Замфиреску. Византийская и славянская литература в древней румынской культуре; Д. Струнгару. Зачатки румынской лексикографии; Ш. Панакостя. К вопросу о происхождении и распространении письменных повестей о деяниях Влада Цепеша; К. Линца. Документы канцелярии румынских господарей XVI—XVII вв. на польском языке; З. Юффу. Славянские рукописи библиотеки и музея монастыря Драгомира.

«Československý časopis historický», 1967, № 1

И. Мацек. Состояние и задачи исторической науки; Я. Ийру. От Делбоса к Боннету; Я. Кладива. Борьба

за душу народа в канун февраля 1948 г.; И. Гаубельт. Ломоносов? Нет, Ломоносов!; И. Пфафф. Дискуссия о Кареле Чапеке; Ф. Гоффманн. Возникновению Табора; Й. Коржалка. Дипломатия Германской империи в конце XIX в. о чешской самостоятельности и государственности.

№ 2

Т. Писак. Журналисты-активисты и позиция генерала Элиаша в 1941 г.; Я. Мезник. Две проблемы начального периода гуситской революции; Я. Новотный. Дискуссия относительно оценки революции 1848—1849 гг.; Й. Полишенский. Австрия, Пруссия и Германия в 1850 г.; Я. Станек. О деятельности чешской секции Первого Интернационала в Нью-Йорке; Б. Черны. Комитеты помощи германской эмиграции в ЧСР (1933—1938 гг.).

«Slovanský přehled», 1967, № 1

Т. Брод. Чехословацкая дилемма в СССР; М. Каспер. Фашистские проекты истребления лужицких сербов; Л. Бразда. НЗП и современность; Ф. Сплницкий. Заветы В. И. Ленина в национальном вопросе; А. В. Русак. Советские партизаны в Майском восстании чешского народа; Р. Гоффманн. Венгрия в период М. Ракоши; К. Герман. Великая прелюдия.

«Česka literatura», 1967, № 1

З. Пешат. Франтишек Галас; Ю. Штепанкова. За новую критику; Ф. Галас. Статья Галаса о поэзии.

№ 2

Д. Окопьець-Славинска. Роль условности в историко-литературном процессе; Я. Колар. Песнь о сражении у Усти; О. Малевич. Роль литературной традиции в книге Карела Чапека «Распятие»; М. Павек. Мечта жизни и жизнь в мечте; Р. Пытлик. Дифференциация жанров в послевоенном литературном развитии; М. Червенка. Иржи Леды.

№ 3

И. Грабак. Относительно характера чешского и русского хорей и ямба; К. Сгалова. Некоторые особенности чешского хорейского стиха; М. Червенка. Стихотворные системы в сборнике Кытице (Букет) Эрбена; О. Сус. По поводу структурального анализа эстетической нормы и динамики ее возникновения и применения; М. Елинек. К характеристике функционального художественного стиля; Й. Яржаб. О некоторых проблемах современного романа в англо-американском литературоведении

и критике; П. Ракош. Взгляд на западное литературоведение и эстетику; Список научных работ Иржи Ледого.

«Slovenská literatúra», 1967, № 1

Л. Новомеский. С авангардом и в авангарде; Ф. Штраус. К методологическим вопросам исследования словацкого стиха; В. Кохол. Штуровский десятислабичник и сербский десятерец; В. Шабик. К семидесятилетию профессора Романа Якобсона; Р. Якобсон. Грамматическая структура стихов Краля; О. Чепан. Словацкое литературоведение в 1945—1966 годах.

№ 2

А. Матушка. Вступительное слово; И. Кусы. Валянский в литературном развитии; П. Петрус. Значение корреспонденции для исследования жизни и трудов Валянского; Д. Дюршин. Валянский в качестве предмета сравнительного исследования; А. Червеняк. Валянский и Тургенев; З. Эйс. Валянский в зеркале чешской литературной истории; О. Чепан. Смысловый принцип Валянского; С. Шматлак. Два подхода и один парадокс; П. Либя. Валянский и литература для народа; Ю. Месарош. Не ограничивать и не деформировать взгляд на Валянского; Е. Йона. К взглядам Валянского на литературный словацкий язык; М. Гафрик. Неуживчивый Валянский?; Ц. Краус. О «реабилитации» Валянского; Ю. Ногге. Заметки об эволюционной и актуальной ценности литературного произведения; А. Шимкович. Валянский и «Народные новины»; М. Гашпарик. Источники негативной точки зрения на труды Валянского; В. Турчаны. О строфике в «Стихах» Валянского; П. Бунчак. Валянский — предшественник словацкого модерна; К. Розенбаум. Споры о Валяском; Я. Ормис. Валянский и Грюнвальд; В. Форст. Валянский, Флегер и Онеги; Д. Окали. Что не было мною высказано в искусстве.

№ 3

Ю. Ногге. Романтические начала Иозефа Милослава Гурбана; Р. Хмель. Микулаш Догнаний — жизнь и творчество; П. Вонгрой. К проблемам идейной дифференциации словацкого романтизма; А. Немлага. Несколько замечаний к сорок восьмью годам; Ю. Кржижановский. Яношик в поэзии Казимира Тетмайера.

«Slavia», 1966, № 4

И. Вашица. Оригинальный старославянский литургический канон св. Дмитрию Солунскому; В. Ф. Мареш. «Ес-

ли кто-то убьет человека (?), пусть три месяца пьет из деревянной чаши, а к стеклянной пусть не прикасается» (Vita Constantini 15, 10); В. К и а с. Хорватско-глаголические тексты Жития Константина; И. Г в и щ. Жанровая структура словацкой и польской басни в эпоху до романтизма; И. П о г а ч н и к. История словенской повествовательной прозы; В. Р ы н е ш. К вопросу о начале культуры св. Вита в чешских землях; Ф. В о л ь м а н. Общие закономерности и периодизация славянских литератур; С. В о л ь м а н. Русская литература XVIII столетия и П. Н. Берков; И. Ф р а н е к. Михаил Шолохов на чешском языке; З. С а л о н и. Польские реалии в «Похождениях бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека.

«Slavia», 1967, № 1

Я. Я н. Старославянское наречие как член предложения; О. Н е д е л ь к о в и ч. Знаки ударений в сербских доресавских рукописях; О. П а р о л ь к о в а. К проблематике возвратных глаголов и так называемого возвратного пассива в современном литературном русском и чешском языках; Р. М. М и л е й к о в с к а я. К истории славянской грамматической терминологии; Т. Б у х. Об интонациях в современном литовском языке; Ф. М. Б а р т о ш. Творчество и судьба польского гусита Андрея Галки; Г. Е л и т е. Место наречия в предложении в старославянском языке; Е. И. М е л ь н и к о в. О чешских лексических элементах в русском языке, заимствованных через посредство польского и других языков (в XIV—XIX вв.); Ф. В о л ь м а н. Общее и сравнительное изучение славянских литератур; И. П о л а к. Перевод Сладека «Конрада Валленрода» Мицкевича.

«Slovenská reč», 1967, № 1

Я. Г о р е ц к и й. Генеративные модели в современном языкознании; Я. С а б о л. Двойные формы *psi/psy, vlci/vlky, vtáci/vtáky*; Л. Д в о н ч. Склонение иностранных собственных имен типа *Reggio di Calabria*; И. М и с т р и к. Длина предложения при стилистической характеристике; М. И в а н о в а - Ш а л и н г о в а. Дублиеты и варианты в Словаре словацкого языка; Ю. Р ы б а к. Местоименные наречия *ta — tam, kam — kde*; Й. В а в р о. *Cigel', Cigl'an/Ciglianka, cigliansky*; Ф. Б у ф ф а. О формах слова *dláto* в словацком языке; В. У г л а р. Формы *bou, tau* и *dobró, dobroho* и словацкий литературный язык.

№ 2

Ю. Ф у р д и к. О виде и управлении отглагольных существительных; И. М л а д е к. Об однородных сказуемых и ядре

предложения; Й. М и с т р и к. Средняя величина длины предложения в стилистической типологии; Ш. П е ц и а р. Количество и образование прилагательных на *-tel'ny/-itel'ny*; И. К о т у л и ч. Значение, распространение и происхождение слова *meru*; Ш. Л и п т а к. К обозначению сказки в словацком языке; Р. К у х а р. К значению слова *žriedlo*; Л. Д в о н ч. Творительный падеж множественного числа существительных типа *srdce*; Я. М и х а л. Замечания к толкованию слов в Словаре словацкого языка.

№ 3

Й. Р у ж и ч к а. Тезисы о словацком языке; Ш. П е ц и а р. Образование и количество гласных существительных мужского рода с суффиксами *-č, -ač, -áč/-iač*; Л. Д в о н ч. К склонению французских имен на *-es* и английских и французских имен на *-e*; В. И х л а р. Из проблематики местных названий и производных слов; Я. М п х а л. Замечания к Словарю словацкого языка; Я. Г о л ы. Категория падежа и эмоциональный признак.

№ 4

Я. Р у ж и ч к а. Год хорошей работы; Е. Й о н а. Начало штуровского словацкого языка и Й. М. Гурбан; Ш. П е ц и а р. Образование и количество имен действующего лица на *-tel'/-itel'*; И. М и с т р и к. Закономерность и дистрибуция элементов языка; Й. Ш т о л ь ц. Итоги, перспективы и проблемы словацкой диалектологии; А. Г а б о в ш т я к. К исследованию словарного состава словацких наречий; Ф. Б у ф ф а. О монографическом исследовании образования слов в словацких диалектах; Л. Д в о н ч. О разделении слов типа *nájem* при переносе.

«Slavica Slovaca», 1966, № 3

Л. Н о в а к. Соотношение форм номинатива личных местоимений в славянских языках; Р. К р а й ч о в и ч. Структурные предпосылки палатализации веларных в славянских языках; Э. И. К о р о т а е в а. О междометном предложении союзов; Й. Ш т о л ь ц. Выражение притяжательности в словацком языке и его параллели в славянских языках; Я. Ф р и д е ц к и й. К проблеме синонимов в немецко-хорватском словаре Шулека; Ш. О н д р у ш. Роман Якобсон и современное языкознание; М. Л а ц и о к. Словацкий язык в славистической литературе до Л. Штура.

№ 4

Й. Г в и щ. Некоторые проблемы всеобщей теории перевода; Л. Д е с н и ц к а. Внутренний мир человека в сатире XVII

столетия; Я. Кошка. Специфика словацкой «модерны»; С. Леснякова. Издания Толстого и других русских писателей в Словакии в конце XIX и в начале XX столетия; П. Вицпер. Przeglad humanistycznej (Humanistische Rundschau).

«*Slavica Slovaca*», 1967, № 1

М. О. М а л и к о в а. Словообразовательная структура слов с лексической морфемой *мало-* в русском языке; Я. Станислав. Предикативный номинатив в словацком языке; Я. Доружа. О чешском языке в Словакии в XVI—XVII веках и о развитии словарного состава словацкого языка; Ф. Симма. Два случая словацко-венгерского лексико-семантического взаимодействия; Й. Мистрик. Сигналы системы вертикального расположения слов в словацком, чешском и русском языках; Ф. Буффа. О так называемых отлагательных существительных в польском и словацком языках; М. Майтан. Самостоятельная частица *si* в словацком языке; М. Лациок. Hungarica vocabula originis slavica; В. Блана. Развитие чешских личных имен; К. Палкович. Оравский идиотикон Цицора Цоха.

«*Slovo a slovesnost*», 1967, № 1

П. Питьха. К определению объема грамматики; Э. Славичкова. Некоторые проблемы морфемного анализа чешского языка; З. Сохова. Словарный состав диалектов и проблемы его разработки; З. Тиха. Несколько замечаний о семантическом наполнении безразмерного стиха; П. Новак. Об одной модели стилистического элемента языкового кодирования II; М. Млезива. Проблема обозначения и выражения в логической семантике. М. Кoubkova. Частный алгоритм анализа математического текста (об автоматическом переводе с русского на чешский язык); Заметки о книгах Гердана по квантитативной лингвистике; Л. Ухлиржова. К исследованию порядка слов; Э. Бенеш. Сборник о чешско-немецких связях в области языка и культуры; М. Грель. Современная проблематика типов предложений и их составных частей в славянских языках; Р. Мразек. Структурные типы предложений в отдельных славянских языках и их сравнительно-типологическое изучение; Я. Бауэр. Развитие типов предложений в славянских языках и его сравнительно-историческое изучение; Й. Вахека. Современное положение в фонологии в свете международной фонологической конференции в Вене.

№ 2

К. Горалек. Семантика текста с точки зрения теории перевода; Т. Слама-Казак. Несколько замечаний о предмете и методологии психолингвистики и возможностях ее аппликации; К. Свобода. К проблематике сложного сочинительного и подчинительного предложений; Я. Махач. К лексикологической проблематике словосочетаний; И. Новотная. Сочетания согласных на акустическом спектре; Л. Небеский. Аналитическое направление в алгебраической лингвистике; К. Сгаллова, П. Сгалл. Новые отношения поэтики к лингвистике и математике; Й. Филипец. Опыт Ульмана изучения системы в семантике; Я. Корженский. Брненский симпозиум о «Структурных типах славянских предложений и их развитии»; Я. Корженский. О заседании Международной комиссии по изучению грамматического строя славянских языков в Смоленцах в 1966 г.; П. Питьха, Ф. Даниеш. Летняя лингвистическая школа (Linguistic Institute) 1966 г. и американские лингвистические конференции, с нею связанные.

«*Izraz*», 1966, № 10

С. Леовац. Искусство слова и смех; Е. Денегри. Скульптор Иван Кожарич; З. Глушчевич. Взгляд на развитие сербской литературы в XX в.; З. Лешич. Жизнь стихотворения; М. Митрович. Проза Павла Зидара; М. Квапил. Саво Скарич Зембиль и Петар Кочич (I).

№ 11

Л. Гольдман. Введение в проблемы социологии романа; Б. Богданович. Города и воды; С. Лукич. Правда и ложь о Милане Ракиче; К. Прохич. На общем пути; Р. Бугарский. Лингвистические взгляды Фердинанда де Соссюра; С. Трумич. Зора Петрович; М. Квапил. Саво Скарич Зембиль и Петар Кочич.

№ 12

Е. Денегри. Творчество скульптора Воина Бакича после 1960 г.; С. Колевич. «Том Джонс» Фильдинга и любовная этика европейского романа; М. Митрович. Поэтический образ Цирила Злобца; М. Капор; Телевизионная сказка; М. Ранкович. Дис и Пандурович; М. Квапил. Саво Скарич Зембиль и Петар Кочич (III).

ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР и ЧССР

В соответствии с планом научного сотрудничества Советского Союза и Чехословацкой Социалистической Республики создана совместная Комиссия историков СССР и ЧССР.

Первое совместное заседание Комиссии состоялось в Праге 24—29 мая 1967 г. Чехословацкую часть Комиссии на этом заседании представляла делегация историков во главе с акад. Й. Мацеком. С советской стороны присутствовала делегация во главе с акад. П. Н. Поспеловым. После вступительных речей президента ЧСАН, акад. Фр. Шорма, акад. Й. Мацека и акад. П. Н. Поспелова Комиссия приступила к рассмотрению следующих вопросов повестки дня:

1. Обсуждение Положения (статута) о Комиссии историков СССР и ЧССР.

2. О выполнении Протокола совещания делегаций Президиума АН СССР и Президиума ЧСАН от 14 VI 1966 г. о научном сотрудничестве в области исторических наук.

3. Информация о конференции, посвященной 40-й годовщине возникновения Чехословакии, и обсуждение вопроса об участии советских историков на этой конференции.

4. Подготовка конгресса славистов в 1968 г. (взаимная информация).

5. О подготовке международного конгресса историков в Москве в 1970 г.

6. Совместная публикация источников и сборников статей по истории советско-чехословацких отношений.

7. Подготовка обсуждения вопросов, связанных с работой советских историков в архивах ЧССР и чехословацких историков в архивах СССР.

В принятом на заседании положении о Комиссии предусматриваются ежегодные совместные заседания поочередно в каждой стране. Предметом обсуждения очередных заседаний Комиссии могут быть теоретические и методологические вопросы по важнейшим проблемам исторической науки, а также доклады и сообщения о наиболее важных результатах и планах исследований по исторической проблематике. Важнейшими задачами Комиссии являются: оказание помощи в расширении координации деятельности советских и чехословацких историков;

выдвижение тем для обсуждения на совместных симпозиумах, конференциях и других научных совещаниях; содействие координации работы советских и чехословацких историков в период подготовки и проведения международных встреч, конгрессов, конференций; оказание взаимной помощи в получении архивных материалов и научной литературы; определение наиболее важных направлений исследовательской работы, по которым было бы целесообразно создание совместных или координируемых трудов; внесение своих предложений к плану научного сотрудничества СССР и ЧССР по исторической проблематике; содействие регулярному взаимному обмену научной информацией о состоявшихся в странах научных конференциях и совещаниях и о важнейших результатах исследовательской работы.

Активно обсуждался также вопрос о выполнении плана научного сотрудничества в области исторической проблематики, зафиксированного в протоколе совещания делегаций Президиума АН СССР и Президиума ЧСАН от 14 VI 1966 г. Информацию по этому вопросу с чешской стороны сделал В. Краль, подчеркнувший в своем выступлении, что основные положения этого протокола и приложения к нему, относящиеся к работам по вопросам истории, выполняются вполне удовлетворительно.

С советской стороны выступил П. Резонов, рассказавший о совместных и координируемых работах, которые готовятся в соответствии с планом научного сотрудничества. Вместе с тем он отметил, что некоторые темы соглашения необходимо конкретизировать и уточнить состав участников.

По вопросу об улучшении и расширении взаимной информации в журналах о научной работе по исторической проблематике и о результатах исследований было принято решение рассмотреть его на очередном заседании Комиссии.

Комиссия сочла целесообразным и дальше расширять обмен научной исторической литературой через соответствующие учреждения и выработала предложения, призванные улучшить состояние дела в этой области.

Представители советской и чехословацкой части Комиссии высказали ряд соображений о необходимости дальнейшего улучшения условий работы исследователей в архивах. После обмена мнениями было принято решение рекомендовать обеим частям Комиссии подготовить для обсуждения вопрос об условиях работы в архивах СССР и ЧССР в 1968 г., предварительно изучив и обобщив имеющийся в этом деле опыт в каждой стране.

Комиссия приняла к сведению сообщения о подготовке к V конгрессу славистов в Праге советской и чехословацкой сторонами и высказала пожелание, чтобы заблаговременно был осуществлен обмен докладами советских и чехословацких историков — участников конгресса.

Далее Комиссия заслушала информацию В. Краля о подготовке чехословацкой стороной публикации документов «Советско-чехословацкие отношения в 1917—1945 гг.». В своем решении Комис-

сия отметила, что это издание целесообразно осуществить совместно силами чехословацких и советских научных и архивных учреждений.

На заседании Комиссии состоялся обмен мнениями о перспективном плане работы Комиссии и научной проблематике, которую следует обсудить в будущем.

Члены Комиссии приняли также участие в работе общегосударственного симпозиума, посвященного 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, проходившем 25 и 26 мая в Либлицах.

Советские делегаты посетили ряд институтов ЧСАН, встретились с работниками архивов, издательства ЧСАН и активом Союза чехословацко-советской дружбы; председатель Союза Зд. Фирзингер и П. Н. Поспелов обменялись речами. Работа Комиссии широко освещалась чехословацкой печатью.

П. Р.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНСКИХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В конце января (24—31) 1967 г. в Институте русского языка АН СССР проходил международный симпозиум «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». В истории этимологии (славянской и индоевропейской) этот симпозиум явился первой, причем весьма представительной, международной встречей специалистов-этимологов. Симпозиум был организован по инициативе Сектора этимологии и ономастики Института русского языка АН СССР, работающего над составлением этимологического словаря славянских языков, как деловая, немногочисленная встреча специалистов-этимологов, преимущественно славистов, с целью обсуждения состояния и методик славянской этимологии на фоне общей проблематики современной этимологии. В работе симпозиума приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Свердловска, Вильнюса, Донецка, Куйбышева, Кременца, а также ученые Польши, Чехословакии, Югославии, Венгрии, ГДР, ФРГ, Швеции, Швейцарии. К сожалению, на симпозиуме не присутствовали болгарские этимологи. На заседаниях симпозиума было заслушано и обсуждено 39 докладов.

Симпозиум не ставил своей задачей специальное обсуждение работы по составлению этимологических словарей славянских языков, однако вполне закономерно, что именно доклады их составителей и руководителей соответствующих коллективов вызвали особенно пристальное внимание. Это были доклады О. Н. Тру-

бачева (возглавляющего Сектор этимологии и ономастики Института русского языка АН СССР), А. С. Мельничука (руководящего работой по составлению этимологического словаря украинского языка в Киеве), Ф. Славского (автора этимологического словаря польского языка и руководителя краковского коллектива, работающего над праславянским словарем), К. Полянского (автора этимологического словаря полабского языка), Ф. Копечного (руководителя брненского коллектива, создающего этимологический словарь славянских языков), Ф. Беала (работающего над этимологическим словарем словенского языка) и Х. Шустер-Шевца (работающего над лужицкой этимологией). При всем многообразии поставленных в докладах вопросов многие ключевые проблемы оказались общими. О. Н. Трубачев большое внимание уделил состоянию работы над новым этимологическим словарем славянских языков и определил принципиально важные черты будущего словаря: его словообразовательно-этимологическое направление, преобладающую роль метода внутренней реконструкции при отборе материала отдельных славянских языков, стремление к возможно более полной реконструкции праславянского лексического состава во всем его многообразии с точки зрения словообразования и во всей его сложности с точки зрения диалектного дробления и специфических связей отдельных диалектов с другими индоевропейскими языками. Основные положения доклада получили поддержку в выступлениях Ф. Славского и К. Полян-

ского. Вопрос о максимальном использовании лексических данных отдельного славянского языка в его истории и диалектном многообразии был центральным в докладе Ф. Славского и освещался также в докладах Ф. Копечного, К. Полянского и Ф. Безлая. Последние два докладчика особое внимание уделили вопросу диалектной сложности зафиксированного лексического состава отдельных славянских языков — полабского (К. Полянский) и словенского (Ф. Безлай). Центральное место в докладе Ф. Безлая, основанном на обширном словенском материале, было отведено проблеме специфических диалектных связей словенского языка с западно- и восточнославянскими языками, а также с балтийскими и германскими языками. В связи с этим была затронута также хронология диалектных различий праславянского языка: докладчик возводит их к периоду активности аблаута. Следствием древнейшего диалектного членения праславянского языка Ф. Безлай считает неоднократно отмечавшуюся исследователями богатую синонимию праславянского словарного состава. Вопрос о древнейшем диалектном членении славянской языковой территории ставился также в докладах К. Полянского (специально — о диалектных связях полабского языка с польско-лужицкой группой и со словенским) и Р. В. Кравчука (в частности, о специфических связях восточнославянских языков с болгарским).

Оживленные прения вызвал доклад А. С. Мельничука о возможностях гнездового этимологического анализа, который позволяет рассматривать слово на широком фоне родственных образований, восходящих к одному индоевропейскому корню. Участники обсуждения говорили о необходимости строгого отбора материала отдельных языков (Ф. Копечный) и осторожности в фонетических отождествлениях и формантном анализе на индоевропейском уровне (А. Б. Долгопольский). Необходимости уточнения и расширения представлений о фонетических закономерностях, древнейшем словообразовании и семантической структуре языка (не отождествляемой с внеязыковым аспектом — с планом реалий) посвятил свой доклад Х. Шустер-Шевц.

Большое число докладов было посвящено методике славянской этимологии. Весь комплекс трудностей, встающих на пути к анализу славянской лексики, — трудностей филологических, фонетических, морфологических, семантических, связанных с поисками индоевропейских соответствий или с вопросами заимствования, — осветил в своем докладе О. Семереньи, обосновав большое количество новых этимологических решений. Специально фонетическим проблемам славянской этимологии посвятил свой доклад В. К. Журавлев, предложивший объяс-

нение фонетических дублетов на основе диахронической фонологии. Р. В. Кравчук поставил вопрос о проверке и усовершенствовании фонетических формул и о критическом пересмотре на этой основе ряда традиционных этимологий.

Вопросам словообразования в его отношении к этимологии были посвящены три доклада. Ю. В. Откупщиков в своем докладе особенно акцентировал необходимость изучения словообразовательной структуры корня и основы, а также подтверждения словообразовательного анализа в каждом случае этимологического решения возможно большим числом аналогичных словообразовательных рядов различного деривационного направления. В докладе Ж. Ж. Варбот на материале славянских имен, соотносительных с глаголами, рассматривалось изменение морфонологических характеристик словообразовательных моделей на протяжении истории языка и влияние этих изменений на унаследованные лексемы, а также вопрос о типах словообразовательных структур групп слов, восходящих к единому этимологическому гнезду. Доклад В. А. Никонова содержал характеристику русского словообразования в его формантном многообразии, варьировании по различным частям речи и отношении к словообразованию других славянских языков.

На необходимых, хотя и не всегда принимаемых в расчет аспектах этимологического исследования — аспекте учета реалий и филологическом аспекте — остановился в своем докладе А. С. Львов.

О важности для славянской этимологии «периферийной» лексики — диалектной, исторической, ономастической, а также производных образований — говорилось в докладе И. П. Петлевой.

Большое внимание на заседаниях симпозиума было уделено семантике. Теории семантических микроструктур и ее применению в славянских этимологических исследованиях был посвящен доклад В. В. Мартынова. Г. Якобссон остановился на семантическом аспекте этимологизации слов, выражающих абстрактные понятия. На материале понятия «время» докладчик показал, что для этимологизации подобных слов необходимо конструировать модели возникновения абстрактных понятий путем горизонтального (синхронного) и вертикального (диахронического) исследования семантики языка с использованием фактов различных языков и различных культур мира. Признание методологической важности этимологического анализа целых лексико-семантических систем лежало также в основе доклада А. Е. Супруна, особенно акцентировавшего проблему несовпадения лексико-семантических и этимологических систем языка, возможного, в частности, при заимствовании.

Ряд докладов содержал этимологический анализ семантических групп.

Е. Гавлова представила доклад о славянской лексике со значением 'возраст' и 'век', рассмотренной ею в связи с аналогичными названиями в индоевропейских языках. Выделив наиболее характерные для индоевропейских и славянских языков семантические модели в области терминов 'возраст' и 'век', Е. Гавлова дала ряд новых, очень убедительных этимологий (слав. *vrstь*, лтш. *mūžs*, лит. *amžius*, лат. *saeculum* и др.). В. А. Меркулова посвятила свой доклад анализу русских наименований лекарственных растений в связи с народными названиями болезней; в докладе представлен обширный диалектный материал, рассмотрены наиболее характерные семантические модели. Л. В. Куркина представила большой лексический материал, связанный с обозначением болот в славянских языках; эта лексико-семантическая группа была охарактеризована с точки зрения семантических и словообразовательных моделей, а также в ее отношении к диалектному членению славянской языковой территории.

К этой группе докладов примыкает также методологический доклад Ф. Копечного об этимологизации грамматических слов. На обширном материале докладчик обосновал теорию о типичности для индоевропейских и славянских языков образования союзов, указательных местоимений, усилительных и модальных частиц из действительных частиц-междометий.

Более или менее значительные лексико-семантические группы рассматривались и в других докладах. Так, специальному обсуждению подверглись славянские числительные первого десятка в их генетическом отношении к индоевропейским числительным и особенно формирование количественных числительных, их первичная семантика и взаимное структурное выравнивание. Различные точки зрения по этим вопросам были высказаны в докладах О. Семереньи и А. Е. Супруна.

Большую группу славянских слов, не связанную как будто внутренним единством, протимологизировал в своем докладе В. И. Абаев. Предложенные им толкования объединялись, однако, стремлением использовать для объяснения славянской лексики лексических данных пранских языков (в частности, осетинского) — в плане предположения об исконном родстве или о заимствовании. Доклад вызвал оживленное обсуждение, в котором приняли участие О. Н. Трубачев, Ф. Копечный, Ф. Славский, Б. Савукина, С. В. Фролова, А. К. Матвеев и в ходе которого были высказаны критические замечания по поводу этимологии слов *Москва*, *чехарда*, *драпать* и др.

Много новых этимологических решений и уточнений этимологий М. Фасмера содержал доклад А. И. Попова, посвященный проблеме совершенствования прие-

мов этимологического исследования. Докладчик обратился к плану реаллий, а также к материалам истории, диалектологии и этнографии, что позволило ему особенно удачно осветить ряд заимствований (*бахмур*, *табанить*, *сопел* и др.).

Проблемы этимологизации заимствований рассматривались в ряде докладов. Л. Киш изложил некоторые принципы этимологизирования заимствованных слов: принцип самобытности (то есть предпочтения этимологизации из собственных ресурсов данного языка), принцип выяснения конечного источника и принцип неединичности заимствующего языка (с предостережением против универсализации последнего принципа выступил А. Е. Супрун). Доклад Н. И. Толстого был посвящен изучению балтизмов в восточнославянских языках, в частности анализу распространения и семантики слова *пелька* литовского происхождения. О сложной проблематике этимологизации тюркских элементов в славянских языках говорил в своем докладе И. Г. Добродомов (с критическими соображениями по материалу этого доклада выступили Ф. Славский и А. С. Львов). К рассмотренной группе докладов примыкает доклад И. Хубшидта о палчин в славянских языках следов субстрата, близкого дороманскому субстрату.

Характерное для последнего времени стремление расширить круг непосредственных объектов и вспомогательных материалов этимологии за счет привлечения ономастики, особенно топонимики, нашло свое отражение и в тематике симпозиума. Вопросам этимологизации топонимов было посвящено несколько докладов. А. К. Матвеев остановился на очень сложной для ономастики, но привлекающей все большее внимание проблеме семантической мотивации топонимов и возможности определения соответствующих тенденций. Этот вопрос был затронут также и в докладе Б. Савукина, на балтийском материале рассмотренного возможные критерии проверки этимологии гидронимов. Опыт использования топонимических материалов для выяснения происхождения суффикса *-аба* в сербско-хорватском языке был представлен в докладе В. Михайловича. В докладе Л. А. Гиндина на материале древней топонимии юга Балканского полуострова был поднят вопрос о специфике этимологизации топонимов в сравнении с апеллятивами.

Как уже было отмечено выше, проблемы славянской этимологии рассматривались на фоне и в связи с общей проблематикой современной этимологии, индоевропейской и неиндоевропейской. Индоевропейский аспект присутствовал во многих из перечисленных докладов. Несколько докладов было специально посвящено этимологии индоевропейских (неславянских) языков: это доклад А. И.

Харсекина об этрусском *verbum substantivum*, «Миллийские этимологии» А. А. Королева и В. В. Шеворощкина, а также доклад М. Л. Воскресенского и А. А. Королева о составлении этимологического словаря италийских языков (без латинского). Теории этимологических исследований на индоевропейском уровне был посвящен доклад Э. А. Макаева, остановившегося на вопросах структуры и содержания индоевропейского этимона. Докладчик обратил внимание на необходимость распространения принципов относительной хронологии на лексико-семантический уровень языка.

Большой интерес вызвал методологический доклад Вяч. Вс. Иванова об использовании в этимологических исследованиях сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках (в качестве материала были приведены образцы древнеармянской поэзии). По мнению докладчика, подобные сочетания являются источником аллитерации как литературного приема.

На неиндоевропейском материале были основаны два доклада. Доклад Г. Барци о современном состоянии исследований лексики венгерского языка был воспринят с большим вниманием и интересом. Существенно отметить, что основные методологические проблемы венгерской этимологии, выделенные докладчиком, — максимальное использование данных истории и диалектов венгерского языка, данных других областей науки (археологии, этнографии, фольклора, экономической истории), изучение слова в системе языка, необходимость осторожного учета экспрессивного момента в развитии лексики — очень близки славистам. В докладе Г. А. Климова был поставлен вопрос о словарной общности картвельских и абхазо-адыгских языков, восходящей, вероятно, к отдаленному (может быть, даже на уровне ностратического единства) родству кавказских языков.

Наконец, ностратической проблематике был посвящен доклад А. Б. Долго-

польского о ностратических основах с сочетанием двух шумных согласных.

Таков круг тем, которые были подняты во время работы симпозиума. Многообразие их, вероятно, было неизбежно, поскольку этимология может быть лишь комплексной наукой, питающейся достижениями не только всех областей лингвистики, но и других общественных наук. В центре внимания находились вопросы методики этимологического исследования. Показательно, что о каком бы аспекте этимологического анализа ни шла речь — фонетическом, словообразовательном, морфологическом, семантическом, об анализе заимствований или топонимов, — докладчики подчеркивали необходимость системного подхода, причем большое внимание уделялось вопросу своеобразия проявления системности на разных уровнях языка. Существенно также снова подтвержденное мнение о необходимости органического сочетания различных аспектов этимологического анализа.

Для славянской этимологии большое значение имеет тщательно обоснованный в целом ряде докладов и выступлений принцип максимального использования исторических и диалектных данных отдельных славянских языков, учета генетической сложности словарного состава литературных языков, а также применения метода внутренней реконструкции. Методологически важно для славянской этимологии и для истории праславянского языка в целом признание многими славистами глубокой, раннепраславянской древности диалектного дробления славянской языковой области.

Как отметил в заключительном слове О. Н. Трубачев, симпозиум позволил ознакомиться со всем комплексом ведущихся этимологических исследований и дал возможность обменяться мнениями по наиболее острым вопросам теории и методики этимологии.

Ж. Ж. Варбот

ПЕРВЫЙ СИМПОЗИУМ ПО СЛАВИСТИКЕ В БЕЛОРУССИИ

С 11 по 14 апреля 1967 г. в Минске проходил Первый республиканский симпозиум, посвященный проблемам типологии и истории славянских языков и взаимосвязи славянских литератур, организованный по инициативе Белорусского университета и Белорусского комитета славистов. В его работе приняло участие около 100 работников высших учебных и научных заведений Белоруссии, Украины, РСФСР, Латвии, Узбекистана, Казахстана, Армении и Польши. Симпозиум открыл проректор Белорусского университета Л. В. Володько, который тепло приветствовал участников и по-

желал симпозиуму успешной работы. Он отметил, что цель симпозиума — подвести итоги и определить ближайшие конкретные задачи белорусских славистов — лингвистов и литературоведов.

На лингвистической и литературоведческой секциях было заслушано и обсуждено 50 докладов и сообщений.

На пленарном заседании был заслушан доклад председателя Белорусского комитета славистов М. Р. Судника «Современное состояние и задачи славистики в Белоруссии». Докладчик охарактеризовал состояние славистики в дореволюционной и Советской Белоруссии. Он от-

метил, что значительный подъем славистических исследований в республике начался в последнее десятилетие, когда был создан Белорусский комитет славистов, были организованы сектор общего и славянского языкознания в Институте языкознания им. Я. Коласа АН БССР и сектор взаимосвязей славянских и других литератур в Институте литературы им. Я. Купалы АН БССР. В прошлом году была открыта кафедра общего и славянского языкознания в Белорусском университете. За последние годы белорусские слависты издали ряд монографий по разным вопросам славянского языкознания и литературоведения. Они принимали участие в работе международных съездов славистов, конференций, симпозиумов. Р. М. Судник рассказал о подготовке к предстоящему VI Международному съезду славистов в Праге и подробно охарактеризовал задачи белорусских славистов: участие в работе над общеславянским лингвистическим атласом, дальнейшее лингвогеографическое изучение лексики Полесья, создание этимологического словаря белорусского языка, типологическое описание белорусского языка в сравнении с другими славянскими языками, изучение польских диалектов на территории СССР, разработка проблем истории праславянского языка, типологии славянских языков и др.

От имени Советского комитета славистов и коллектива Института славяноведения АН СССР участников симпозиума приветствовал Н. И. Толстой (Москва). Он выразил надежду, что такого рода симпозиумы будут проводиться регулярно, и отметил важность теоретических разработок белорусских славистов, особо подчеркнул значение создания областных словарей.

Заседание лингвистической секции открылось докладом А. И. Журавского (Минск) «О белорусском варианте церковнославянского языка», в котором на материале памятников белорусской письменности XV—XVI вв. была сделана попытка доказать существование белорусского варианта церковнославянского языка. А. И. Журавский подчеркнул, что назрела необходимость выработать критерии для разграничения белорусских и церковнославянских памятников на основе статистического анализа грамматических и лексических явлений, по-разному выражаемых в белорусском и церковнославянском языках. В докладе Н. И. Толстого «О стилистической типологии славянских стандартных литературных языков» речь шла о зависимости стилистики славянских литературных языков от набора и характера релятивных признаков. Докладчик, признавая классификацию славянских языков югославского ученого Д. Брозовича по этим признакам удачной, предложил внести в нее ряд корректив. Были заслушаны

сообщения П. Ф. Крапивина (Минск) «Неизвестная рукопись XVIII столетия» и Л. В. Цеханович (Гомель) «К вопросу о ранних лексико-семантических вариантах однокоренных слов в русском и белорусском языках».

В докладе «Повторные» союзы в восточнославянских языках» П. П. Шуба (Минск) выделил с точки зрения специфики функционирования союзов две группы: союзы, которые могут употребляться в предложении не повторяясь (*и — и, или — или*), и языковые единицы без одиночных соответствий, которые употребляются лишь при условии их повторения (*ни — ни, не то — не то*). Последние П. П. Шуба предложил квалифицировать не как союзы, а как грамматические средства связи, выраженные повторением отдельных слов — частиц, местоимений и т. д. Сравнительно-типологическому изучению видов подчинительной связи внутри словосочетания в русском и белорусском языках посвятил свой доклад М. Е. Ханин (Гомель), который считает, что определять совпадение в падеже приложения и определяемого слова как согласование неправомерно, поскольку такое совпадение, по его мнению, обусловлено параллельным управлением, т. е. одинаковой зависимостью главного и зависимого компонентов сочетания от одних и тех же управляющих слов. Л. П. Подгайский (Минск) в докладе «К истории некоторых предложных конструкций в восточнославянских языках» исследовал малоизученный вопрос — развитие конструкций с *двеля* (*дбля*), *для* в процессе становления синтаксических систем современных белорусского, русского и украинского языков и их взаимодействия.

Отдельные вопросы синтаксиса нашли освещение в докладах М. А. Муталимовой (Минск) «Составное причастное сказуемое (на материале Маринского кодекса)», Л. Н. Тигус (Ленинград) «Конструкции со страдательными причастиями перфектного значения в языке дипломатических документов конца XVII—начала XVIII в.», В. Н. Якутика (Минск) «К вопросу о выражении временной соотнесенности действий, обозначаемых формами сослагательного наклонения, в некоторых славянских языках», М. А. Приходько (Минск) «Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным собирательным существительным, в сербско-хорватском языке». Доклад З. Д. Поповой (Воронеж) «К типологии славянского падежа» посвящен методике установления падежных значений, набор которых может стать эталоном для описания функций падежных форм славянских языков. Одним из измерений, которое докладчик считает полезным прилагать к сопоставляемым падежным формам, является определение вида вхождения изучаемой формы в предложение. Г. А. Цыхун (Минск) в докладе «К воп-

росу о постпозитивном члене (артикле) в болгарском и македонском языках» отметил, что постпозиция болгаро-македонской членной формы тесно связана с порядком слов в предложении. Наиболее типичной ее позицией по отношению к имени существительному должна быть, как считает докладчик, постпозиция, обязательная при полной грамматикализации членной формы. Случаи ее препозиции свидетельствуют о том, что окончательной грамматикализации членной формы в болгарском и македонском языках еще не произошло.

М. Г. Булахов (Минск) в докладе «О некоторых аспектах и задачах изучения истории словообразовательных систем в славянских языках» наметил три задачи, стоящие перед славистами: реконструировать характер словопроизводства в праславянский период (частично эта задача решена трудами виднейших славистов), установить направление протекших изменений праславянской системы словообразования в различных ареалах в период дифференциации славянства, исследовать исторические изменения словообразовательной системы каждого из формирующихся славянских языков в период складывания народностей и результаты этих изменений на основе изучения системы словообразования современных языков. В докладе «К структуре словообразовательной системы литературного языка и говора» Р. В. Кравчук (Минск) на материале чешского языка проследил различия словообразовательных систем литературного языка и говора, указав, что стилистически-функциональная дифференциация языковых средств в говоре намного беднее, чем в литературном языке.

Анализу структуры, выявлению особенностей антропонимической системы Бельской земли первой половины XVI в. в плане сравнения с антропонимической системой других земель того же периода на материале переписи 1528 г. был посвящен доклад Н. В. Вприлло (Минск) «Из антропонимии Бельской земли XVI в.». Ф. М. Янковский (Минск) в докладе «Из проблем белорусской фразеологии» обратил внимание на неотложную задачу составления белорусских фразеологических словарей. В сообщении «К методике выявления исконно славянских сочетаний лексем» М. М. Копыленко (Алма-Ата) продемонстрировал методику и результаты сопоставления сочетаний старославянских лексем с их греческими прототипами на примере сочетаний *приати* + абстрактное существительное. С сообщением «Некоторые способы передачи фразеологизмов польского языка на русский» выступила К. М. Гюлюмянц (Самарканд). Типологическому сопоставлению отаждективных наречий современных русского, польского и белорусского языков посвятила свое выступление В. И. Дронь

(Варшава). А. Е. Супрун (Минск) прочитал доклад «О некоторых возможностях исследования лексической типологии». В сообщении «К психолингвистическому анализу одной семантической микросистемы» А. П. Клименко (Минск) изложила предварительные результаты экспериментального психолингвистического обследования существительных со значением погоды в современном русском языке.

Интересен был цикл прочитанных минскими лингвистами сообщений, связанных с изучением лексики Полесья: «Статистический анализ лексики Припятского Полесья» (А. С. Соколовская), «О характере полесско-лехитских параллелей» (Л. Т. Выгонная), «Полесские лексические прошикновения в польском говоре Замошья» (В. Л. Веренич), «Судьба праславянского *kotja в Полесье» (И. И. Лучиц-Федорец), «Из истории названий жира» (Г. Ф. Вешторг). На материале чешской географической терминологии Р. Н. Фондюкова (Минск) рассмотрела связь праслав. *role с подсечно-огневым земледелием.

В докладе «Происхождение славянских гуттуральных» В. В. Мартынов (Минск) на основе внешнего сравнения, подтвердившего результаты внутренней реконструкции, показал, что признание аккомодирующего характера пидевропейского языка предполагает наличие в нем фрикативных гуттуральных *x, h, H*, коррелирующих с *k, g, gh*. Диалектологическая проблематика была предметом докладов З. И. Жаковой (Минск) «К истории перераспределения диалектных границ на северо-западе восточнославянской изоглоссной области» и В. Н. Новопокровской (Минск) «К вопросу о развитии аканья (по материалам западнобурянских памятников письменности XVII в.)». Были заслушаны также сообщения В. Н. Чекмана (Минск) «О двух формах депалатализации в славянских языках», А. М. Бульки (Минск) «Старобелорусская орфографическая система в ее отношениях с книжнославянской и древнерусской» и А. Х. Антоновича (Вильнюс) «Обозначение твердости — мягкости согласных в белорусских текстах, писанных арабским письмом». В обсуждении докладов, прочитанных на языковедческой секции, приняли участие Л. М. Шакур (Минск), М. М. Копыленко, А. Е. Супрун, М. Г. Булахов, В. В. Мартынов, Н. И. Толстой, А. И. Журавский, П. Ф. Крашвин, Л. Н. Тинус, М. Р. Судник, А. Х. Антонович и З. Д. Попова.

На заседаниях литературоведческой секции были прочитаны следующие доклады и сообщения: М. Р. Ларченко (Минск) «Проблема изучения взаимосвязей белорусской литературы с литературами других славянских народов», Л. Е. Тимошковой (Минск) «К вопросу о литературных связях восточно- и южнославянских народов (связи современной македонской литературы с русской, украин-

ской и белорусской литературами)», С. А. Лысенко (Минск) «О некоторых горьковских традициях в украинской советской драматургии», Ю. П. Гальцекера (Самарканд) «Некоторые наблюдения над передачей стиля и языка писателя в переводах с польского на русский», Н. В. Головки (Минск) «О короткой басне в русской и белорусской литературе», Н. М. Малявко (Гомель) «Адам Гуринович и русская литература», О. К. Андриенко (Минск) «Максим Богданович и русская литература», М. В. Родченко (Гомель) «Белорусский фольклор и литература в творческом восприятии А. Твардовского», В. А. Моторного (Львов) «И. С. Свенцицкий — славист и белорусист», М. А. Янковского (Гомель) «Слово и образ в восточнославянских пословицах», П. П. Охрименко (Гомель) «Новые сведения о жизни и деятельности Тётки на Украине». В прениях по литературоведческим докладам выступили П. П. Охрименко, В. А. Моторный, О. М. Бого-

любова, Л. Е. Тимошкова, О. К. Андриенко, Л. И. Фигловский, С. А. Лысенко и М. Р. Ларченко.

На заключительном пленарном заседании был прочитан доклад М. Г. Булахова, А. Е. Супруна и Л. М. Шакуна «Развитие и взаимодействие восточнославянских литературных языков в советскую эпоху».

Подводя итоги работы секций, М. Г. Булахов и М. Р. Ларченко отметили значительное возрастание интереса к славистическим исследованиям в Белоруссии и повышение их качества.

Участники симпозиума, одоблив инициативу Белорусского университета по организации славистического симпозиума, приняли решение проводить симпозиумы (конференции, совещания) периодически через один-два года с более узкой их тематикой. Было решено также издать доклады и сообщения, прочитанные на симпозиуме, отдельным сборником.

Э. Григорян

СЛАВИСТИКА НА КАФЕДРЕ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

В 1964 г. по решению Ученого совета Уральского государственного университета из кафедры всеобщей истории была выделена кафедра новой и новейшей истории в составе 8 преподавателей, 6 из которых являются выпускниками исторического факультета Уральского государственного университета.

В настоящее время коллектив кафедры переходит к разработке отдельных вопросов по теме «Балканы накануне второй мировой войны (1933—1939 гг.)». И. Н. Чемпалов завершает работу над темой «Балканы в начале второй мировой войны (сентябрь 1939 — июнь 1941 г.)». К настоящему времени по данной теме опубликовано в виде статей, докладов и сообщений 14 работ (25 печ. листов) и сдано в печать 4 статьи (10 печ. листов). Основное внимание в опубликованных и подготовленных к печати статьях уделяется освещению экономической и военно-политической агрессии гитлеровской Германии на Балканах в начале второй мировой войны.

В. И. Шихов приступил к разработке новой темы — «Римский блок в 1934—1938 гг.»; к настоящему времени им опубликовано и представлено к печати по этой теме три статьи. В работах В. И. Шихова большое внимание уделяется разоблачению захватнических планов фашистской Италии в Дунайском бассейне в 1934—1938 гг. и освещению итало-германского соперничества в странах Дунайского бассейна накануне второй мировой войны. С. И. Рябоконт сосредоточил ос-

новное внимание на изучении истории формирования и деятельности Балканской Антанты.

Работа нескольких преподавателей и аспирантов кафедры над общей комплексной темой «Международные отношения на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время» дала возможность перейти к изданию тематических выпусков «Ученых записок». Так, еще в 1963 г. был издан небольшой сборник статей «Из новейшей истории зарубежных стран», в котором были помещены статьи: В. И. Шихова «План Годжи (Чехословацкий план создания политико-экономического блока дунайских государств. Ноябрь 1935 — март 1938 г.)»; И. Н. Чемпалова «Болгарские рабочие в немецко-фашистском рабстве (1939—1944 гг.)».

В 1966 г. был издан сборник «Международные отношения в новейшее время», в котором опубликовано 7 статей по истории славянских стран. Это статьи В. И. Шихова «Первые Римские протоколы (март 1934 г.)»; С. И. Рябоконт «Образование Балканской Антанты и позиция Болгарии»; Н. И. Ожиганова «Установление германского контроля над дунайским судоходством (апрель — декабрь 1940 г.)»; «Дунайская проблема в межвоенный период»; И. Н. Чемпалова «Англо-французские планы нападения на СССР с юга и политика гитлеровской Германии на Балканах (март—май 1940 г.)»; «Дипломатическая подготовка к установлению экономического и военно-политического господства Германии на Балканах

(май—сентябрь 1940 г.), «Гитлеровская агрессия на Балканах осенью 1940 г. (сентябрь — октябрь 1940 г.)».

В начале 1967 г. сдав в печать новый сборник, в который включены статьи: В. И. Шихова «О деятельности Римского блока в 1934 г.»; С. И. Рябокопя «Салоникское соглашение»; И. Н. Чемпалова «Итало-германская агрессия на Балканах в конце 1940 г.».

Кафедра новой и новейшей истории Уральского университета установила тесное творческое содружество с кафедрами всеобщей истории Пермского и Башкирского университетов. В течение последних лет историки этих университетов и педагогических вузов трижды собирались на научные конференции. Некоторые доклады и сообщения, заслушанные на конференциях, были опубликованы

в сборниках Уральского и Пермского университетов.

Общими усилиями преподавателей и аспирантов кафедры новой и новейшей истории удалось накопить значительное количество документов и материалов в виде фотокопий и микрофильмов, которые используют в научной работе преподаватели, аспиранты и студенты.

Преподаватели кафедры поддерживают постоянную связь с Институтом славяноведения и Институтом истории АН СССР, участвовали в обсуждении макетов монографий, подготовленных сотрудниками этих институтов. Большую помощь кафедре оказывают ученые Института славяноведения АН СССР Л. Б. Валев, В. И. Турок-Попов, В. К. Волков.

И. Н. Чемпалов

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

● 11 января 1967 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации А. Ф. Носковой на тему «Гитлеровская оккупационная экономическая политика в Польше (генерал-губернаторство) в 1939—1944 гг.».

Официальными оппонентами по диссертации выступили доктор исторических наук И. С. Миллер и кандидат исторических наук И. С. Кремер. В своих выступлениях они отметили, что избранная Носковой тема представляет значительный интерес не только для истории Польши, но и для истории гитлеровского фашизма и всех народов, подвергшихся фашистской оккупации. Выступившие отмечали, что огромный объем подлежащего рассмотрению материала и характер исследовательских задач, поставленных перед собою автором, вполне оправдывают принятое в работе ограничение — она посвящена не всем польским землям, а только так называемому «генерал-губернаторству». В диссертации используются труды предшествующих исследователей, многочисленные публикации, а также архивные материалы. Она содержит обширный материал, характеризующий экономическую политику гитлеровцев на оккупированных польских землях; в ней прослеживаются различные направления этой политики, показывается разногласия по вопросу оккупационной политики, существовавшие среди руководящей верхушки гитлеровской Германии.

И. С. Миллер, И. С. Кремер и выступивший в качестве неофициального оппонента доктор исторических наук А. Я. Манусевич единодушно отмечали, что диссертантка показала себя хорошим знатоком экономических сюжетов: она умело обработала многочисленные статистические материалы.

Ученый совет единогласно присвоил А. Ф. Носковой ученую степень кандидата исторических наук.

Н. С. Захарьина

● 11 января 1967 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук М. Р. Тульчинским на тему «Западногерманский «остфоршунг». Основные направления изучения истории ПНР, СССР и ЧССР».

В диссертации была предпринята попытка вскрыть организационную структуру и основные направления изучения истории Польши, СССР и Чехословакии западногерманским «остфоршунгом». Автор ставил своей задачей показать, как под влиянием новейших стратегических доктрин империализма произошло изменение традиционных взглядов буржуазной германской историографии на развитие стран Центральной и Восточной Европы. В то же время на западногерманской историографии отразились колебания правящих кругов ФРГ, их метания между политикой «размягчения» социалистического лагеря и политикой «с позиции силы». На широком историческом материале автор показывает, как наряду с пересмотром всей картины германо-польских и германо-чешских отношений, фальсификацией их, так сказать, в «лучшую сторону», что соответствует курсу на «размягчение», сохранилась традиционная националистическая концепция немецкой буржуазной историографии, связанная с третированием славянских стран, отказом признавать их в качестве равноправных носителей исторического прогресса, что соответствует второй из указанных тенденций.

В диссертации отмечается также, что за последние годы в связи с усилением критики внешней политики Бонна и, в частности, его политики по отношению к социалистическим странам Европы, наблюдается новый подход к историческим проблемам стран Центральной и Восточной Европы; в этом же направлении толкают западногерманскую историографию достижения марксистского славяноведения. Ряд появившихся за последние годы работ (Ф. Фшера, И. Гейса, К. Хирша и др.) фактически выходят за рамки традиционного «остфоршунга», в котором продолжают прочно господствовать слегка модифицированные консервативно-реакционные направления.

Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук М. С. Восленский и кандидат исторических наук В. К. Волков. Выступавшие отметили, что анализ западногерманского «остфоршунга», разоблачение его позиции по отношению к тем странам, к которым Бонн выдвигает территориальные требования, весьма актуально и имеет научное и политическое значение. М. Р. Тульчинский занимается этой проблемой много лет и опубликовал по данному вопросу ряд работ.

Ученый совет единогласно присвоил М. Р. Тульчинскому ученую степень кандидата исторических наук.

Н. З. Сергеева

• 8 февраля 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию Б. С. Попков, преподаватель кафедры всеобщей истории Петровского университета им. О. В. Куусинена. Защита проходила в Институте славяноведения АН СССР. Тема диссертации «Иоанн Лелевель в оценке польских и русских современников» по отзывам официальных оппонентов, которыми выступили доктор исторических наук И. С. Миллер и кандидат исторических наук И. А. Воронков, важна и весьма интересна, тем более, что еще мало изучены жизнь, деятельность и научное творчество выдающегося польского историка и видного деятеля национально-освободительного движения. Изучение этого вопроса требует анализа гигантского по своему объему материала. Диссертация — плод многолетней работы, научный результат ее существен и убедителен. Первые четыре главы ее посвящены деятельности Лелевеля в оценке польских современников. Это законченная, вполне подготовленная к печати монография, нужная и полезная, какой еще нет на книжных полках. Пятая глава, которая по объему равна половине диссертации, основана на материале, в подавляющем большинстве новом. Основу исследования, благодаря которому мы увидели Лелевеля глазами русских современни-

ков, составляют материалы 13 архивохранилищ. Оппоненты высоко оценили новаторское значение этой части диссертации, скорейшее опубликование которой, по их мнению, отвечает насущным интересам советской и польской исторической науки.

Хорошо показано в работе большое влияние исторической концепции Лелевеля на демократические круги польской эмиграции. Источники и литература позволили автору убедительно показать, как оценивали И. Лелевеля в различные периоды его жизни и деятельности прогрессивные и реакционные круги польской и русской общественности и официальные представители царского правительства. В последней главе диссертации показано, что русская научная общественность хорошо знала исторические работы польского ученого и высоко их оценивала.

Ученый совет присвоил Б. С. Попкову ученую степень кандидата исторических наук.

А. Б. Петров

• Трудом, который представил на рассмотрение ученой степени доктора филологических наук И. К. Горский (защита состоялась в Институте славяноведения 17 мая 1967 г.), явилась его монография «Исторический роман Сенкевича», М., 1966. Эта книга посвящена самым значительным произведениям польского писателя — знаменитой «Трилогии», романам «Камо грядеши» и «Крестоносцы». Их глубокий, убедительный анализ — одно из существенных достоинств работы И. К. Горского. Автор не ограничился, впрочем, рассмотрением творчества Сенкевича: в целях создания прочной методологической базы своего исследования он обратился к общим вопросам теории жанра исторического романа, его эволюции. Попутно были затронуты и другие теоретические проблемы. Все это способствовало тому, что более основательно прозвучали выводы, относящиеся уже собственно к Сенкевичу. И. К. Горскому, использовавшему обширную литературу о Сенкевиче, удалось создать самостоятельную историко-литературную концепцию, раскрыть художественное своеобразие прозы изучаемого писателя. При этом автор монографии не уклонялся от решения спорных и сложных вопросов, не обходил идейное противоречие во взглядах и суждениях Сенкевича. Книга И. К. Горского — ценный вклад в советскую полонистику.

В качестве официальных оппонентов выступили Г. Д. Вервес, И. С. Миллер, Р. М. Самарин, высоко оценившие труд И. К. Горского. Ученый совет института единодушно решил присвоить соискателю ученую степень доктора филологических наук.

А. Анатольев

● 17 мая 1967 г. члены Ученого совета Института славяноведения АН СССР единогласно голосовали за присвоение ученой степени кандидата филологических наук Богдановой И. А. Ее диссертация «Утверждение романтизма в словацкой поэзии и творчестве Янко Краля» (научный руководитель — канд. филол. наук С. В. Никольский) получила высокую оценку официальных оппонентов — доктора филологических наук У. Р. Фохта (ИМЛИ) и кандидата филологических наук И. М. Порочкиной (ЛГУ). Как в отзывах оппонентов, так и в официальном отзыве, присланном ИМЛИ, подчеркивалась большая научная ценность работы, основанной на глубоком изучении историко-литературного материала и хорошей ориентации в вопросах теории романтизма.

Работа И. А. Богдановой, как отмечалось на защите, — первый в советском литературоведении опыт освещения процессов складывающейся национальной словацкой литературы. Автор убедительно раскрыл их своеобразие, подчеркнув вклад словацкого романтизма в историю европейской литературы.

И. А. Богданова прослеживает формирование национально-освободительной

идеологии 40-х годов XIX в. в Словакии, на базе которой возникло романтическое направление. Она справедливо отмечает национально-патриотическую направленность штурвовского романтизма. Много внимания автор уделяет проблеме романтического героя в словацкой литературе, убедительно показывая, что в своем конфликте с действительностью он выступает как представитель добрых сил, прогрессивного национального начала, выразитель народных чаяний; поэтому субъективно-лирическая поэзия словацких романтиков, оставаясь поэзией личного чувства, имеет ярко выраженный гражданский характер. Выводы автора логично вытекают из глубокого и тонкого анализа поэтического творчества С. Халупки, А. Сладковича, Я. Ботто и прежде всего Я. Краля. Интересно прослеживаются в работе традиции Янко Краля в словацкой поэзии начала XX в. и в творчестве пролетарских писателей 30-х годов.

Диссертация И. А. Богдановой — ценный вклад в изучение истории словацкой литературы XIX в. и проблемы своеобразия романтизма в славянских литературах.

А. Соловьева

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В ТИТОГРАДЕ

Исторический институт в Титограде был создан 3 июля 1948 г. и назывался — Институт по изучению истории черногорского народа. Позднее он был переименован в Исторический институт Народной Республики Черногории, а теперешнее его официальное название зафиксировано в уставе 1966 г.

До 1959 г. Институт находился в Цетинье, а затем был переведен в Титоград. Тогда же в его состав вошел Архив ЦК Союза коммунистов Черногории, было увеличено число научных сотрудников и установлена новая организационная структура. С этого времени в Институте имеется два научных отдела. Один из них занимается изучением истории Черногории со второй половины XIX в. до 1918 г., а другой — изучением истории рабочего движения, Народно-освободительной войны и революции в Черногории. С 1949 г. в Институте существует Архив рабочего движения, в котором собраны ценные материалы.

Сразу же после создания Институт стал играть важную роль в изучении истории Черногории. Но небольшое число сотрудников было не в состоянии исследовать историю Черногории с древнейших времен до наших дней; в связи с этим Институт выступил инициатором и организатором научного сотрудничества со многими учеными, занимающимися историей Черногории вне стен Института. Свою

деятельность Институт начал с организации сбора архивных материалов и копирования документов, хранящихся во многих югославских и иностранных архивах.

В период работы в Цетинье сотрудники Института сосредоточили внимание, главным образом, на изучении политической борьбы в Черногории в начале XIX в., на проблемах развития торгового капитала, международных связей Черногории, в вопросах истории права и прежде всего истории кодификации имущественного права, на написании биографий ряда выдающихся черногорских деятелей, а также на публикации документов.

Основное направление деятельности Института — всестороннее изучение истории Черногории со второй половины XIX в. — было обусловлено необходимостью исследования этого богатого событиями, но малоизученного периода. В связи с этим сотрудники Института приступили к изучению экономической, политической и военной истории Черногории этого периода. Результаты этих исследований были опубликованы в специальных изданиях.

После переезда в Титоград в Институте благодаря увеличению числа сотрудников и изменению научной проблематики началось систематическое исследование ряда крупных проблем: истории финансов, мореплавания, рыболовства

и некоторых отраслей промышленности, эмиграции и имущественно-правовых отношений, а также истории племен в Черногории. Завершается работа над монографиями об отношениях Черногории с Францией (1860—1916 гг.), о культуре и просвещении в Черногории (1851—1914 гг.), истории некоторых отраслей промышленности, об австро-венгерской оккупации Черногории (1916—1918 гг.), о политических отношениях Черногории с Сербией (1860—1878 гг.).

Сотрудники отдела истории Черногории с 1918 по 1945 г. опубликовали подробную хронологию народно-освободительной борьбы в Черногории и сборник материалов по истории народной власти в Черногории, завершается работа над монографиями о прогрессивном молодежном движении в Черногории (1918—1941 гг.), движении четников в Черногории (1941—1945 гг.) и народно-освободительной борьбе в Старой Черногории (1941—1945 гг.).

Важные задачи поставлены перед сотрудниками Института в перспективном плане научно-исследовательских работ, осуществление которого уже начато. Научные сотрудники отдела истории Черногории до первой мировой войны будут изучать политические отношения Черногории с Сербией (1903—1914 гг.), политику Австро-Венгрии по отношению к Черногории, итало-черногорские отношения в начале XX в., государственное устройство Черногории в XIX в., ее внешнюю политику в середине XIX в., обстановку на

черногорско-турецкой границе, вопрос об осуществлении решений Берлинского конгресса о Черногории, политическую борьбу в Черногории в начале XX в.

Сотрудники отдела новейшей истории Черногории будут работать над монографическими исследованиями по истории деятельности КПЮ в Черногории, по черногорскому национальному вопросу, истории буржуазных политических партий и культурно-просветительной политике в Черногории, а также над монографиями по истории молодежного движения, народно-освободительного фронта, партизанских отрядов и народной власти в Черногории.

Разработка этих проблем обусловлена необходимостью создания многотомной истории Черногории, а также запланированного труда по истории СКЮ, в подготовке которого занята часть сотрудников Института. Ряд работ, опубликованных Институтами, явился вкладом в югославскую историографию. Наряду с трудами своих сотрудников, Институт публикует работы других югославских историков по проблематике средневековой и новой истории Черногории.

Благодаря своим изданиям, материалам, публикуемым в журнале «Историйски записи», а также участию его сотрудников в других югославских изданиях, Институт внес серьезный вклад в югославскую историографию и завоевал авторитет в научных кругах.

Р. Н. Иванович

ПАМЯТИ К. Д. ДМИТРОВА

27 мая 1967 г. в возрасте 72 лет скончался доктор экономических наук, профессор Кирилл Дмитриевич Дмитров.

К. Д. Дмитров родился в 1895 г. в семье сельских учителей в южной Болгарии. По окончании II софийской гимназии, с 1913 по 1926 г. он работал счетным работником в банках и торговых предприятиях ряда городов Болгарии. К. Д. Дмитров принимал активное участие в профсоюзном движении страны, в 1919—1923 гг. был членом центрального руководства профсоюза банковских и торговых служащих. В 1914 г. К. Д. Дмитров вступает в Болгарскую социал-демократическую рабочую партию (тесных социалистов), которая в 1919 г. была преобразована в Болгарскую коммунистическую партию (БКП). С 1923 по 1926 г. он участвовал в организационной перестройке и строительстве БКП в условиях подполья, был секретарем софийской парт-организации, членом ЦК БКП, работал в военном отделе при ЦК БКП. За революционную деятельность фашистские власти Болгарии неоднократно подвергали К. Д. Дмитрова репрессиям, а в

1926 г. он по так называемому «делу тринадцати» был заочно приговорен к смертной казни. В августе 1926 г. К. Д. Дмитров принимал участие в работе пленума Центрального Комитета БКП в Вене, а в декабре 1927 г. и начале января 1928 г. — II партийной конференции в Берлине. В 1927—1928 гг. К. Д. Дмитров являлся секретарем партийной группы содействия БКП в Париже и работал в Торговом представительстве СССР во Франции.

В марте 1928 г. К. Д. Дмитров приезжает в Москву, где вступает в ряды КПСС. Сначала он работает по своей старой специальности счетным работником, а в 1931—1935 гг. учится в Институте красной профессуры. После окончания ИКП и до конца жизни К. Д. Дмитров занимался преподавательской и научной деятельностью. Он преподавал политическую экономию в высших учебных заведениях, а с 1939 г., не прерывая работу в вузах, в течение 17 лет являлся старшим научным сотрудником Института мирового хозяйства и мировой политики (позже — Института экономики)

АН СССР. С 1960 г., будучи персональным пенсионером союзного значения, К. Д. Дмитриев работал доцентом, а с 1965 г. — профессором МВТУ им. Н. Э. Баумана. В 1942 г. К. Д. Дмитриев защитил кандидатскую, а в 1964 г. — докторскую диссертацию.

Перу К. Д. Дмитриева принадлежит свыше 100 научных трудов, главным образом, по вопросам экономики балканских стран. Многие из его работ посвящены исследованию различных проблем экономики и новейшей истории Болгарии. В последние годы своей жизни он работал над обстоятельным очерком, посвященным историческому прошлому и настоящему Народной Республики Болгарии, ее социально-экономическому строю и государственно-политическому устройству, истории и деятельности ком-

мунистической партии, профсоюзных, молодежных и других общественно-политических организаций. Смерть прервала эту большую и плодотворную работу.

К. Д. Дмитриев интересовался проблемами советского славяноведения, сотрудничал в изданиях и участвовал в обсуждении научных работ Института славяноведения АН СССР. Как ученый, педагог, партийный и общественный деятель К. Д. Дмитриев много сделал для популяризации достижений социалистической Болгарии и расцвета нерушимой советско-болгарской дружбы.

Прямота и принципиальность, отзывчивость и щедрость души К. Д. Дмитриева снискали ему искреннее уважение и симпатию всех, знавших его.

Л. Б. Валев

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1967 г.**

Статьи

Бернштейн С. Б. Советской славянской филологии 50 лет	№ 5-
Верещагин Е. М. К вопросу об использовании греческой лексики в первых славянских переводах	№ 6
Виноградова Л. Н. Место и значение Кольберга в польской фольклористике	№ 6
Гибянский Л. Я. Расстановка классовых сил в Югославии в 1944—1945 гг.	№ 1
Гришина Р. П. Поворот Коминтерна к политике народного фронта и БКП	№ 6
Зарубин Л. А. Сходные черты зоолатрии и перехода к антропоморфизму у индоарийцев и славян	№ 3
Злыднев В. И. Октябрьская революция и литературный процесс в Болгарии	№ 2
Злыднев В. И. Изучение зарубежных славянских литератур в Советском Союзе (1917—1967)	№ 5
Конев И. С. Боевое содружество Советской Армии и Войска Польского в борьбе за освобождение Польши от фашистской оккупации	№ 3
Королюк В. Д. Советские историко-славистические исследования (1917—1967 гг.)	№ 5
Ловмянский Г. Взаимные отношения Польши и Руси в средние века	№ 3
Малиновский Г. Влияние Октябрьской революции на польское рабочее движение (1917—1919 гг.)	№ 4
Манусевич А. Я. Октябрьская революция и зарубежные славянские народы	№ 5
Марков Б. О грамматическом роде «европеизмов» в южнославянских языках	№ 4
Марков Д. Ф. Социалистические литературы в славянских странах 20—30-х годов и мировой литературный процесс	№ 5
Марина В., Мурашко Г. Техническое перевооружение сельского хозяйства Чехословакии в 1948—1960 гг.	№ 3
Матеев Б. П. Коллективизация в СССР и кооперативное движение в Болгарии в 30-х — начале 40-х годов	№ 1
Недорезов А. И. Роль К. Готвальда в осуществлении революционной линии чехословацкого рабочего движения	№ 1
Петровиц Н. Октябрьская революция и народы Югославии	№ 4
Прокофьева Н. Карел Пуркине и его место в чешском изобразительном искусстве XIX века	№ 4
Рябова Е. И. Словенская революционная поэзия 20-х годов	№ 3
Свирида И. И. Художественная культура зарубежных славянских народов в советской науке	№ 5
Смирнов Ю. И. Проблемы изучения межславянской фольклорной общности	№ 1
Смирнов Ю. И. Славянская эпическая общность (изменчивость уровней эпки)	№ 6
Судянк Т. М., Толстая С. М., Топоров В. Н. К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза	№ 2
Супрун А. Е. О системном и статистическом представлении грамматических изоглосс славянского мира	№ 1
Топорин Б. Н. Основные черты конституционного развития Чехословакии (после 9 мая 1945 г.)	№ 4
Флакер А. Советская литература в Югославии с 1918 по 1934 год	№ 6
Фрейденберг М. М. Торговля далматинского города в XIII—XIV вв.	№ 2
Христов Х. Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение в Болгарии (1917—1944 гг.)	№ 4

Чешко Е. В. Система падежного синтаксиса старославянского языка . . .	№ 2
Шолле З. Великая Октябрьская социалистическая революция и возникновение Чехословакии . . .	№ 4
Яблоньский Г. Влияние социалистической революции в России на характер второй Польской республики . . .	№ 2
Яжборовская И. С. Борьба ППР за укрепление национального фронта в период существования правительства национального единства . . .	№ 6

Сообщения и публикации

Гольберг М. Я. Еще о сербской балладе на Русском Севере	№ 1
Гринберг С. Ш. Иностраный капитал в промышленности Болгарии в конце XIX в.	№ 3
Дамьянович П. Югославская научная общественность к пятидесятилетию Октября	№ 5
Дыбов В. А. Памяти В. М. Иллич-Свитыча	№ 1
Катев К. В рядах борцов за победу революции	№ 1
Кишкин Л. С. О чем напомнила старая фотография	№ 2
Кодедова О. Подготовка к юбилею Октябрьской революции в Чехословакии	№ 5
Корольков В. Д. Е. Н. Голяховский — иллюстратор чешской и словацкой литературы	№ 4
Митовска К. Болгарские историки и приближающийся юбилей	№ 5
Мыльников А. С., Мыльникова Т. А. Первая чешская газета о России	№ 1
Нпьякий В. В. О победе Ярослава и Пелагии Домбровских	№ 3
Очак И. Д. Автобиография югославского коммуниста Владимира Чопича	№ 2
Савицкий И. Новая жизнь русской библиотеки в Праге (О судьбе книжного собрания А. Ф. Смирдина)	№ 4
Сегал Д. М. Наблюдения над фонологической структурой польского стиха	№ 1
Симонов Р. А. Применялся ли знак χ в записи числа в Енинском апостоле XI века	№ 3
Соколовская А. С. Лексическая типология говоров и этноязыковое разграничение Припятского Полесья	№ 3
Сумарокова М. М. Новые данные о начале революционной деятельности Филиппа Филипповича	№ 1
Титова Л. О новых формах театральной жизни Чехословакии	№ 2
Цесляк Т. Польская наука к 50-летию Великой Октябрьской революции	№ 5

Критика и библиография

Аксамитова-Малаш С. А. Ценное исследование о З. Ходаковском	№ 1
Арш Г. Л. П. Годоров. Филики Егерия и болгарите	№ 2
Бегунов Ю. К. Новый труд болгарских ученых	№ 2
Бегунов Ю. К. Юрий Крижанч. Политика	№ 6
Белявская И. М., Горина Л. В., Макова Е. С. Исторические сборники воронежских славистов	№ 6
Библиография	№ 1—4, 6
Бирман М. А. Основные направления в исследовании новой и новейшей истории Болгарии в болгарской историографии	№ 2
Бирман М. А. П. Панайотов. Приносят на българи за победата на Октомвриската революция	№ 5
Богданов Ю. J. Felix. Harlekyn sklonený nad vodou	№ 3
Богданов Ю. А. Matuška. Rudolf Jašik	№ 4
Богомолова Н. Ю. И. Крашевский в свете переписки с друзьями	№ 3
Богомолова Н. Книга о Л. Стаффе	№ 6
Булатова Р. Юбилейное издание	№ 5
Бунина И. К. В. Станков. Имперфектът в съвременния български книжовен език	№ 6
Буссе Н. П. Цанев. Марксистско-ленинская книга през периода на фашистката диктатура	№ 2
Бэлла И. Монография о Стрыйковском	№ 1
Бэлла И. Связи Льва Толстого с Польшей	№ 4
Валев Л. Б. Новая и новейшая история Болгарии в трудах современных болгарских исследователей (1941—1966)	№ 4
Валев Л. Б. История Болгарии глазами прогрессивных французских исследователей	№ 6
Валева О. П. Воспоминания ветерана болгарских профсоюзов	№ 1

- Венедиктов Г. К. Славянские языки в «Определителе языков мира по письменности» . . . . . № 3
- В о л к о в В. К. Д. Сирков. Българската работническа партия в защита на националната независимост на България (1 септември 1939—1 марта 1941) . . . . . № 3
- Г и б и а н с к и й Л. Я. Полезное издание . . . . . № 4
- Г и б и а н с к и й Л. Я. Исследования по истории югославского рабочего движения . . . . . № 6
- Г о р с к и й И. К. Опыт первого обобщения . . . . . № 2
- Г о р с к и й И. К. К вопросу о белорусско-польских литературных связях . . . . . № 3
- Г о р с к и й И. К. «Главные проблемы литературоведения» Г. Маркевича . . . . . № 4
- Г о р с к и й И. К., К а л л о ш А. В. Югославский ученый о романах польского писателя . . . . . № 4
- Г р е ч и ш н и к о в а С. Памяти Зденек Неудлы . . . . . № 6
- Г р и г о р и я н Э. А. Книга об армяно-болгарских литературных связях . . . . . № 2
- Г р и ш и н а Р. П. Г. Пенчев. Нелегалните печатници на партията . . . . . № 2
- Г у д к о в В. П. И. В. Арбузова, П. А. Дмитриев, Н. И. Сокаль, Сербохорватский язык . . . . . № 1
- Г у р ь в е в а М. В. Трендафила Ангелова. Борба за младежко антифашистско единство в България . . . . . № 3
- Д ь я к о в В. А. Новые книги о польско-белорусских, белорусско-литовских и русско-польских связях второй половины XIX в. . . . . № 3
- Е. Н. К оценке творчества Григория Цамблака . . . . . № 6
- Е р м а к о в а М. И. Н. Popowska-Taborska. Dawne pogranicze jezykowe polskodolnołużyckie (w świetle danych toponomastycznych) . . . . . № 3
- Ж е б о к р и ц к и й В. А. Кулинич И. М. Вопросы истории зарубежных славян на страницах «Українського історичного журналу» . . . . . № 6
- З л у п к о С. Н., Б и ч в а р о в М. Д. В. С. Горський Українсько-болгарські філософські зв'язки (друга половина XIX ст.) . . . . . № 4
- К а л ы н ь Л. Э. «Sorbischer Sprachatlas» . . . . . № 2
- К и ш к и н Л. С. По следам пушкинских материалов в Чехословакии . . . . . № 3
- К о п ы л о в В. Р. И. Д. Очак Югославские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России . . . . . № 5
- К о с т ы ш к о И. И. Krzysztof Groniowski. Kwestia agrarna w Królestwie Polskim 1871—1914 . . . . . № 3
- К о с т ы ш к о И. Монография о крестьянском движении в Королевстве Польском . . . . . № 6
- К о т о в а Н. И. Умленски. Кюстендилският говор . . . . . № 1
- К ы р п а ч е в а М. Вклад в славяноведческую библиографию . . . . . № 1
- Л е й к и н а - С в и р с к а я В. Р. Wiktoria Sliwowska. Mikołaj I i jego czasy (1825—1855) . . . . . № 4
- Л о з и н с к и й И. Н. Первое украинское исследование о гениальном чешском сатирике . . . . . № 2
- М а л е в и ч О. М. «Sborník ševčenkovský» . . . . . № 1
- М а р л и н с к и й С. О дружбе вечной, нерушимой . . . . . № 1
- М и т р я е в А. И., С и д е л ь н и к о в С. И. Первый сборник по славянской историографии . . . . . № 2
- М я х а й л о в М. А. R. Lötzsch. Einheit und Gliederung des Sorbischen . . . . . № 4
- М о л о к Ф. А. Josef Smkrovský — Cestmír Amort. Květnově povstání v Praze 1945 . . . . . № 1
- М о р д у х о в и ч Л. М. Новое издание «Политических дум» Ю. Крижанича . . . . . № 6
- М. Ф. Каталог выставки, посвященной 300-летию книги Ивана Лучича . . . . . № 3
- М ы л ь н и к о в А. С. Руководство по гуманистической поэзии в Чехии и Моравии . . . . . № 6
- Н е д о р е з о в А. И. J. Doležal. Jediná cesta . . . . . № 6
- Н е щ и м е н к о Г. «Deutschschesische Beziehungen im Bereich der Sprache und Kultur» . . . . . № 2
- О л ь ш а н с к и й П. Новая книга о советско-польских отношениях . . . . . № 1
- П е т р о в Ф. И. П. Вацек — солдат ленинской гвардии . . . . . № 1
- П о ч е п к о Г. П. Библиография о Январском восстании 1863 года в Польше . . . . . № 2
- Р о г о в А. И. Ryszard Łuźny. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska . . . . . № 4
- С м и р н о в а Н. Д. В. К. Волков. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938 . . . . . № 3
- С о л о в ь в а А. П. «Literární archiv» . . . . . № 4
- С у п р у н А. Е. Новый полабский словарь . . . . . № 6
- Т у л ь ч и н с к и й М. Р. «Studien zur Geschichte Osteuropas» . . . . . № 6
- Ш е р л а и м о в а С. А. «Импульс» — новый журнал чешских литературоведов . . . . . № 1

Научная жизнь

Антонюк С. Научная сессия историков УССР и ПНР	№ 3.
Белецкий Ф. М., Калининко М. В., Новодран В. А., Шадура В. А. VII украинская славистическая конференция	№ 1
Белкин Д. Славяноведение на гуманитарных кафедрах вузов города Горького	№ 3.
Варбот Ж. Ж. Международный симпозиум по проблемам славянских этимологических исследований	№ 6
Венедиктов Г. Заседание памяти В. М. Иллича-Свитыча	№ 4
Веренич В. Л., Смирнов Л. Н. Защита диссертаций	№ 2.
Гибпанский Л. Я. Научная конференция о международном значении Великой Октябрьской социалистической революции	№ 4
Григорян Э. Совещание по топонимике	№ 2
Григорян Э. Первый симпозиум по славистике в Белоруссии	№ 6
Данилова Н. Симпозиум по проблеме «Генезис капитализма, национально-освободительное движение и формирование национальной культуры в славянских странах (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)»	№ 3.
Дмитриев П. А. На филологическом факультете ЛГУ	№ 3
Дьяков В. А. Международный симпозиум по истории революционных связей между народами России и Польши	№ 2
Зильберт Б. А. Филологи-слависты Саратова к VI Международному съезду славистов	№ 3
И. К. Научная сессия, посвященная 1000-летию Польского государства	№ 1
Калоева И. А. О работе Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР в области славяноведения	№ 1
Книжки к 50-летию Октябрьской революции	№ 5
Копылов Б. Защита диссертации	№ 5
Л. К. «Загадки Разума» (Заметки читателя)	№ 4
Мальдис А. Развитие белорусской славистики в области литературоведения	№ 4
Мельцер Д. В Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина	№ 1
Пашаева Н. М. Славистика в фондах Государственной публичной исторической библиотеки	№ 2
Пашаева Н. М. Выставка литературы	№ 5
Прокофьева Д. С. Советско-польский симпозиум «Польская пролетарская литература и польско-советские литературные связи 20—30-х годов»	№ 5.
П. Р. Заседание Комиссии историков СССР и ЧССР	№ 6.
Созин И. В. На кафедре истории западных и южных славян МГУ	№ 1
Соловьева А., Зенин Р. В., Захарьина Н. С., Снегина Л. С. Защита диссертаций	№ 3.
Тарвел Э. Девятая сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы	№ 2
Хренов И. А. В Международном комитете славистов	№ 2
Чемпалов И. Н. О научной работе кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета имени А. М. Горького	№ 6
Ю. Р. В Дантовской комиссии АН СССР	№ 3.

Научная жизнь за рубежом

Б. В. Н. Конгресс балканистов в Софии	№ 1
Бромлей Ю. В. К 1050-летию со дня смерти Климента Охридского	№ 2
Зеленин В. В. Симпозиум, посвященный Первой сессии АВНОЮ	№ 2
Йованович Р. Н. Исторический институт в Титограде	№ 6
Матула В. Международный симпозиум в Смоленцах	№ 1
Мразек Р. Международный симпозиум в Брно по структурным типам славянского предложения	№ 3
Путилов Б. Н. На конгрессе югославских фольклористов	№ 2
Шептунов И. М. Юбилей Климента Охридского в Болгарии	№ 3.
Шидак Я. На историческом отделении философского факультета Загребского университета	№ 3

Некрологи

Академик Михаил Димитров	№ 2
Памяти К. Д. Дмитрова	№ 6
Памяти П. В. Галенко	№ 2.
Ярослав Ваицкий	№ 1
В. К. Яцунский	№ 2.

CONTENTS

- I. S. Jažborovskaja*. The struggle of the PPR for the consolidation of the National Front during the Government of National Unity. *R. P. Grišina*. The adoption of the popular front policy by the Comintern and the Bulgarian CP. *Alexandar Flaker* (Yugoslavia). The Soviet literature in Yugoslavia in 1918—1934. *Ju. Smirnov*. The Slav epic unity (variability of the levels in epic). *L. N. Vinogradova*. L. Kolberg's place and significance in Polish folk-lore studies. *E. M. Vereščagin*. On the use of Greek vocabulary in the first Slavonic translations. 3

BIBLIOGRAPHY

Reviews and review-articles

- V. A. Žebokrickij, I. M. Kulinič*. The problems of the history of foreign Slavs on the pages of «Ukrajins'kyj istoryčnyj žurnal». *I. M. Bel'avskaja, L. V. Gorina, E. S. Makova*. Historical studies of the Voronež Slavists. *L. Ya. Gibianskij*. Studies in the history of the Yugoslav labour movement. *A. I. Nedorezov, J. Doležal, Jediná cesta, I. Kost'uško*. A Monograph on the peasant movement in the Polish Kingdom. *Ju. K. Begunov, Jurij Križanič*. Politika. *L. M. Mordukchovič*. The new edition of J. Križanič «Political thoughts». *L. B. Valev*. The history of Bulgaria as seen by the progressive French scholars. *S. Grečišnikova*. In memory of Zdenek Nejedlý. *N. Bogomolova*. A book on L. Staff. *A. S. Myl'nikov*. A guide in the humanist poetry of Bohemia and Moravia. *E. N.* An evaluation of the creative heritage of Grigorij Tsambalak. *M. R. Tul'činskij*. «Studien zur Geschichte Osteuropas». *I. K. Bunina, V. Stankov*. Imperfektät v sävremenija bälgarski knižoven ezik. *A. E. Suprun*. A new Polabian dictionary 59

Bibliographical publications

- The main articles and materials on the present state, history, culture and language of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1967. The contents of foreign periodicals. 93

SCIENTIFIC LIFE

- P. R.* The session of the Soviet-Czechoslovak historical comission. *Ž. Ž. Varbot*. The International symposium of Slavic etymological studies. *E. Grigorjan*. The first symposium on Slavistics in Byelorussia. *I. N. Čempalov*. On the scientific on slavistics work of the department of modern and current history of the Ural State Gorky University. *N. Zacharjina, S. Sergejeva, A. Petrov, A. Anatoljev, A. Solovjeva*. The defence of dissertation theses. *R. N. Jovanović*. The Institute of History in Titograd. *L. B. Valer*. In memory of K. D. Dmitrov 103
- The Index of the articles and materials published in the magazine in the 1967

Технический редактор *T. A. Михайлова*

Сдано в набор 17/VIII—1967 г. Т. 14748 Подписано к печати 25/X—1967 г. Тираж экз. 1150 Зак. 3314
 Формат бумаги 70×108^{1/16} Усл. печ. л. 10,5 Бум. л. 3^{3/4} Уч.-изд. листов 13,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.

Индекс 70891

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на журнал

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Если вас интересует происхождение и развитие древних и современных народов, их занятия, пища, одежда, жилища, общественный и семейный быт, их художественное творчество, праздники, верования и обряды,— подписывайтесь на журнал «Советская этнография».

Журнал рассчитан не только на специалистов-этнографов, но и на студентов, преподавателей, пропагандистов,— всех тех, кого интересует прошлое и настоящее народов мира. Диапазон его тем необычно широк: от загадок полинезийских миграций до закономерностей развития социалистических наций, от особенностей первобытной семьи до новой узбекской свадебной обрядности, от древнерусских былин до Всемирного фестиваля негритянского искусства в Дакаре.

Наряду с этнографами на страницах журнала выступают представители смежных наук — антропологи, археологи, фольклористы, лингвисты. Особое внимание «Советская этнография» уделяет современным национальным процессам в СССР, изменениям в культуре и быте советских народов в процессе строительства коммунизма.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 10 р. 80 к.

ЦЕНА ОДНОГО НОМЕРА — 1 р. 80 к.

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями «Союзпечати», конторами связи, а также общественными уполномоченными на местах.

*Подписывайтесь на журнал
«Советская этнография»!*

В ОБЪЕКТИВЕ ЖУРНАЛА — НАРОДЫ МИРА.